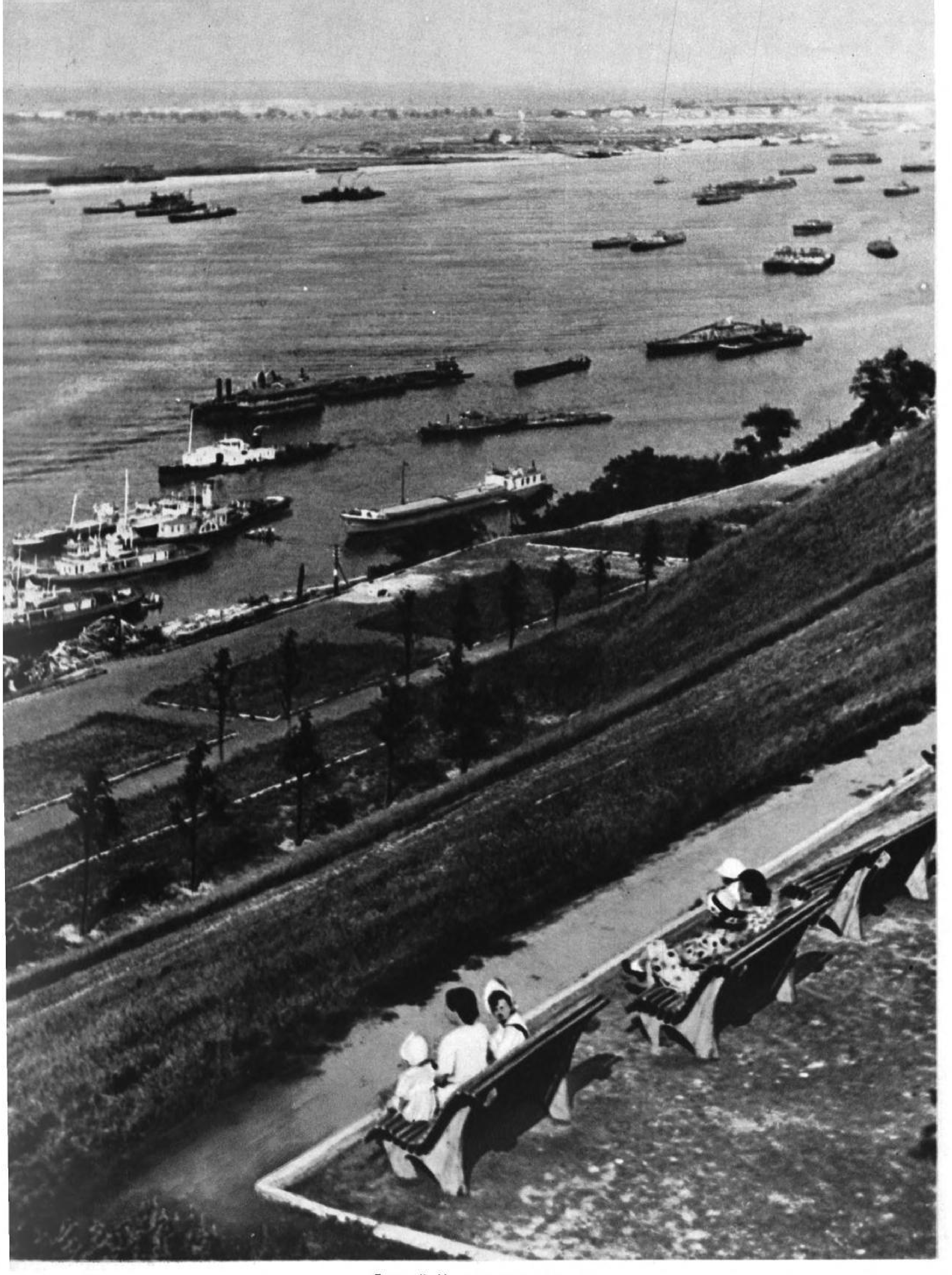

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Горький. На волжских просторах.

Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: «ЧЕЙ ВЫШЕ?»
Фотоэтюд Р. Мазелева.

На последней странице обложки: Катика купается. В яслях Будапештского камвольного комбината.
Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания № 22 (1511) 27 МАЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАШ ХЛЕБ ЦЕЛИННЫЙ...

Закончился сев в Казахстане.

С юга на север широким фронтом с весенним теплом набегала на целинные земли волна шумного и неумолчного гула тысяч и тысяч тракторов, поднявших миллионы гектаров тучного чернозема.

Вместе со всеми целинными совхозами отсеялся и совхоз «Московский», что под Кустанаем. «Московский» снимет этой осенью свою первую жатву с первых десяти тысяч гектаров. А, судя по всем приметам, жатва будет обильной.

Весна выдалась поздняя, и это к добру. Говорят: май холодный — год хлебородный.

Но есть и другая примета, верная примета,— люди-целинники. Их энергия, воля, неутомимость. Из таких людей состоит вся третья комсомольско-молодежная бригада совхоза «Московский».

Трое девчат из Днепропетровска, Лида Фенько, Лина Ольшевская и Рая Ивтушок, жили в страдные дни в полевом вагончике. Но часто даже короткую весеннюю ночь жаль было тратить на отдых.

Агрегат № 17. Виктор Галимский — тракторист, Света Галимская — сеяльщица. Тракторист вообще-то не обязан засыпать семена в сеялку. Но тут, как видно на снимке, дела семейные. Вероятно, сказывается, что поженились Галимские незадолго перед посевной. К чести молодого совхоза надо сказать, что все его восемнадцать агрегатов работали, как одна дружная семья.

Иногда даже в эту жаркую пору нет-нет, да и выдастся свободная минута. Тогда хочется перенестись мысленно на годы вперед и представить себе будущее и этого края и свое личное. Наверное, именно такой разговор шел между теми двумя подружками, что, наполнив мешки зерном, теперь присели отдохнуть...

В. ПОЛЫНИН

„ТЕПЕРЬ МЫ ЛУЧШЕ ПОНИМАЕМ

Во второй половине мая в нашей стране по приглашению правительства СССР гостили Председатель Совета Министров Французской Республики г-н Ги Молле, Министр Иностранных Дел г-н Кристиан Пино и сопровождавшие их лица. В период их пребывания в Москве состоялись переговоры с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным, Членом Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущевым и Первым Заместителем Председателя Совета Министров СССР и Министром Иностранных Дел СССР В. М. Молотовым.

Представители двух правительств, говорится в подписанном 19 мая Заявлении, выразили свое обоюдное удовлетворение результатами этих переговоров и пришли к соглашению о пользе возобновления подобных контактов.

Фото Дм. Бальтерманца.

←

Председатель Совета Министров Франции г-н Ги Молле и Министр Иностранных Дел Франции г-н Кристиан Пино на приеме у К. Е. Ворошилова.

В залах Академии художеств СССР открылась Выставка французской книги и графики. На снимке: Ги Молле и сопровождающие его лица после осмотра выставки.

Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович и Ги Молле беседуют на приеме во французском посольстве.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

→

Гости из Франции смотрели в Большом театре СССР балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро». На снимке: Министр Иностранных Дел Франции Кристиан Пино преподносит артистам цветы.

ДРУГ ДРУГА"

Перед началом заседания.

На открытии мемориальной доски в память французских летчиков полка «Нормандия — Неман».

Москва, Кремль, 19 мая 1956 года. Подписание Заявления о переговорах.

На аэродроме. Отъезд из Москвы главы Французского правительства Ги Молле. «Теперь мы лучше понимаем друг друга»,— сказал Председатель Совета Министров Франции в своем выступлении перед микрофоном.

Здесь ждут молодых строителей

«Молодые патриоты! Партия и Правительство зовут вас на новые трудовые подвиги во имя дальнейшего расцвета нашей любимой Родины, во имя победы коммунизма!»

Этими словами заканчивается Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи. Партия и Правительство призывают молодежь принять участие в грандиозном строительстве в восточных и северных районах страны и в Донбассе.

Братья Владимир и Василий Глебовы. Год 1955-й.

В Обращении упоминается Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат. Здесь, на строительстве комбината, в эти дни мы встретились с братьями Владимиром и Василием Глебовыми. Встретились вторично: первый раз мы видели их полтора года назад, вскоре после того, как они приехали сюда из деревни Глебово, Курской области.

У себя в деревне братья услыхали рассказ о том, что в кустанайских степях Казахстана советские геологи открыли одно из величайших в мире месторождений первоклассной железной руды — магнетита, о том, что перед железорудными запасами одной Кустанайской области бледнеют запасы легендарной «Уральской магнитки» и даже всего Урала. Здесь возникнет крупнейшая металлургическая база Советской страны. И это в безлюдной степи, где стояло лишь несколько десятков домишек геологов-разведчиков.

Первое наше знакомство состоялось прошлой зимой в небольшом поселке геологов Комсомольском, где разместились строители будущего Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината. Мы встали на лыжи и пошли осматривать «хозяйство» энергетиков. Вот он, энергопоезд, вместе с которым братья приехали из-под Курска. Поезд стоял среди сугробов на стометровом отрезке железнодорожного пути. Оба конца пути упирались в безлюдную, занесенную снегом степь. Можно было подумать, что состав занесло сюда вместе с кусочком железной дороги каким-то чудом. Но то не было чудом; то был, пожалуй, первый подвиг молодых строителей, которые приволокли сюда эти вагоны по бездорожной степи на стальных санях, «запряженных» тракторами «С-80». Экскаваторы нуждались в энергии, и нельзя было ждать, пока подведут железную дорогу.

Владимир, Нина и Василий Глебовы. Год 1956-й.

Той зимой Владимиру Глебову, начинающему слесарю, было 22 года, а Василию, который ни разу не держал в руках гаечного ключа, 17 лет. Мы обходили вагоны энергопоезда: турбину, градирни, распределительные устройства. Владимир рассказывал о сложности механизмов.

— Когда еще нам доверят самостоятельно управлять этими машинами! — говорил он.— Мы здесь самые молодые, а товарищи наши — всё люди с большим опытом.

И вот прошло полтора года. Владимир Глебов стал мастером и командует теперь бригадой из семи слесарей. Василий — помощник машиниста турбины.

Старший брат женился на Нине Холезиной, преподавательнице литературы и русского языка. Супруги недавно получили комнату в самом юном городе страны — городе Рудном, что возник год назад на пустынном когда-то берегу Тобола.

Из окон их дома видна панорама гигантской стройки железорудной базы «Казахстанской магнитки». Видны ряды светлосерых брезентовых палаток, которые разбиты прямо на зеленой траве и ждут нового потока молодых строителей.

В. МАТВЕЕВ

«БУХГАЛТЕРИЯ» В ПЕДАГОГИКЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Завершается учебный год в школах нашей страны. Полны забот напряженные майские дни, и одновременно многие и не очень радостные мысли беспокоят нас. Приходится подводить итоги учебного года и, разумеется, оценивать труд каждого учителя. Вот и мы в своей школе думали о том, чей же труд заслуживает высокой оценки, кого по обычаю поблагодарить, а кого, быть может, представить к присвоению звания заслуженного учителя РСФСР.

Благородна работа учителя! Много есть и в нашей школе признанных мастеров педагогического дела, чей труд является подлинным творчеством. Но всегда ли мы можем по-настоящему достойно оценить работу таких людей?

Вот, допустим, товарищ Н., которого все знают как хорошего педагога. В нынешнем году у него не успевало три—четыре ученика,— уже низкий показатель. И это неизбежно вступает в противоречие с инструкцией Министерства просвещения РСФСР от 15 октября 1955 года «О присвоении звания Заслуженного учителя РСФСР». По этому документу требуется учесть в характеристике «конкретные производственные достижения — успеваемость последних трех лет по предмету», а если педагог одновременно директор школы или заведующий учебной частью, то успеваемость и по его предмету и школы в целом.

Противоречие может оказаться роковым потому, что чем выше инстанция, которая будет рассматривать цифру успеваемости, тем больше причин для отказа в представлении к почетному званию. Зато можно найти в школе людей, казалось бы, отвечающих полностью требованиям инструкции: по их предметам имеется высокая успеваемость учеников на протяжении ряда лет, но... рука не поднимется подписать такое представление.

Задача поднять успеваемость учащихся — большое государственное дело, к нему нужно подходить со всей ответственностью. Не может быть лжи в работе с детьми! А ведь очень часто слабые в смысле педагогического мастерства учителя становятся на нечестный путь и старательно «делают» проценты. А через несколько лет убеждаешься, что в угоду процентам покалечен был не один учащийся. И уже в последующих классах таким детям никакой учитель не поможет, они поневоле не будут успевать, так как не создана основа их движения вперед.

Да разве допустимо вообще судить о работе учителя по бухгалтерским данным, когда успеваемость оценивается статистическими единицами измерения, словно речь идет об изготовлении какой-нибудь детали на заводе! Совесть педагога не может не протестовать против укоренившейся практики оценивать работу школы, учителя по процентам. Ведь за мертвой цифрой стоят живые люди, разные по характеру, по способностям, по условиям жизни.

Мы не беремся утверждать, что производится нажим вышестоящих ведомств на коллективы школ. Однако практика показывает, что если у школы успеваемость будет ниже, чем у других, ниже хотя бы на долю процента, то работа такой школы представляется в невыгодном свете. Отсюда угодническое стремление не отстать от «передовых», отсюда поиски разных средств, вплоть до завуалированных форм соцсоревнования в учебной работе.

Многие из нас не раз наблюдали, как эта ржавчина начинает разъедать педагогические коллективы. В каждом районе есть факты, когда слабые коллективы школ «добиваются» неоправданно высокого процента успеваемости. Так, в нашем Красногвардейском районе одна из школ из года в год давала стопроцентную успеваемость, нас, педагогов, без конца призывали равняться на эту школу. А на деле все оказалось чистейшим очковтирательством, обманом государства, калечением детей. И характерно, что факт очковтирательства вскрыли не органы народного образования, а партийные работники.

Нас спросят: а разве Министерство просвещения не давало указания перестать судить о работе школ только по процентам? Да, давало, но проценты и до сих пор остались главным, определяющим моментом в оценке деятельности учителя и школы. А все остальные требования — не более как иллюстрация, как материал для доказательства того, что невысокая успеваемость вызвана слабой учебной и воспитательной работой. И вот в отчетах по району школы выстраиваются по ранжиру, в прямой зависимости от пресловутого процента успеваемости. И почему-то все закрывают глаза на то, что есть еще и другая сторона дела — нравственное воспитание самих учащихся. Ведь нередко в школах происходят такие страшные явления, когда отдельные ученики с циничной откровенностью заявляют учителю: «А ведь вам невыгодно ставить мне двойку!»

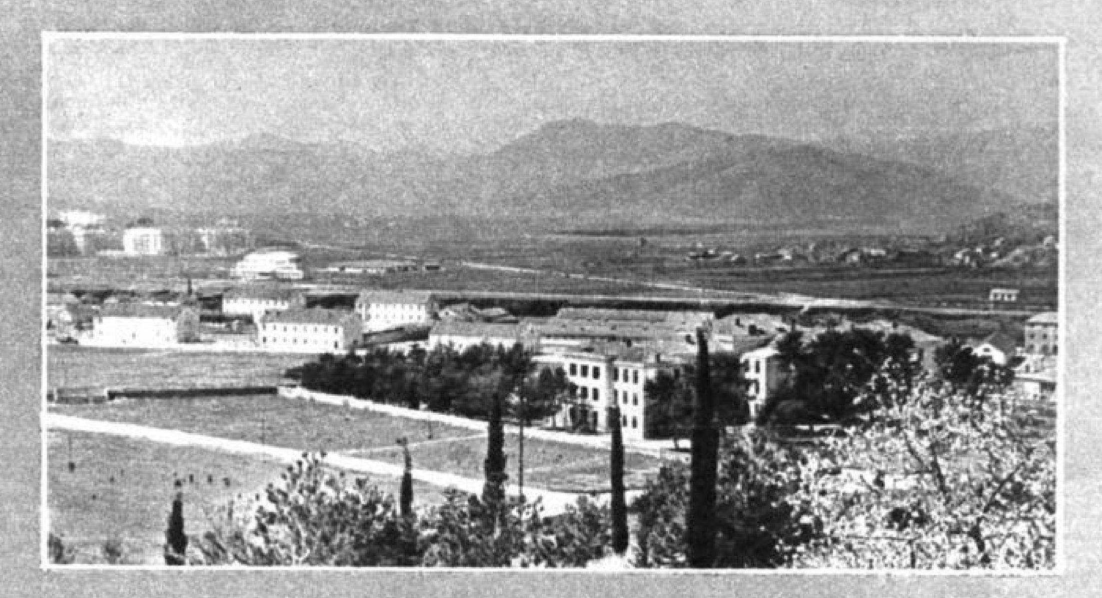
«Процентомания» объясняет, безусловно, и чрезмерное для некоторых школ количество медалистов. Нельзя не поражаться астрономическим цифрам медалистов, когда в иных коллективах ими является чуть ли не каждый третий выпускник. Школьный быт знает немало примеров так называемого «вытягивания» на медаль. О таком вытягивании осведомлены обычно и ученики, выходящие завтра в жизнь. Все это результат «бухгалтерии» в педагогике.

Мы призываем всех, кого волнуют вопросы воспитания и образования наших детей, глубже присмотреться к жизни школы. Тогда видно будет настоящее творческое горение большинства советских учителей, о работе которых преступно судить только по цифрам. Проценты нужны для бумажной сводки, но они вредны для ответственного и благородного дела обучения, воспитания будущих граждан, строителей коммунизма.

Директор 330-й средней школы Москвы
А. МОСТОВОЙ

Заведующий учебной частью
П. ХАЛДЕЙ

Титоград — Цетинье

Общий вид Титограда.

М. КРУТОГОЛОВ

Черногорию местные жители называют «соколиным гнездом». Почти вся она покрыта суровой, очень скудной растительностью. Много труда вкладывает здесь человек, чтобы отвоевать хоть клочок земли для посева.

В годы войны Черногория была одним из центров партизанского движения. Как и всюду в Югославии, на защиту родины встали здесь млад и стар. Каждый камень встречал оккупантов засадой, огнем партизанских автоматов, взрывом бомбы или гранаты. Черногория дала Югославии наибольшее количество Народных героев — 223 черногорца удостоены этого высокого звания. Черногорцем был и первый Народный герой Югославии, Иван Милутинович. Недаром югославская поговорка гласит: «Два черногорца — это армия».

Столкнувшись с героическим сопротивлением черногорских патриотов, фашисты пытались стереть с лица земли города и селения, которыми им удавалось овладеть. Незадолго до конца войны, когда участь фашистов была уже решена, был разрушен в несколько часов и город Подгорица.

И вот мы в Титограде, как называется теперь построенная на руинах Подгорицы новая столица Черногории. В аэропорте группу делегатов, направляющуюся на заседание Совета межпарламентского союза, тепло встречают представители скупщины, население города, журналисты.

Титоград, если смотреть на него с одной из окружающих гор, делится на две части: старый город — полуразрушенные старинные здания, минареты, немногие уцелевшие дома — и новый город — четкая планировка, недавно построенные, как правило, четырехэтажные дома белого цвета.

Товарищ Вуешевич, председатель Народного комитета Титограда, объясняет, что для удешевления строительства дома воздвигаются по типовым проектам. Но, имея общее в основе проекта, они отличаются архитектурной отделкой — простой, легкой, изящной.

Город очень чист и опрятен. Центральный бульвар обсажен кипарисами и пальмами, улицы освещаются люминесцентными лампами. Гордость жителей — великолепная гостиница «Црна гора». Другой такой нет ни в Белграде, ни в славящихся своими первоклассными отелями курортах Дубровнике и Будве.

На одном из высоких холмов, окружающих город, сооружается памятник героям-черногорцам, павшим в боях за освобождение родины. От центральной улицы к вершине холма ведет широкая мраморная лестница. Она заканчивается обширной площадкой, на которой воздвигнут мавзолей из белого камня. Над его входом укреплено изображение ордена Народного героя Югославии.

Здесь строится памятник героям-черногорцам, павшим в боях за свободу.

Каждый из нас невольно переносился мыслью в те годы, о которых напоминали цифры, высеченные на памятнике: 1941—1945. То были годы войны, когда закалилось и скрепилось наше братство.

За короткий срок пребывания в Черногории можно было многое увидеть и услышать. Югославские друзья рассказывали нам, как преображается этот в прошлом отсталый сельскохозяйственный край. Зримые черты новой, социалистической жизни проступают на каждом шагу. В Черногории — районе животноводства и земледелия — создается промышленность. На горных реках воздвигаются гидроэлектростанции. В Титограде работают металлургический завод, мебельная, табачная фабрики и другие предприятия легкой промышленности. Горную республику прорезают новые шоссе.

Узы давней, испытанной веками дружбы связывают русский народ с черногорцами, сербами, хорватами и другими народами Югославии. Это чувствуешь, посетив старую столицу Черногории — город Цетинье.

«Нас да русских — сто восемьдесят миллионов»,— ответили однажды черногорцы на угрозу австрийского императора. В историческом музее Цетинье можно видеть, как бережно сохраняются многочисленные экспонаты и документы, свидетельствующие об исторической связи черногорцев и русских.

Перед нами грамота Петра I черногорцам. В грамоте, датированной 1715 годом, Петр выражает благодарность черногорцам за помощь в войне с турками. На знамени, подаренном в 1877 году князю черногорскому Николаю I, лишь одна надпись: «Надеемся». Это знамя из России. Черногорцу Милошеву, отличившемуся в сражениях 1876 года, был подарен меч, на лезвии которого выгравировано славянской вязью: «Храброму Милошеву от русских». На столе, украшенном домотканной скатертью,— большой русский самовар «от московских славян».

Нам показали библиотеку музея — прекрасное собрание книг, из которых многие на русском языке. Библиотекой широко пользуются и жители города и специально приезжающие из разных мест профессора и студенты. На отдельной полке стоят тома Собрания сочинений В. И. Ленина. Мы обратили внимание, что некоторых томов не хватает. «О, их так трудно достать,— ответил служащий музея,— в магазинах их сразу раскупают». Наше обещание выслать музею недостающие тома было воспринято с горячей благодарностью.

Мы беседовали с черногорцами о многом: о наших связях, восходящих к давним временам, о том, как рады наши народы, что ушли в прошлое трудности в отношениях СССР и Югославии, а больше всего делились мыслями о будущем наших стран. Каждая такая беседа приносила все новые свидетельства симпатии к Советской стране, симпатии, проявляющейся в большом и малом.

Кто-то из нас подарил собеседнику-черногорцу брошь с миниатюрными снимками Ленинграда. В ответ черногорец преподнес в подарок свою самопишущую ручку — возьми на память, брат!

Повсюду в Черногории мы встречали дружеский прием и искреннее радушие. В Титограде и Цетинье, так же как и в Дубровнике и в Белграде, мы, советские люди, постоянно чувствовали себя среди братьев. И от всего сердца радовались тому, что вновь идем вместе с нашими старыми друзьями.

Гостиница «Црна гора».

Вл. СМИРНОВ

Фото В. ТЕМИНА и М. ОДИНЦОВА.

ЯКУТС

В солнечный апрельский день самолет специального авиаотряда сел на ледяное поле озера Дьяхаа.

— Сейчас вы увидите столицу прославленной изыскательской партии, — сказал командир воздушного корабля, когда мы поднимались по пробитой в снегу дороге на крутой, заросший тальником берег.

Отсюда открывался широкий вид на окрестности. Озеро со всех сторон окружала чахлая приполярная тайга. Не сразу можно было различить небольшие бревенчатые домики, вытянувшиеся вдоль извилистой речки. Это и есть центральный поселок, или, как нам его представили, «столица изыскательской партии».

— Вот именно столица! — полушутя, полусерьезно доказывал рослый геолог, старожил этих мест. — Самый крупный населенный пункт в нашем обширном крае. У него есть своя увлекательная история, а главное, замечательное будущее! Вот там, на возвышенности, через несколько лет вы увидите кварталы красивых зданий, к озеру спустится чудесный парк, а дальше пойдут фабрики. Что касается нынешних деревянных домиков, то, может быть, мы их сохраним: пусть знают, что здесь жили люди, открывшие народу эти несметные богатства.

Первооткрыватели якутских алмазов... Теперь всем известно, что недалек день, когда в заснеженной Якутии возникнет мощная алмазодобывающая промышленность.

Алмаз! Драгоценнейший камень-самоцвет, сверкающий и переливающийся всеми цветами радуги. Даже небольшие его кристаллы во много раз дороже равных им по весу зерен платины и золота.

Алмаз нужен не только для ювелирной промышленности. Это сверхтвердый камень. Недаром само слово «алмаз» и по-арабски и по-гречески означает: неукротимый, твердейший.

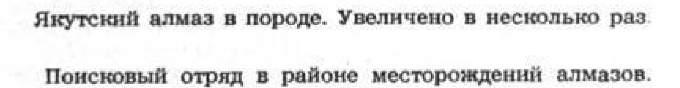
Алмаз используется в самых различных отраслях техники. Им режут стекло, обрабатывают металл, бурят крепкие горные породы, шлифуют и полируют изделия из самых твердых материалов. Он необходим для изготовления хронометров, точных приборов. Практически область применения алмазов почти не ограничена. Но это редкий и очень дорогой пока минерал.

Замечательно, что по своему составу алмаз — простой углерод, но искусница-природа сумела по-особому расположить в нем мельчайшие частицы этого элемента. Геологи полагают, что алмаз выкристаллизовался много миллионов лет назад в магме на очень больших глубинах, при колоссальных давлениях.

Совсем недавно многие считали, что этот драгоценный самоцвет — привилегия знойных широт. Вообще в мире найдено не так уж много месторождений алмазов. Самыми крупными считаются африканские, где добывается 95 процентов этого редкого минерала. Разработки алмазов ведутся также в Бразилии, Австралии, Индии и некоторых других местах.

В нашей стране первые алмазы были найдены свыше 100 лет назад на Урале. В конце прошлого века русские землепроходцы впервые увидели алмазные блестки в бассейне Енисея. Сотни разведчиков недр бороздили с тех пор уральскую и сибирскую тайгу, но алмазных месторождений промышленного значения обнаружить не удалось. Лишь сравнительно недавно на Урале открыли, правда, небогатые, но все-таки пригодные для эксплуатации россыпи.

Неудачи не сломили упорства энтузиастов поиска алмазов. Тщательно изучив геологическую структуру алмазных районов земного шара, они пришли к выводу, что в нашей стране должны быть

Якутский алмаз в породе. Увеличено в несколько раз.

Поисковый отряд в районе месторождений алмазов.

КИЕ АЛМАЗЫ

коренные месторождения этого драгоценнейшего минерала. Больше того, советские ученые указали примерно территорию, где следует вести поиски.

В бескрайнюю якутскую тайгу пошли смелые, предприимчивые люди. Искателям алмазов пришлось преодолеть много трудностей, испытать немало разочарований. Но они страстно жаждали успеха и добились победы. В Якутии обнаружены богатые месторождения алмазов. С трибуны XX съезда КПСС этот факт был оценен как замечательное открытие последних лет.

...Мы спустились к реке. На опушке леса паслись олени. А чуть подальше, на окраине поселка, возвышались деревянные строения заводского типа — прообразы будущих обогатительных фабрик. К ним то и дело подъезжали мощные ЗИСы, до отказа нагруженные драгоценной породой. Олени не пугались грузовиков: они привыкли к машинам.

Дальше вытянулись в два ряда жилые дома, которые называют здесь особняками. В центре поселка обычные для каждого населенного пункта учреждения: почта, магазин, столовая, медицинский пункт, радиоузел, клуб, пекарня и, наконец, гостиница — небольшой домик, срубленный из пихты.

— Ну, чем не город? — весело спрашивает геолог. — В нем есть коренные жители, те, что его закладывали, есть свой рабочий класс, своя интеллигенция. Вы познакомитесь у нас с людьми самых различных специальностей: геологами, топографами, обогатителями, горными инженерами, буровиками, шоферами, горнопроходчиками, торговыми и медицинскими работниками. Многие из них полюбили суровые таежные края и не собираются покидать их. Ведь это им открылся первый блеск алмазов Якутии!

Вечером в избушке-гостинице собрались старожилы. Изыскатели вспоминали прошлое, строили планы на будущее. Говорили о приближающейся летней поре, о зверях-комарах «трех генераций», от которых нигде нет спасения, о прожитой зиме, когда морозы достигали 67 градусов, о шофере, задавившем машиной полярного волка, нарушившего «правила движения», и о многом другом.

Первая экспедиция отправилась в бассейн реки Нижняя Тунгуска за алмазами в 1947 году. Как-то работнику экспедиции пришлось лететь на легком спортивном самолете к месту поисков. Путь лежал как раз там, где упал знаменитый Тунгусский метеорит. Геолог с интересом всматривался в рельеф, следя за выходами горных пород, вел записи.

Когда лететь до места назначения оставалось не больше часа, вдруг раздался страшный треск, что-то мелькнуло в воздухе, и мгновенно наступила тишина. Самолет начал терять высоту.

— Что случилось? — едва оправившись от неожиданности, спросил геолог летчика Иннокентия Трофимовича Куницына.

— Ничего особенного, просто мы потеряли винт, — спокойно ответил пилот.

Самолет планировал, выискивая, словно коршун, площадку для падения. Повсюду торчали, как пики, островерхие лиственницы. Прошло несколько мучительно долгих секунд, и самолет приземлился в болотце, представьте себе, совершенно невредимым, только без винта...

Геолог и пилот забрали с собой оружие, продовольствие и отправились дальше пешком. До ближайшего населенного пункта, километров сто — пять дней ходу по заболоченной тайге, но это — уже обычное для изыскателей дело.

— Где сейчас Иннокентий Трофимович?

— Погиб при выполнении задания. Мы потеряли прекрасного человека, талантливого пилота. Он проложил в обширном районе поисков первые воздушные трассы...

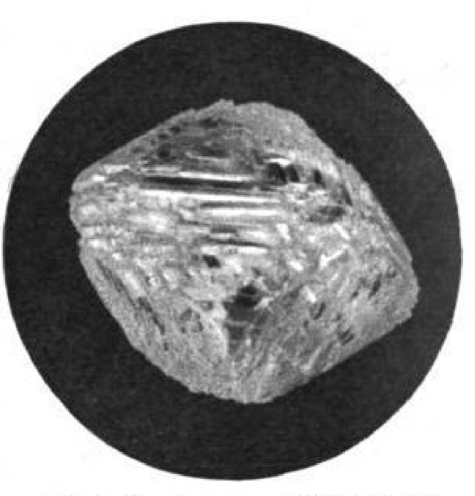
Это случилось ближе к весне 1948 года. Самолет Куницына обслуживал хозяйственников экспедиции, закупавших оленей в эвенкийских колхозах. Летчик повел машину по уже изученному маршруту на юг. Стояла на редкость ясная, тихая погода, никому в голову не приходила мысль об опасности.

В кабине пассажира — заготовитель экспедиции, однофамилец Иннокентия Трофимовича, Петр Иванович Куницын. На полпути самолет попал в свирепый ураган, неожиданно налетевший с юго-запада. Летчик, как ни старался, не мог пробить снежную пелену. Легкую машину швыряло из стороны в сторону. Пилот потерял ориентировку, однако ему удалось сравнительно благополучно сесть на ледяной покров небольшой таежной речушки. Она текла с запада на восток, и... тут была совершена ошибка: Куницын принял ручей за другую реку, находившуюся вблизи районного центра. Когда кончился ураган, выяснилось, что машина к дальнейшим полетам непригодна. Летчик и пассажир решили пройти на лыжах до районного центра, а фактически направились в противоположную сторону, в непроходимую тунгусскую тайгу. Это усугубило ошибку: она сбила со следа людей, искавших Куницыных.

С трудом, проваливаясь по пояс в рыхлый весенний снег, Куницыны добрели до другой реки и здесь решили ждать ледохода, с тем, чтобы потом спуститься вниз по течению на плоту. Построили чум, рассчитали запасы продовольствия. Они оказались весьма скудными: несколько килограммов топленого масла, две буханки хлеба. У Иннокентия Куницына был пистолет с тремя патронами. Ему удалось убить молодого лосенка. Масло разделили по 15 граммов в день, растянули мясо сохатого. Пока оставались силы, сколотили плот прямо на реке, чтобы с первой водой отправиться в путь.

Потянулись томительные дни и ночи. Петр Иванович видел, как мучается тяжелым недугом и тает на глазах его спутник и друг. Незаметно он подсовывал ему свою порцию мяса. Иннокентий Трофимович заметил эту хитрость.

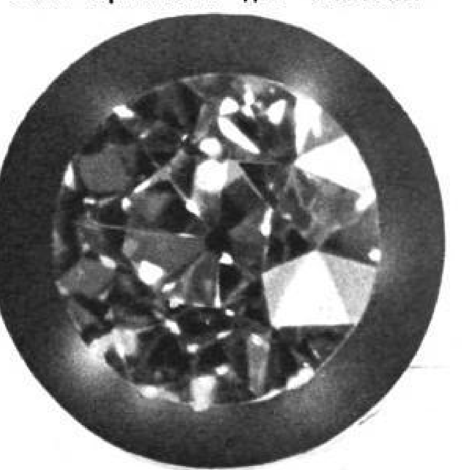
— Не надо, Петя, мне теперь уже ничего не надо. — Иннокентий поманил к себе друга и жестом пригласил его сесть рядом.— Передай там, на Большой земле, все, как было. А еще я хочу тебя посвятить в одну заветную тайну. Из морской авиации, где я долго

Якутский алмаз в 10,96 карата. Увеличено в несколько раз.

служил, меня демобилизовали по болезни. Открылась язва желудка. Приехал домой, хотел было отдыхать и лечиться, а воздух, он, Петя, тянет, ой, как тянет! Тут я узнал, что в наших краях организуются поиски алмазов и экспедиции нужен опытный летчик. Ты понимаешь, мы можем найти на нашей земле алмазы! Я утаил свою болезнь...

Он закрыл глаза и больше уже не мог вымолвить ни слова. Петр завернул тело друга в перкаль, снятый с самолета, и накрепко привязал его к плоту. Лед тронулся, кажется, 10 мая. Якуты перехватили плот на Вилюе. К нему были привязаны два человека:

Бриллиант.

Поселок изыскателей в тайге.

Алмаз используется в самых различных отраслях техники.

один — в бессознательном состоянии, другой — мертвый.

Иннокентий Куницын погиб весной, а осенью в пробах, взятых год назад в бассейне Тунгуски, рентгенологи обнаружили первый крохотный кристалл алмаза...

Успех окрылил геологов; они расширили круг поисков на территории, лежащей значительно севернее тогдашнего района разведки. Пройдя по тайге многие сотни километров, они провели геологическую съемку и выделили места для поисковых работ.

Экспедиция разделилась на две партии, одна из них должна была пройти путями, проложенными геологами в 1948 году. Зимой на берегу порожистой реки создали базу для этой партии. Сюда на оленях и самолетах доставили все необходимое для бесперебойной работы. Сюда же прибыли изыскатели. Весной, как только прошел лед, они снарядили лодки и отправились вниз по реке.

Река стремительна, изобилует большими и малыми порогами, в полую воду по ней плыть опасно. Особенно дурной славой пользуется порог Улахан-Хана. Река падает здесь с большой высоты, стремительно бурля и клокоча; она проносит свои воды по четырехкилометровому узкому ущелью, усеянному огромными камнями. Даже местные жители — якутские лоцманы — не решались в это время года вступать в борьбу со свирепым Улахан-Хана. Обычно ожидали, пока спадет большая вода, утихомирится течение и более четко обозначится фарватер.

Но ждать нельзя. Флотилией партии командовал эвенк с Нижней Тунгуски Алексей Коненкин. Он рискнул одолеть порог. Мужчины высадили женщин на берег, а сами, связав по три лодки для большей устойчивости, ринулись в бушующую стремнину.

— Прошли?

— Прошли успешно, но второй раз я вряд ли рискнул бы повторить этот путь, — говорит А. Коненкин.

Риск, на который пошли смелые люди, позволил выиграть по меньшей мере две недели. Благодаря этому удалось провести все намеченные исследования, и в последних пробах были обнаружены алмазы.

Любопытный случай произошел, когда в этом районе нашли первый драгоценный кристалл. Он был не больше трех миллиметров в поперечнике и весил всего 20 миллиграммов. Но надо было видеть, какую радость принес первый алмаз! В небольшую якутскую избу набились все, кто к этому времени находился поблизости. Всем хотелось взглянуть на блестящий камешек, может быть, предвестник крупных месторождений. Вот тут и случилось: алмаз упал и исчез.

Долго искали — и все тщетно. Решили было сжечь избу, землю и пепел промыть, обогатить и таким образом снова найти кристаллик. Но до этого нужно было тщательно отрясти всю одежду, разуться и осмотреть обувь, чтобы, случаем, не вынести алмаз на ногах. В поисках прошло еще около часа, и вдруг раздался радостный крик. Кристаллик минерала, оказывается, попал какими-то путями в резиновый сапог геолога.

Проходили месяцы. В разведку включались московские и ленинградские институты, Третье Главное управление Министерства геологии СССР, Всесоюзный аэрогеологический трест, Академия наук. Постепенно вырабатывалась новая методика геологоразведочных работ, наиболее пригодная к конкретным сибирским условиям.

Геологи действовали последовательно. Сперва они обнаружили в восточной части сибирской платформы необычный для здешних россыпей комплекс минералов: пироп, просвечивающий в мелких осколках, ильменит, хромдиопсид, хромит, перовскит и некоторые другие минералы. Затем были найдены породы, содержащие эти минералы. По своим химическим и структурным особенностям, по условиям залегания эти породы сходны с кимберлитами Южной Африки — материнской породой алмаза. Таким образом, было подтверждено высказанное ранее советскими учеными смелое предположение о наличии в Северо-Восточной Сибири коренных алмазных месторождений.

Первое коренное месторождение алмазов было названо «Зарница». Оно действительно блеснуло людям, словно зарница больших грядущих открытий. Второе коренное алмазное тело было обнаружено в другом районе и названо «Трубка мира».

Вскоре было открыто еще несколько коренных пород, содержащих алмазы. Смелые труженики изыскательских партий все дальше раздвигают границы алмазоносных провинций нашей Родины.

Временная стоянка разведчиков.

Букет из трех нарциссов. Бриллианты. XVIII век.

...Наутро мы покидали гостеприимных хозяев поселка у озера Дьяхаа. После всего увиденного и услышанного нам стала понятной восторженная вера искателей алмазов в большое будущее этого богатейшего края. Мы теперь как непреложную истину воспринимали заявления о городе, который вскоре возникнет на месте, где стоят сейчас бревенчатые избушки, об автострадах, которые пересекут тайгу, о гидростанциях, которые встанут на быстрых северных реках. Мы верили, что развитие алмазодобывающей промышленности повлечет за собой использование богатых залежей угля, а возможно, и нефти, которая уже проявляет себя во многих местах.

И природа вокруг не казалась нам теперь такой уж унылой и суровой. В ней была какая-то своя неповторимая прелесть.

— НУ-КА, ДОСТАНЬ!
Фото Л. Бородулина.

«Огонек». 1956.

Таджикистан. На центральной усадьбе совхоза имени Куйбышева.

Фото О. Кнорринга.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Глава шестая

Нигяр углублялась в квартал, о котором с содроганием думают девушки ее круга. Они упали бы в обморок, если бы им предложили посетить его, и не нашли бы слов для обитателей этих лачуг из глины, соломы и камыша.

В своей серой полотняной широкой рубахе и таких же шальварах она не выделялась среди лохмотьев и скромных одежд женщин, которые при виде ее вставали или спешили к ней навстречу.

Здесь жили такие бедные люди, что глиняные стены их конур не были прикрыты ничем; они потемнели от дыма очагов. На полу и на улице перед этими конурами играли дети, ползали по земле за костью или тряпкой, ссорясь из-за осколка стеклышка или разбитого блюдечка.

Земля вспучилась здесь безобразными серыми и желтыми бугорками, которые трудно было назвать жилищами. И, однако, в этих глиняных норах были двери, в которые входили, окна, сквозь которые внутрь проникал солнечный свет, полки, на которых стояли чисто вымытые консервные коробки, а перед жилищами были маленькие очаги, на которых приготовлялась пища.

На этой жесткой земле семьи спали вповалку, прижавшись друг к другу, закрывшись разодранным, расползшимся от времени одеялом или порыжевшей, истончившейся от испытаний времени старой кошмой.

Нигде, может быть, дух нищеты, безвыходной и нечеловеческой, не царствовал с такой уверенностью, как на этом обездоленном куске земли, где ждать избавления от постоянных, ежедневных обид и бедствий никто не мог и в лучший завтрашний день никто не верил.

Нигяр верно сказала, что она не одна спускается в это темное царство нужды, болезней и отчаяния. Сюда приходили и другие женщины, которые приносили с собой советы и лекарства, небольшие деньги и разговоры о жизни, о надежде и о завтрашнем дне, который воссияет над этими развалинами, — и все голодные насытятся, а все больные поправятся.

Ее хорошо знали, и она, наклонив голову, смело заходила в комнату, где на полу на соломе лежала больная молодая женщина, исхудалая и посиневшая от припадков жестокой лихорадки. Нигяр говорила с подругой этой женщины, сидевшей у изголовья, и отдавала порошки, принесенные с собой.

— Ей стало лучше, стало лучше, — бормотала, вознося слова благодарности, женщина, сидевшая у изголовья.

В другой конуре она садилась и терпеливо выслушивала, как пожилая женщина долго рассказывала ей о том, что надо бы похлопотать пенсию за сына, который погиб на войне, и никто не знает, как это сделать. Она записывала ее имя и имя ее сына — все, что могла узнать от этой изъеденной голодной старостью матери солдата.

Ей показывали ребенка, покрытого нарывами, расчесанными его кривыми, грязными ногтями так, что струйки крови бежали по его голым, черным и тонким ногам.

Девушка плакалась ей, что от нее ушел возлюбленный, и грозила убить его, отравить и бросить в реку.

Мужчины с ней заговаривали мало, и она избегала говорить с ними, потому что они были мрачны, усталы и от усталости грубы и злы.

Казалось, что властям нет дела до подобного квартала. В нем нельзя было проехать машине, в нем можно было только пройти пешком, и то зная, куда идешь.

Она думала найти тетушку Мазефу в одной из нор, где жили две сестры, ходившие работать на постройку новых домов. Они подносили кирпичи. Это были, как ни странно, веселые, с острым языком девушки, носившие свои браслеты на ногах и на руках с утра до вечера, никогда не снимая, так как это единственное богатство им некуда было спрятать в их голом жилище. Они, как большие кошки, вытягивались на цыновке, накрываясь одеялом, которое они сделали сами из лоскутков. Вот у них-то и думала Нигяр найти Мазефу.

— Нигяр-бану, этот дурак, который не выносит, когда я над ним смеюсь, хотел меня убить сегодня. Он сбросил кирпич, но промахнулся и только задел мне руку. Нет ли у тебя чем полечить ее? Смотри, какая ссадина...

— У меня есть иод и бинт, — сказала Нигяр, вынимая из сумки пакетик и коробочку. — Но ведь это — покушение на убийство...

— Меня не убьешь так просто, — отвечала девушка, снимая со своей руки повязку — длинный лоскут, оторванный от рубашки. — Что ты сегодня ищешь здесь, Нигяр-бану?

— Не видели ли вы Мазефу? — спросила она, зная, что здесь, как в джунглях, каждому обитателю известно все, что делается вокруг.

Здесь нет ни телефона, ни газет, ни радио, но вести из мира проникают в тишь и мрак этих глиняных нор с такой же скоростью, как и телеграмма.

— Ты не найдешь здесь Мазефы; мы дадим тебе девочку, и она тебя проводит. А потом ты отошлешь ее обратно.

Маленькая, черная и быстрая, как ящерица, девочка повела Нигяр в логовище, где ютились беженцы. Этот род людей, несчастней которых трудно придумать, не имел даже цепкой уверенности бедняков, привыкших к своему месту и тяжелому существованию.

Эти люди помнили еще, как во сне, сады и поля, на которых они работали, отдавая помещикам две трети урожая. Когда-то у них был угол, где рождались дети, вырастали, женились и продолжали работу предков. Или они жили в тесноте города, где не хватало многого для жизни, но все-таки был тоже свой угол, привычные соседи, знакомые переулки, беседы после трудового дня, любимые места отдыха где-нибудь в парке над водой у канала, да, может быть, было и достояние, накопленное дьявольским терпением имущество, кое-какие сундучки и кое-что в этих сундучках, жестяных, деревянных и железных, раскрашенных зелеными и розовыми узорами и цветами.

И все рухнуло куда-то, как будто земля разверзлась и поглотила все их маленькое благополучие. Исчезли и грошовые радости, и знакомые места, и привычные стены. И мрак, наполненный выстрелами и грохотом падающих стен, и вой огня, беснующегося на развалинах, гнал их все дальше и дальше. Равнина смерти дышала на них ужасом истребления, пока они не очнулись на холодной земле, среди множества себе подобных, дрожащих от холода; голод скрючивал их желудки, и дети не кричали, а разевали усталые пыльные рты, как птенцы в брошенных у дороги гнездах.

Ужас продолжал жить в этих людях и сейчас.

Девочка сумела прошмыгнуть мимо старика с кровавыми белками глаз, с растрепанной, веерообразной бородой, в разодранном халате с чужого плеча, но он успел схватить своей черной, как уголь, рукой Нигяр и, приподнявшись с соломенного низкого драного табурета, на котором сидел, стал ей шептать:

— Ты такая красивая, какая ты красивая, иди отсюда, здесь тебе не место... Послушай, я скажу, куда тебе идти, там тебе дадут много денег, много, я тебе расскажу, а тут ты погибнешь, как моя дочь... моя дочь...

Он забыл, что сказать дальше, стоял и крепко держал ее за руку. Девочка, проскочившая вперед и, как ящерица, вбежавшая на выступ стенки напротив, с любопытством смотрела, чем все кончится.

Нигяр сказала совершенно спокойно:

— Я сейчас запишу, что вы скажете. Пустите, пожалуйста, руку, а то я не смогу записать...

Старик покорно разжал руку и смотрел на нее, как будто не понимая, откуда и зачем она взялась.

Нигяр сказала:

— Мне нечем записать, я приду потом.

И она пошла дальше, а старик, упав на драный низкий табурет, продолжал смотреть в землю, как будто хотел что-то найти среди пыли и мусора.

Девочка, привыкшая ко всему, доверительно говорила Нигяр, идя с ней дальше в этих берложьих ходах:

— У него украли дочь. Она была красивая... как ты, — добавила девочка. — Старик — он как сумасшедший, он ничего не понимает.

Они услышали странное лязганье и шорох. У их ног ползал маленький мальчик, и руки его были похожи на паучьи щупальца.

Он передвигался по земле на коленях и локтях, выбрасывая в стороны свои кривые ноги и руки. Они у него были сломаны.

— Это наш паучок, — сказала девочка. — Мы его зовем паучком. Он нищий. Собирает милостыню. Его украли тоже, когда он был маленький. Есть такие люди, они поломали ему ножки и ручки, чтобы он стал просить милостыню на улицах, и они отбирали ее у него. А сейчас его отобрали у этого злого человека, и он живет здесь. Мы все его кормим. Ведь это лучше, чем просить на улицах. Он так испуган, что все еще просит и хватает за ноги всех. Пусти нас, паучок, дай пройти...

Они миновали мальчика, который тряс большой, как бы распухшей головой, и ерзал по земле, и никак не мог приподняться.

Нигяр знала историю этого мальчика и даже сама принимала в ней посильное участие. Они украли этого мальчика у человека, который бил его, издевался над ним и окончательно бы добил, если бы мальчика не спрятали здесь, в таких дебрях, куда этот жестокий человек не смел сунуться. Мальчик закричал им вслед что-то вроде приветствия, но они уже прошли.

Если бы о всех своих встречах Нигяр могла рассказать дома, славная Салиха Султан тут же бы дала клятву, что больше никогда Нигяр не увидит этих ужасов. Но Нигяр только улыбнулась про себя при этой мысли и шла за девочкой из переулка в переулок, пока не оказалась перед огромной вонючей лужей. Тут стояла ветхая мазанка, в нее вела деревянная дверь; это были две доски, соединенные проволокой, за ними виднелся слабый свет. Девочка что-то закричала в щелку

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21.

между досками, сейчас же дверь открылась, и Нигяр вошла в комнату, где стояли две кровати без матрацев, лежал старый, но вполне пригодный коврик, и женщина с белыми волосами, одетая в старое сари, подняла маленькую светильню, которая осветила эту «восточную» роскошь.

— А, это наша дорогая Нигяр! Очень рада тебя приветствовать у себя. Заходи, пожалуйста...

И хотя Нигяр признала эту женщину с белыми волосами и молодым лицом за свою знакомую, но не могла вспомнить ее имя. Поэтому она обратилась к ней, никак ее не называя:

— Мне нужно отыскать тетушку Мазефу...

— Сейчас найдем тетушку Мазефу, — ответила женщина, поправила на кровати одеяло, сложенное вчетверо, и достала большой висячий замок. Погасив пальцами фитиль своей светильни, она вышла вместе с девочкой и Нигяр к большой, блестевшей нефтяными блестками луже. Щелкнув замком и шутливо толкнув девочку: «Беги, быстрая, домой, теперь мы сами найдем», — она пошла впереди Нигяр большими шагами. Они долго блуждали во мраке, пока слабый свет далекого фонаря не возвестил им, что они покинули нищий квартал и должны пересечь пустынное и унылое пространство, за которым желтел огонь.

А Нигяр, идя за женщиной, думала о Фазлуре, о дне, который начался так весело и кончается так грустно, о том, что ей рассказывал Фазлур, и картины его странствий вставали перед ней, и у нее было ощущение, что она идет, как он, что он где-то здесь, рядом, в этой мгле, и она говорит: «В городе такая же бедность. Я знаю, как живут все эти люди, и, несмотря на то, что я имею шелковое сари, и уютный дом, и хорошую еду, я не боюсь этой темноты, потому что я не одна прихожу в эти мрачные места, не одна помогаю, не одна приношу пользу».

Женщина обернулась к ней и сказала:

— Тетушка Мазефа! Что бы мы делали без тетушки Мазефы? Мы бы просто пропали. Она была у меня сегодня, и я знаю, где ее искать. Вот видишь, я говорю верно: и тебе она нужна, красивой и молодой, — видно, очень нужна старая тетушка Мазефа, раз ты не боишься в такой тьме искать ее. Дай руку, чтобы тебе не спотыкаться. Здесь от палаток остались маленькие палки, вбитые в землю.

— Я хорошо вижу, матушка, — сказала Нигяр, так как не могла вспомнить имя этой женщины, которую где-то видела вместе с тетушкой Мазефой.

— Вот мы и пришли, — ответила женщина, не обращая внимания на то, что ее назвали матушкой, и они вышли к полупотухшим кострам, у которых сидел и лежал разный народ. За ними возвышалась высокая стена, в этой стене женщина отыскала дверь и открыла ее. Нигяр шагнула за ней и должна была остановиться, чтобы глотнуть воздуха и широко открыть глаза, так как ей показалось, что она провалилась в неизвестный подземный мир, где все ослепляет и где нечем дышать.

Едкий дым и чад наполняли помещение, настолько обширное, что не было видно ни потолка, ни стен. Только привыкнув к сизому горькому туману, закрывавшему все пространство, Нигяр, присмотревшись, увидела голые стены, и голый пол, и высоко над собой крышу. Она узнала помещение, в котором была несколько лет назад в дневные часы.

Тогда это был недостроенный цех, предназначавшийся для склада, после он был превращен в фабричное общежитие, сейчас здесь размещались сотни людей.

Глухой гомон голосов покрывал все другие звуки, а звуков было много. На многочисленных мангалах что-то кипело и булькало, пускало клубы пара, кто-то тихо плакал, кто-то что-то кричал, кто-то кому-то выговаривал. Кислый запах кизяка смешивался с запахом липкого пота пришедших с работы усталых людей, с запахом мокрых, горячих тряпок и сырого белья, приторным запахом каких-то подгнивших фруктов и овощей или испорченного мяса и подгорелого сала.

Шагая мимо занавесок, натянутых на веревки и сделанных из легких тряпок, кусков старого войлока, многократно прожженных и совершенно истасканных платков и платьев, Нигяр и ее спутница двигались к дальнему углу этого маленького ада, обладавшего всеми качествами большого.

Здесь было много хуже, чем в том глиняном аду, который она прошла наверху, на холме. Там был хоть воздух, который можно вдыхать, здесь хотелось все время чихать и кашлять, и глаза начинали слезиться от всех едкостей, собранных вместе.

За кусками занавесок дети сидели на полу, погружая свои худые руки в котелок, и, обжигаясь, вытаскивали оттуда какую-то жидкую кашу, стекавшую по их пальцам на голые маленькие тела, похожие на игрушечные. Можно было уловить красное, почти багровое лицо мужчины, скоблившего ножом толстую синюю кожу, и женский рот, раскрытый, как кошелка, потому что женщина дула в мангал, плевавшийся клочьями зеленого дыма. Можно было в стороне увидеть людей, укладывавшихся спать и аккуратно подбиравших цыновки под свои голые худые тела. Спавшие лежали, точно в анатомическом театре: с темными жилами и впалыми животами, как после вскрытия.

Но Нигяр мужественно двигалась за женщиной, хорошо знавшей все ходы и переходы.

И в самом деле, пробравшись сквозь баррикады из живых тел, мангалов, цыновок и сундучков, они подошли к веревке, через которую была переброшена большая драпировка, сравнительно целая и новая. Они остановились перед этой драпировкой, из-за которой доносились заглушенные шорохи, всхлипывание и тихие женские голоса. Спутница Нигяр сделала ей знак, чтобы она подождала ее, и юркнула за драпировку в полумрак и полушепот.

Нигяр остановилась и перевела дыхание. Казалось, здесь было дно того черного провала жизни, откуда не выкарабкаться наверх, так же как жуку, упавшему в ведро, невозможно влезть по его гладкой стенке и выбраться на свободу.

И, однако, она никак не могла предположить, что здесь делает Мазефа. Тетушка Мазефа могла просто придти сюда в гости. Эта мысль показалась настолько невероятной, что Нигяр даже стало смешно. Но тут же ей стало совестно этого смеха, и она терпеливо ждала, инстинктивно чувствуя, что не надо ей следовать за своей спутницей.

И вдруг оттуда совершенно неожиданно и

даже несоответственно обстановке появилась сияющая тетушка Мазефа, как будто ставшая выше ростом, все ее лицо светилось от пота, в глазах стояло восторженное спокойствие, а влажные широкие губы улыбались, точно она увидела нечто чудесное. Морщины на ее лице разгладились. Она при виде Нигяр протянула к ней руки, как будто та была на берегу, а Мазефа в лодке, готовой отплыть. Она сказала уверенным задушевным голосом:

— Нигяр, душа моего сердца, хотя ты и девушка, но ты должна взглянуть на этого розового принца, на этого золотого султана, которому старая Мазефа помогла явиться в Лахоре. Входи, не бойся, здесь есть свет...

Нигяр шагнула, взяв руку Мазефы, и тепло, исходившее от ведра с горячей водой, охватило все ее существо. Она не могла сначала разглядеть движения тетушки Мазефы, когда та в синем сумраке, заполнившем этот отгороженный ото всех уголок, что-то ворошила, и тискала, и причмокивала при этом.

— Вот он! — сказала она повелительно и нежно, и в руках у нее дрожал голый, розовосмуглый комочек, который трепыхался, и вдруг весь наморщился, и закричал таким тонким и обиженным голосом, что Мазефа снова исчезла с ним и наклонилась к свертку разных материй; оттуда протянулись две длинные тонкие руки, и на одной забренчали браслеты, задев за что-то.

Мазефа вручила принца и султана матери, ее закрывали от Нигяр фигуры двух женщин, и сказала:

— Ну, а теперь, тетушка Мазефа, ты пока свободна!

И она взяла за руку Нигяр, у которой выступили слезы на глазах, неизвестно почему появившиеся некстати в этот час веселья и триумфа жизни, и увлекла ее снова из этого душного шатра за драпировку.

— Ну, иди, дочка, — строго, точно командир, приказала она, — ты тут задохнешься!

Тогда, собравшись с силами, Нигяр ответила шепотом:

— Ты забыла, тетушка Мазефа, что я не из неженок.

— Да, да, я забыла. Я сегодня все забыла. Моя память помнит только этого нового властителя Пенджаба. Какой он сильный! Он будет храбрым и сильным. Он так уцепился за меня. Иди, дочка, скорее на воздух!..

Они вышли к потухшим кострам и увидели сотни тел, лежавших прямо на земле.

Когда Мазефа внимательно выслушала Нигяр, она сказала, поправляя свой платок и убирая под него волосы:

— Я все поняла, иди спокойно. Они придут завтра туда, куда тебе нужно. Пройдись немного со мной, старая Мазефа сегодня взволнована, и весь город передо мной в огнях, как будто иллюминация. Я так боялась за эти роды, но все хорошо. И то, что ты пришла в это время, очень хорошо, Нигяр, очень хорошо!.. Почему они любят звать меня? — Она проговорила это почти самодовольно и похлопала по спине Нигяр легкой большой рукой.— Потому что, когда я прихожу, они рожают мальчиков, как будто я колдую. И я сознаюсь тебе, эти голые крепыши мне нравятся...

Глава седьмая

Зеленый газон как будто был создан для того, чтобы по нему гонялись мальчики и запускали в вечереющее небо бумажного змея. Змей летел сначала боком, потом выравнивался, потом ложился на ветровой поток, шел, треща своим длинным хвостом, мальчики приветствовали его шумно и бегали с ним, пока не устали.

Они сели прямо на газон, вокруг них отдыхали сидя и лежа люди, которым хотелось подышать вечерней прохладой, вытянуть руки и ноги после длинного трудового дня.

Пришел мужчина с машинкой, на которую была накручена целая бухта тонкого троса. Его змей ушел так далеко в небо, что он, самозабвенно крутя ручку своей машинки и выпуская трос, сам с трудом различал его на темнеющем небе.

Проезжали велосипедисты, проносились педикапы, точно вырезанные из разноцветной бумаги. Рассыпающееся золото уходящего солнца начало струиться с неба на плечи мужчин, сидящих на траве, и на покрывала женщин, вспыхнувшие розовыми и золотыми пятнами.

Азлам простился с мальчиками и пробирался между горожанами, гуляющими и отдыхающими. Он нашел Фазлура, Али и Кадыра в оживленной беседе, сидящими, как за пловом, в удобных и спокойных позах.

Азлам сел рядом с Фазлуром, взглянул на небо и, заметив, что Фазлур тоже что-то ищет в облаках, сказал:

— Дом, где живет мать нашего друга — ты не велишь мне называть его вслух,— мне хорошо знаком, Атеш Фазлур. Мне надо отнести туда записку? Подумаешь, какое сложное дело! Я часто бываю около этого дома. Там поблизости живет мой друг Реуф, мой дружок, собиратель марок. Мы с ним даже знаем шпиона, который там постоянно сидит и бродит. Он даже иногда — послушай, Атеш Фазлур,— переодевается женщиной, чтобы его не заметили, а потом снова приходит как мужчина. Теперь он опять женщина. Правда, смешно? Это открыл Реуф, что он переодевается. Реуф видел, как он разговаривал с полицейским, который приехал на велосипеде. Шпион приоткрыл чадру и закурил. Реуф чуть не расхохотался. Женщина с бородой и курит! Он большой дурак, Атеш Фазлур, этот шпион. Хочешь, мы его разыграем?

— Азлам, вот тебе записка. Ты знаешь, как вручить ее, чтобы никто не заметил с улицы?

— Я знаю. Надо пройти через крыши с другой стороны. Можно мне взять Реуфа? Я ему ничего не скажу, но он мне поможет. Там в одном месте мне нужно встать на чьи-нибудь плечи. Я встану на плечи Реуфа, и все будет в порядке...

— Возьми Реуфа. После того как отдашь, не дразни шпиона, не надо, чтобы он насторожился... Бывает народ в это время на улице?

— А как же! Конечно, бывает, но не очень много. Ну, я могу идти?

— Ты можешь идти...

Али и Кадыр, казалось, не слушали, о чем говорили Фазлур с маленьким заговорщиком. Они курили, и острые красные огоньки сигарет поднимались и опускались, как светляки. Кадыр засмеялся, и в наступившей темноте его зубы блеснули, как полоска белой бумаги.

— Из мальчика вырастет человек, — сказал он, зажигая новую сигарету. — Он все говорит верно. И шпион там и путь через крышу — все правильно. Там может пройти незаметно мальчик, а не такой верблюд, как я.

— Али и Кадыр, — сказал Фазлур, — как будто наш план и неплох, но нам, кажется, придется похитить женщину.

— Что я слышу? Молодой горец хочет увезти в горы жену из Лахора? — сказал Али.

— Да, я люблю таких женщин, которые курят и ходят одетые мужчинами и даже отращивают бороду...

— Ты шутишь, сейчас курят не только женщины в горах, и в нашем Лахоре сколько угодно...

— Если твоя женщина с бородой, — сказал Али, — она опасна для ухажевателей.

— Да, мы можем встретить там нож, а возможно, и услышим выстрелы, — сказал Фазлур.

— Похитителю женщин нужно иметь хороший экипаж и плащ, в который ее закутывает счастливец...

— Я бы взял веревки и мешок, но вода далеко, — сказал Фазлур.

— Мы знаем эту каналью. Он такие штуки проделывал, когда нес свою грязную службу в железнодорожных мастерских, но мы его раскусили. Вечерний поезд перерезал бы его пополам, но его предупредили, он исчез вовремя. Это наш старый знакомец, мы горим нетерпением встретиться с ним... О! Пора и нам двигаться.

...С чего началась вся суматоха, что произошло на этой старой вечерней улице с двухэтажными домами, узкими дверями и решетчатыми окнами, с закрытыми балконами, чуть выступавшими над первым этажом, погруженными в тишину, как будто в доме все уже уснули, полицейский, примчавшийся на велосипеде, никак не мог выяснить.

Улица была занята толпой возбужденного народа, среди которого особенно шумели женщины и мальчишки, шмыгавшие под ногами.

Когда Фазлур вошел в эту улицу, вначале спокойную, по ней скользили тени от женских покрывал, прохожие тихо шли, возвращаясь домой. У лотков торговцев овощами стояли покупатели, а против дома с резной дверью, в нише, на куске старого войлока расположилась отдохнуть женщина дородного телосложения, страдающая одышкой. По старому обычаю она закрыла лицо и глухо кашляла под своим темным и душным покрывалом.

Фазлур увидел приближавшихся с другой стороны братьев. Али, в белой рубахе, с ремнем, подпоясывавшим его большие черные штаны, с вязаной шапкой на голове вместо тюрбана, походил на простодушного ремесленника-бедняка. Черная борода, воинственный взгляд суровых глаз и огромный щегольской тюрбан придавали Кадыру вид солдата,

который сейчас обнажит саблю и бросится в атаку.

Фазлур вспомнил, как один его друг в Карачи во время демонстрации влез на старое дерево, стоявшее на перекрестке, чтобы кричать оттуда лозунги, а полицейский, прицелившись, убил его наповал. Фазлуру казалось, что и в этом тихом переулке скоро запахнет порохом.

Сначала остановилось несколько человек вокруг Кадыра, который спокойно объяснял, что сейчас был подземный толчок и вот, видите, треснул дом старого торговца, но что большой опасности нет. Тут же начался спор; одни стали кричать, что трещина старая, что она от ветхости, другие уверяли, что ее не было и она появилась только что и следует опасаться новых толчков. Помните, в Кветте тоже началось с небольшого толчка, а что было потом!.. В этот момент раздался грохот в другом конце переулка, повалилась глиняная посуда, наставленная на узких дощечках, и с грохотом упавшей посуды соединился яростный вопль человека. Человек вне себя вопил, что сейчас упадут дома, что это он уже пережил лет двадцать назад, что надо всем немедленно спасаться.

На этот вопль, вызвавший панику среди прохожих, ответил грозным и повелительным голосом Кадыр. Он кричал, что сейчас оторвет голову тому, кто вопит о несуществующем землетрясении и нарушает порядок. Али, а это вопил он, сейчас же ответил бранью на грозное вмешательство Кадыра. Ему вторил торговец горшками, который подбирал осколки с земли и боялся, что новые удары сбросят ему на голову и остальные уцелевшие полки с горшками.

На крик и шум открылись окна, и даже заспанный торговец высунулся с балкона, свесив свою бороду, и когда до него дошло, что его дом треснул и надо ждать новых ударов, он сбежал с лестницы и, расталкивая собравшихся, начал осматривать трещину, которая в темноте казалась живой, потому что от движения людей тени бегали по стене и можно было действительно спорить, расширяется она или остается такой, какой была.

Сначала над шумом неистовствовали три голоса: это были голоса Али, Кадыра и горшечника,— но приток людей увеличивался. Те, кто только что остановился, привлеченные шумом, хотели узнать, что происходит, и теснились, чтобы расслышать, о чем идет спор перед домом старого торговца. Окна в соседних домах открывались одно за другим, в них появлялись встревоженные женские лица, женщины переговаривались через улицу. Одна хозяйка задела горшок с цветущей розой, горшок упал и звучно разбился о камни. Раздался плач и испуганные голоса проснувшихся детей.

— Что такое? Что такое? — спрашивали новые прохожие.

— Землетрясение! Подземные толчки! Трещина на доме...

У дома торговца продолжалась толкучка, шел жаркий спор.

— Но трещина на этом доме была всегда.

— А вот свежий след. Когда это началось, она была гораздо у́же...

— А может быть, тут что-то другое?..

В темной улице, за спинами споривших, возник новый шум.

Мимо Фазлура протискались два мальчика; один из них был, несомненно, Азлам. Люди, толпившиеся недалеко от дома торговца, кричали:

— Поймали женщину! Она напала на мужчину и хотела его убить из ревности.

Тогда все, кто был у дома торговца, прервали спор, вся толпа хлынула на новые крики. Единственный фонарь светил издалека, и в его молочном свете возились люди.

— Ужас!.. Ужас!.. Где она? — закричали женщины из окон.

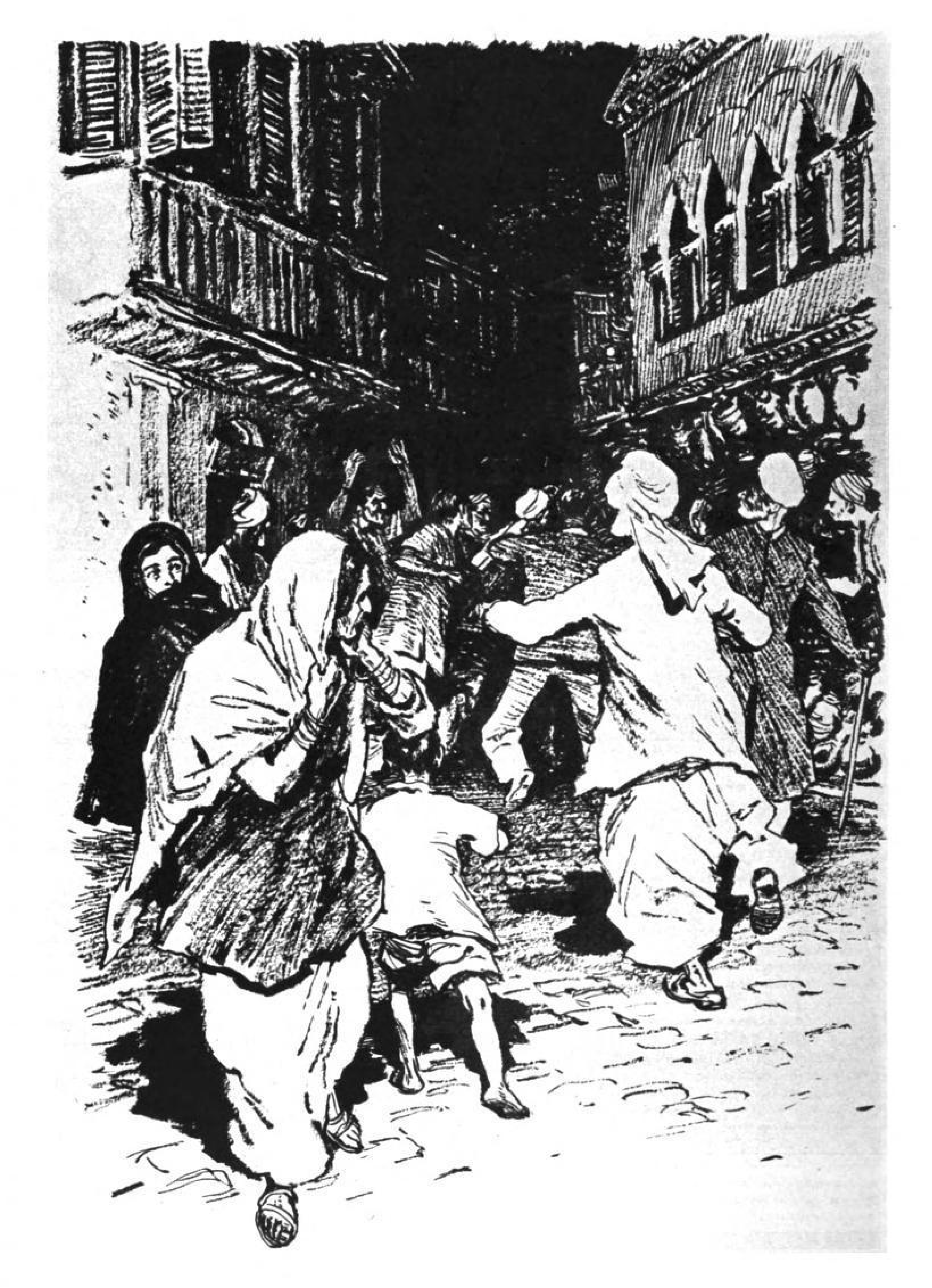
— О! Смотрите, смотрите! — кричали под окнами, где уже начиналась драка.— Это женщина, и с нее срывают покрывало! Почему никто не заступится!..

— Что там произошло?

Свалка в темноте росла, и из нее вырвался голос, осведомивший всех:

— Это не женщина! Это гадина, это ведьма, принимающая любой облик, оборотень.

Но другой человек закричал в полном удивлении:

— Это сумасшедший! Это мужчина в женском платье! Отнимите у него нож!

В самом деле, происходило что-то странное. О подземных толчках было забыто. Все устремилось к тому месту, где кипела схватка, но кто с кем дерется, было трудно разобрать. Народ прибывал.

И тогда женщина с бородой закричала отчаянным мужским голосом:

— Люди, меня убивают! Вы будете отвечать!..

Но этот голос был заглушен другим, кричавшим:

— Он сумасшедший! Он убежал из больницы!

— Я знаю, где он живет! Мы доставим его домой. Он опасен!

Издалека донесся грохот, слетели последние полки с горшками, но этот запоздалый грохот уже не привлекал внимания. Слышались крики:

— Дайте мешок, он кусается!..

И голос человека с бородой, оравшего уже заглушенно, так как ему затыкали рот:

— Я не хочу! Вы не смеете!..

Потом за гулом толпы уже ничего нельзя было разобрать. Потом где-то прозвучал выстрел и раздались крики за углом. Приближался глухой шум.

— Вот теперь землетрясение!.. — закричала женщина, но ее не слушали.

— Куда? Что за толпа? Это какое-то побоище! Куда вы все бежите? Вы остановили движение!..

Это кричали полицейские, и их мотоциклы гудели и трещали в улице, растревоженной, как муравейник.

Никто не мог ничего объяснить, никто ничего не понимал. Полицейские, вытирая пот, катившийся по их лицам, слушали, как с двух сторон им рассказывали, перебивая друг друга, о подземных ударах и трещине, о том, что дом старого торговца сейчас упадет, и о том, как сумасшедший с ножом, переодетый жен-

щиной, хотел убить старого торговца, мстя ему за какую-то женщину, и его схватили.

В одной из узких улиц, недалеко от места, где полицейские наводили порядок, толпа, уходившая с места происшествия, закрыла дорогу большой черной лакированной машине.

Полицейский подъехал на велосипеде, осадил толпу и спросил:

— Что за машина?

Шофер, пренебрежительно смерив его взглядом, сказал:

— Что за машина?! Мы не в деревне. Ты не видишь, что эта машина принадлежит уважаемому Аюбу Хуссейну? Пропусти ее немедленно!

Полицейский хорошо знал это имя. Даже не обидевшись, что его назвали деревенщиной, он помог машине выбраться из переулка.

Когда шум столкновения достиг самой большой силы, Фазлур почувствовал, что его схватила за локоть маленькая горячая рука. Это был Азлам. Вместе с толпой они устремились в боковые переулки, где господствовала полная тьма, так как все ставни в окнах были закрыты, а там, где не было ставен, висели глухие занавески. Они все дальше и дальше удалялись в тьму.

Около старого мангового дерева они отдышались. Мальчик дрожал от возбуждения и бега. Фазлур сказал ему:

— Вот ты хотел подвига. Ты его совершил.

— Да, — сказал мальчик, тяжело дыша, — я схватил его первый и сорвал покрывало.

— А что ты так дышишь? У тебя завязана рука. Ты ранен?

— Да, он меня задел ножом, но я отдернул руку, и он только оцарапал ее. Я ловко увернулся. Нож у него выбил Кадыр.

— Тебе больно?

— Сначала было больно, а теперь ничего. Теперь тоже больно, но ничего. Я оторвал кусок рубашки и перевязал руку. Теперь ничего. Ты говоришь, что я совершил подвиг, а что это за подвиг?..

— Ты спас человека, которого будешь уважать всю жизнь, когда станешь взрослым, когда станешь мужчиной...

— Я им стану, Атеш Фазлур, я уже почти стал им. Будь уверен во мне. И слушай, если я тебе понадоблюсь, позови меня еще раз. Хорошо?

— Хорошо!

— А об этом можно рассказать в обществе?

— В каком обществе...

— О, Атеш Фазлур! В каком обществе? В том, где я президент, пусть они знают, какой у них президент.

— Расскажи, но только не называй имен.

— Но Реуфа я могу назвать? Он мальчик. Он никому не скажет. Он не любит говорить. Он любит только марки. И потом он мне хорошо помогал. Знаешь, я встал ему на плечо и спросил: «Тяжело?» Он сказал: «Лезь, а не говори». Вот он какой! Записку женщины прочли и порвали ее, и я вернулся тем же путем. И все-таки я первый сорвал с него покрывало. А там борода... О! О!.. Все это увидели!..

Они выбрались из переулков. Их ждали три человека, довольно потиравшие руки и усмехающиеся. Амид Ахмет, Али и Кадыр присоединились к ним.

— О, какая была тамаша! — сказал Кадыр. — Мы задали ему головомойку. Он возненавидит женский костюм...

— Куда вы его дели?

— Мы сдали его хорошему человеку, он отвезет этот куль в женской одежде на запасные пути, на товарный, который уходит в Гуджранвалу. Он не задохнется. У него нос не закрыт. Его положат на угольную платформу. Он поедет с удобствами. Мне пришлось его немного стукнуть, так как он начал кусаться, вообразив, что он девушка, а я белуджский князь. — Кадыр потрогал свою смоляную бороду и сказал, понизив голос: — Наш друг ушел, как тень. Я шел по его следам. Свои проводили его дальше. Ты доволен, Фазлур?

— Я рад за нашего друга.

— Я рад за него тоже еще потому, — сказал Амид Ахмет, — что матери его стало лучше. Смертельная опасность миновала. Она будет жить.

Когда они расстались и вышли на хорошо освещенную улицу, их догнала машина, из которой высунулась Нигяр и, помахав им рукой, пригласила в машину.

— Что с мальчиком? — испуганно спросила Нигяр, когда машина двинулась.

— Он чуть поцарапался. У него ссадина, — осторожно объяснил Фазлур. Он не хотел говорить лишних слов при шофере.

— Дай я перевяжу платком, — сказала Нигяр.

Умар-Али слышал, что они говорили. Не сбавляя хода, правя одной рукой, он другой открыл дверцу небольшого шкафчика, достал бинт и бросил Нигяр, которая поймала его на лету.

— Откуда у тебя бинт? — спросила она.

— Я с войны привез эту привычку, — ответил Умар-Али, — всегда при себе иметь индивидуальный пакет. Пожалуйста, у меня есть и иод.

— Дай и иод! — сказала Нигяр.

Перевязав руку и крепко перебинтовав ее, она поцеловала мальчика в голову. Он прижался к ней, растерянный и взволнованный. Они ехали некоторое время в полном молчании.

Молчание нарушила Нигяр. Стараясь в полумраке машины получше рассмотреть лицо Фазлура, испытывая странное чувство жалости от сознания, что она должна расстаться с Азламом, она сказала:

— Азлам, куда отвезти тебя? Не надо, чтобы ты с перевязанной рукой шел слишком много...

— Отвезите меня...— Он назвал площадь недалеко от квартала, где жил.

Вышли из машины все трое, и Азлам, как котенок, потерся головой о мягкую руку Нигяр.

— А что ты скажешь, мальчик, когда тебя спросят, где ты встретился с ножом? — сказала Нигяр, гладя его по голове.

— Что я скажу? Я скажу, что я поранил руку, споткнувшись о железный обруч, когда бегал со змеем. Железный обруч почти так же режет руку, как нож. Я раз налетел на него, правда, правда, но обрезал не руку, а ногу.

Он побежал по улице под тенистыми деревьями, встряхивая перевязанную руку, бормоча разочарованно: «Так вот что такое подвиг!»,— вздыхая и спотыкаясь о толстые корни.

Фазлур и Нигяр, отойдя несколько шагов от машины, посмотрели друг другу в глаза, и Нигяр осталась довольна, что Фазлур стоял перед ней ничуть не взволнованный, такой же спокойный, как всегда.

— А шофер? — спросил Фазлур тихо.

— Что шофер? — так же тихо спросила Нигяр.

— Он знает, кого он вез?

— Я не знаю, знает ли, но он не предаст.

— Почему ты так думаешь? Ох, Нигяр!

— Потому что у меня был с ним прямой разговор, и он сказал: «Я никогда не был предателем».

— И ты поверила? Почему ты стала такой легковерной, Нигяр? Ты понимаешь, что я боюсь не за себя. Наш друг должен быть в настоящей безопасности. Тут надо верить не каждому человеку.

Он посмотрел на Нигяр внимательно и увидел, что у нее усталое лицо и усталые глаза. Ему стало жаль ее, и он смягчил свои слова:

— Ну, я думаю, что в этом человеке мы не ошибемся?

— Нет, — сказала она.

— А почему? — с внезапной резкостью спросил Фазлур. Он сам не хотел этого, но получилось резко.

— Почему? Потому, что он коммунист, а коммунисту можно всегда верить. Правда, Фазлур?

— Умар-Али? Коммунист?

— Да. И я это знаю, хотя он будет это отрицать. Но он коммунист... А теперь нам надо ехать.

— Куда же мы поедем?

— Мы поедем к нам.

— К вам? Ну, конечно, мы отвезем тебя. Я дойду пешком и прошу ссадить меня недалеко отсюда. Не надо, чтобы нас видели вместе.

— Нет, — с мягкой настойчивостью сказала Нигяр, — именно надо, чтобы нас видели вместе в этот вечер... И поэтому ты поедешь к нам...

— Зачем?

— Послушай меня и не возражай. Ты думаешь, Нигяр нежная, тонкая, ее надо беречь от ветерка и холода. А Нигяр грубая, сильная, — она засмеялась, — и не боится ничего.

— Ну, ну, Нигяр, не клевещи на себя и оставь грубость и силу другим девушкам.

— Не думай, что я умная и что я храбрая. Я глупая, и я трусиха. Но мы поедем к нам. Я тебя представлю дяде. Он уже знает о тебе от меня. Я давно говорила с ним о тебе и сегодня утром тоже. Мне это пришло в голову как-то сразу. Я проснулась и все думала о том, что будет. И вот что мне пришло в голову. Я тебя представлю дяде. Дядя с ума сходит от идеи объединения мусульман всех стран. Он очень любит говорить на эту тему. Скажи ему, что ты читал его последнюю статью об Исламе сегодня и что она производит впечатление на студентов. И я устрою тебя на машину, с которой едет один путешественник...

— Какой путешественник? — сказал Фазлур. — Мне кажется, что я читаю книгу о комто, кого зовут Фазлур, но этот Фазлур не я.

— Подожди. Этот путешественник — американец, любитель природы, собирающий материал для географических журналов. Он едет в твои места. С ним поедет Умар-Али. Я подкину тебя к нему. Ты тихо уедешь на время из Лахора. На время, потом ты вернешься, а сегодняшний скандал уже все забудут. Дома я тебе скажу, как надо говорить с дядей, а теперь поехали. И при Умар-Али мы уже не будем говорить об этом. Это не нужно. А теперь едем, а то я боюсь не застать дядю дома. Он куда-то собирался сегодня вечером.

Они вернулись в машину и сели рядом. Они сидели рядом так естественно, точно возвращались из гостей, где все, смотря на них, спрашивали, когда они поженятся. Эта мысль пришла в голову Фазлуру, и он засмеялся. Посмотрев на него, Нигяр ничего не сказала, крепко сжала его руку и так держала ее в своей, пока они не доехали до богатого въезда во двор дома Аюба Хуссейна.

...Азлам сидел на бочонке, как на троне, за своим домом на маленькой лужайке, где паслась коза и бегали пестрые цыплята, и три мальчика сидели перед ним на траве и с жадным любопытством слушали рассказ Азлама о происшествии, которого он был участником.

Он говорил о драке так, что мальчики урчали от удовольствия:

— Один дурак угрожал ножом хорошему человеку. Я схватил и выбил нож. Я не выбил нож сразу, но я сорвал покрывало с этого человека, и он не смог меня убить, а только поцарапал...

— Это сделал ты?

— Я, — сказал он, показывая узкую багровую полоску на руке. И уже не зная, чем кончить, и боясь погрузиться в подробности, соскочив с бочки, он воскликнул: — А знаете, что вот это называется подвигом, а может быть, даже революционным! Но об этом вы дайте клятву молчать!

Продолжение следует.

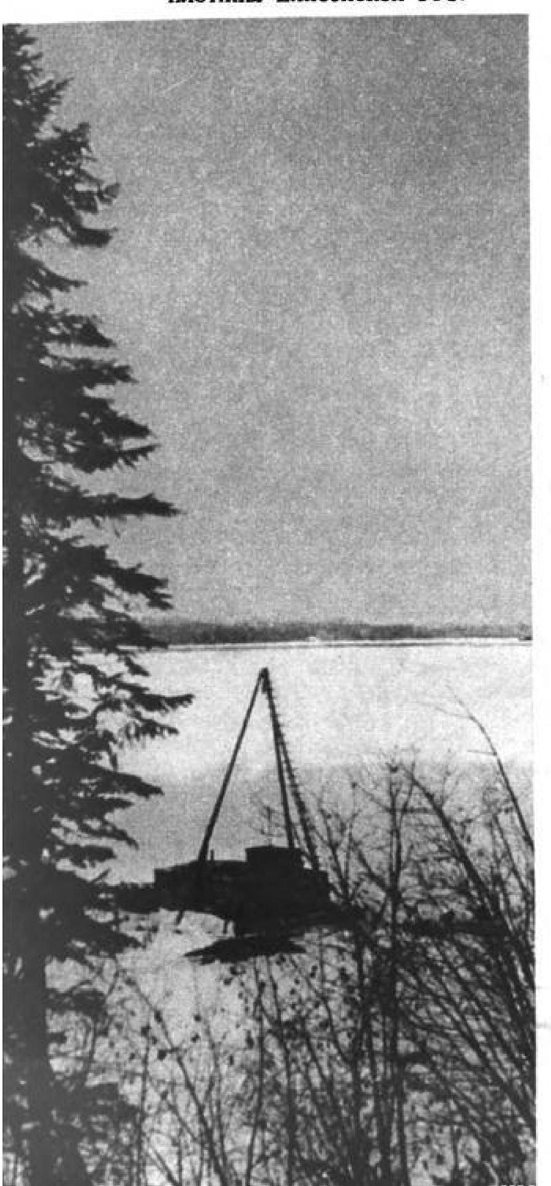

ЧЕТЫРЕ СИБИРСКИХ

На строительстве Енисейской ГЭС. Начальник комплексной экспедиции Г. Вилин и старший техник-гидролог В. Пуртов.

Буровая вышка в створе будущей плотины Енисейской ГЭС.

В. ЧУДОВ

Фото В. ТЕМИНА.

Когда смотришь на Енисей с высоты Бурмакиной горы, особенно ярко представляешь себе его исполинскую силу.

«Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги,— писал А. П. Чехов,— в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость».

Могучая сибирская река, принявшая воды Ангары, как бы раздвинула обступившие ее горы, разгулялась вширь на три — четыре километра. Но дальше к северу высокие, почти отвесные скалистые берега снова все теснее и теснее сжимают реку, сливаясь с синеющей таежной далью.

— Вот как раз в той горловине и предполагается перекрыть реку,— сказал нам начальник комплексной инженерно-геологической экспедиции Г. Вилин.— Было исследовано больше десятка створов, но этот признан наиболее подходящим для строительства Енисейской ГЭС.

Там, впереди, виднелись буровые вышки. Они вытянулись в линию через ледяной покров реки, карабкались вверх на скалистые берега. Буровики непрерывно, сантиметр за сантиметром «прощупывали» на большую глубину гранитное ложе Енисея.

Изыскатели пришли сюда еще в 1953 году. Геологи, гидрологи, метеорологи, геофизики, топографы стараются до конца познать крутой нрав Енисея, собрать как можно больше сведений, необходимых проектировщикам-строителям.

Недалеко то время, когда мощная плотина перекроет путь реке.

Придут в движение огромные гидроагрегаты общей мощностью, по меньшей мере, в 5 миллионов киловатт.

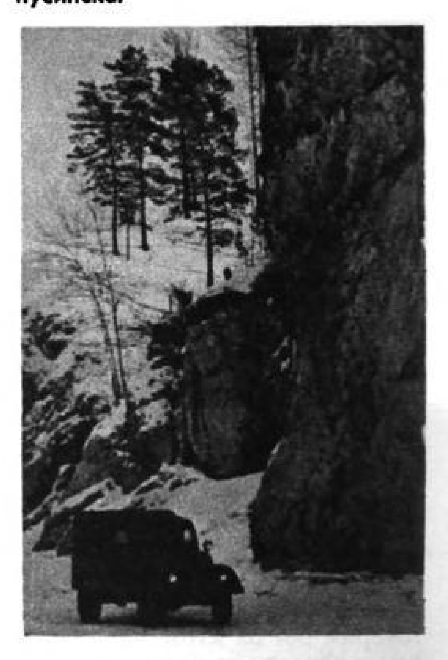
В других районах Сибири тоже растут гиганты советской энергетики. Посмотрим, как там идут дела.

На строительство Красноярской ГЭС мы прибыли, когда сибирская весна уже настойчиво вступала в свои права. В зимнее время Красноярск связан с Шумихой — небольшим, безвестным ранее таежным селением — 40-километровой дорогой, проложенной по льду Енисея. Со дня на день можно было ожидать, что дорога «потечет», и тогда к створу плотины будущей ГЭС нельзя будет ни пройти, ни проехать. На эту пору для связи с участками строительства приготовлены вертолеты.

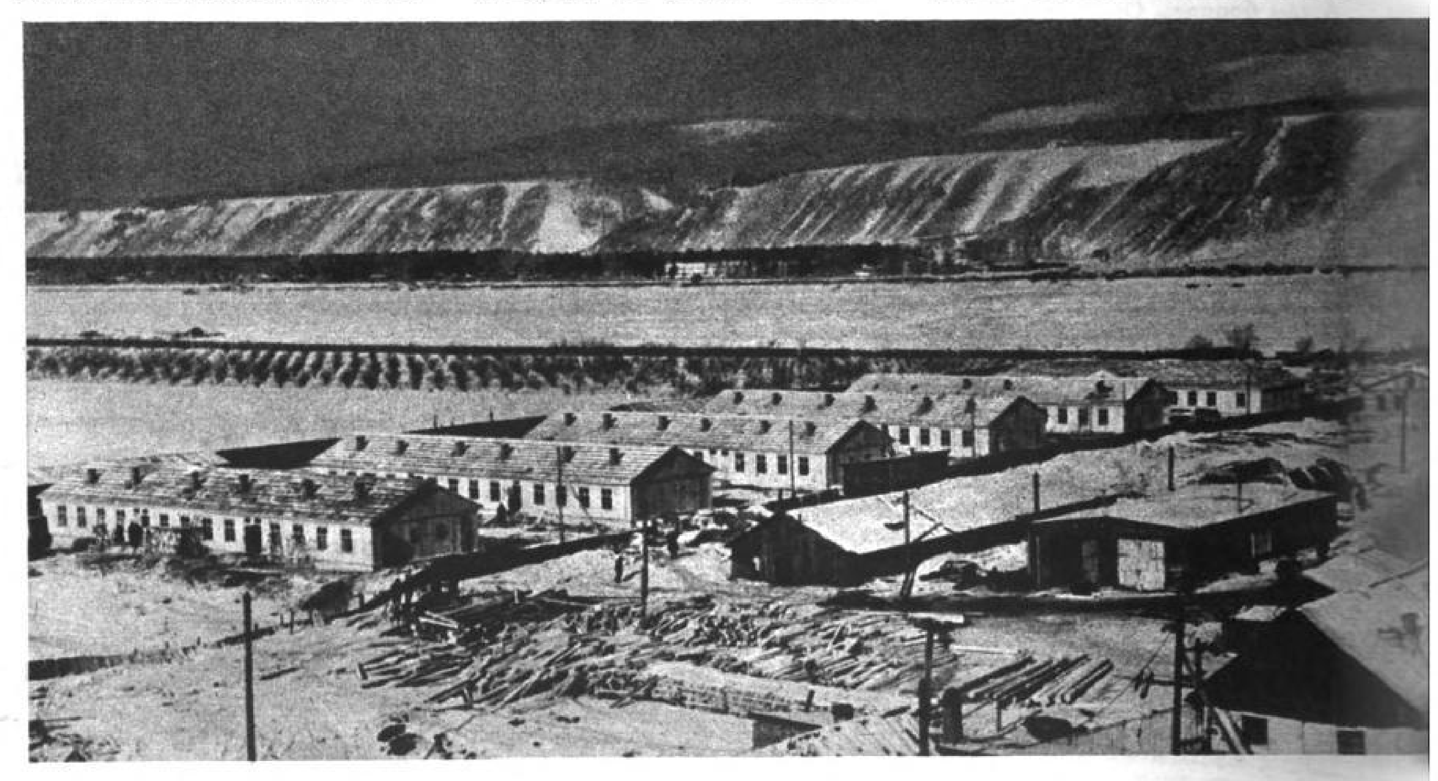
Вооруженные самой современной техникой, гидростроители закладывают на диких, непроходимых енисейских кручах крупнейшую в мире Красноярскую гидростанцию, которая по своей мощности не уступит Братской ГЭС,— 3 миллиона 200 тысяч киловатт!

Людям, вступившим в единоборство с Енисеем, предстоит решить сложные технические задачи. В Шумихе будет построена плотина значительно выше, чем Днепровская. Непосредственно к плотине примкнет машинное здание с мощными гидроагрегатами. Особый интерес представляет проблема шлюзования. У Шумихи не будет обычного в таких случаях шлюза. Его заменит судоподъемник — огромное железобетонное «корыто». С помощью мощных домкратов он сможет подниматься и опускаться вместе с водой и находящимися в нем судами.

За плотиной образуется водохранилище, которое вместит свыше ста миллиардов кубометров воды. Оно растянется вверх по Енисею вплоть до Абакана и Минусинска.

Дорога в районе Манского быка.

ВЕЛИКАНА

С начальником строительства Красноярской ГЭС И. Ислам-Заде мы встретились на небольшой ровной площадке, отвоеванной у гор неподалеку от Манского быка. Ислам-Заде беседовал с новыми рабочими, только что прибывшими на стройку.

— Вот здесь и будет наш город,— говорил он, показывая вокруг.— Пока придется пожить в палатках, но скоро получите квартиры в новых домах, на самой первой городской улице, которую мы назовем, вероятно, Набережной.

В правобережном строительно-монтажном управлении, закладывающем новый город, собрались бывалые люди. Им не привыкать обживать новые места. За плечами начальника участка Антона Мельникониса гидроузлы на Иртыше, Каме, Свири. Монтажник Иосиф Гриншпун приехал сюда с далекого Кавказа. Это о нем в свое время писали в газетах: Гриншпун, проработав несколько часов в ледяной воде, открыл заглушку трубопровода, и тем самым почти на месяц ускорился пуск первого агрегата Мингечаурской ГЭС.

— Сейчас главное — строительство жилищ,— рассказывает Ислам-Заде.— Мы должны построить поселки, в которых можно разместить тридцать тысяч рабочих, да так, чтобы они были обеспечены всеми удобствами, которыми располагает современный благоустроенный город.

Прибыл на стройку и сибирский садовод Леонид Петрович Чугунов.

— Мы уже с начальником строительства все обговорили,— сказал он,— где будут скверы и парки, где разобьем цветники и сады. Думаете, рано старик это задумал? А разве мало в прошлом было таких строек, где сначала вырубали все деревья, а потом сажали? Нет, я не дам такую красу портить. Кедрачи и сосны в общий городской ансамбль включим!

Красноярские гидростроители начинают сооружать также подсобные предприятия, прокладывают дороги. На правом берегу Енисея предстоит проложить сквозь горы железную и шоссейную дороги. Второй железнодорожный путь пройдет через перевал от станции Кача к Шумихе.

Решающий штурм Енисея начнется быстрее, чем предполагалось. У красноярцев родилась смелая мысль — вызвать на социалистическое соревнование строителей Братской ГЭС. Красноярский гидроузел может вступить в строй досрочно, почти одновременно с Братским.

Мы побывали и там, на строительстве Братской ГЭС, которая в текущем пятилетии должна дать первый ток.

От старого Братска к новому поселку, возникшему на левом берегу Ангары, у так называемого Падунского сужения, протянулось широкое тридцатипятикилометровое шоссе. По нему уже с прошлого года курсируют многоместные пассажирские машины первой в этих таежных краях автобусной линии.

Дорога извивается по горному склону, сбегающему к Ангаре. Меньше чем через час кондуктор объявляет остановку: Зеленый городок! Это название левобережный поселок получил по цвету палаток, в которых жили зачинатели стройки. Теперь они переселились в благоустроенные дома.

Полтора года назад на обрывистой скале Падунского сужения появилась четкая надпись: «Здесь будет построена Братская ГЭС. Работы начаты 21.XII.1954 г.».

За это время на левом и на правом берегах Ангары возникли большие поселки. По обе стороны реки, там, куда не достигнут воды будущего моря, квартал за кварталом поднимается новый город Братск — центр будущего мощного промышленного района.

Многое успели гидростроители за полтора года. Они проложили шоссейные и железные дороги, построили подсобные предприятия, создали временную энергетическую базу, центром которой является энергопоезд.

Гидростроителям помогает вся страна. Из Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Новосибирска, Свердловска и многих других городов страны в Братск идут эшелоны с материалами и машинами. Доставляются не только отдельные детали, механизмы, но и оборудование целых предприятий. Недавно получено два автоматических бетонных завода, заводы кислородный, шлакоблоков. Пришли детали первого шагающего экскаватора.

На помощь Братску идет Иркутск. Оттуда через тайгу зашагали железные опоры почти семи-

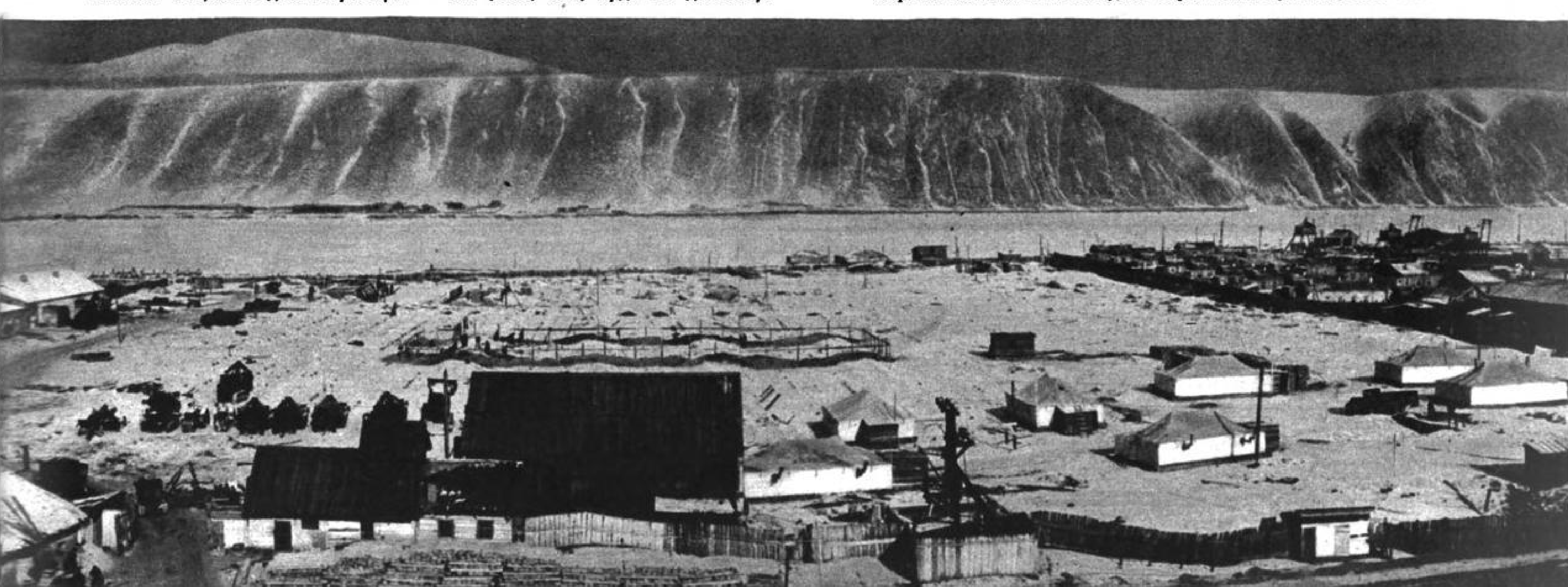
Начальник строительства Красноярской ГЭС И. Ислам-Заде беседует с прибывшими рабочими.

Строители Братской ГЭС. Слева направо: бригадир плотников И. Чашников, электропильщик Ф. Мельников и Фарида Мухитдинова.

Первые палатки и новые дома строителей Красноярской ГЭС.

Монтаж турбины Иркутской ГЭС.

сотикилометровой линии электропередачи. В конце текущего года по ней потечет ток Иркутской ГЭС.

У иркутских гидростроителей наступил ответственный период: они первыми перекроют Ангару. Плотина, выдвинувшаяся с правого и левого берегов, уже сжала реку до предела.

Между островом Смажиха и островной плотиной протянулась вспомогательная дамба. Под ее защитой начнется перекрытие реки в створе плотины. В Ангару с наплавного моста сбросят около двух тысяч трех-пятитонных железобетонных глыб, большое количество бутового камня.

К этому времени экскаваторы разберут верховую и низовую перемычки в подводящем и отводящем каналах, и Ангара пойдет по предназначенным для нее туннелям под зданием ГЭС.

Хотя мы были здесь в очень напряженный период, на стройке почти не видно людей. Большую часть работ выполняют машины: портальные краны, шагающие и трехкубовые экскаваторы, землесосные снаряды.

Близится время, когда четыре сибирских энергетических гиганта один за другим вступят в строй. А за ними поднимутся другие, преобразив богатейший край нашей Родины — Сибирь.

Так ловят фламинго.

НА ПТИЧЬЕМ КУРОРТЕ

Кызыл-Агачский заповедник — 93 тысячи гектаров — это своего рода птичье Сочи на Каспийском море, зимовье многих пернатых. Не так давно над ним нависла угроза: залив мелел, рыбы становилось меньше, водорослей и прочей мелководной флоры — тоже. В устьях обмелевших рек уже нельзя было, как прежде, располагаться большими стаями, пить пресную воду и рыться в промытом речном песке.

Нужно было спасать залив и его рыбные запасы. Благодаря мелиоративным работам рыбоводам удалось остановить отход моря. Снова появился корм для перелетных гостей и мелководья с плотным иловатым песком. Зимовье ожило.

В этом заливе бывает до 200 разновидностей всевозможных водоплавающих птиц.

На голом берегу залива с одиноким домиком наблюдателя много народу. Идет кольцевание птиц перед их весенним отлетом в родные края. Кольцуют всех, кого удастся отловить, в том числе и фламинго.

Необычайно изящна и красочна эта птица. И именно здесь, на свободе. В неволе ее краски блекнут, теряется яркоалый оттенок крыльев.

Птицелов Дмитрий Михайлович Калиниченко предлагает нам пройти на залив. Тотчас реквизируются чьи-то резиновые бахилы. Шагаем по зыбкому илу. Потом хлюпаем по колено в воде, путаясь в зарослях, издающих резкий иодовый запах. В сероватой мгле моря где-то далеко виднеются бело-алые пятна на воде. Длинные, почти метровые ноги позволяют фламинго удаляться от берега по мелководью чуть ли не на километр. Эти же ноги помогают бежать по воде со скоростью спринтера. Птица чрезвычайно пуглива.

Дмитрию Михайловичу предстоит поймать фламинго для Московской зообазы. Что нужно для лова? Темная безветренная ночь и яркий свет фонарей. В лодку-плоскодонку садятся двое: один беззвучно гребет, а другой «впередсмотрящий». Фламинго в ночную пору ходит по воде в поисках корма. Птица пятится, разгребая ногами дно и подхватывая рачков загнутым внутрь клювом. В снопе света ее можно заметить метров за пятьдесят. Тогда еле слышно лодка идет на сближение. Свет слепит птицу, она ничего не видит, подпускает на один — два метра, иногда совсем вплотную. Удачный взмах сачком — и фламинго в руках.

Поймать ее — это еще полдела.

— Поймать легче, чем воспитать, — говорит Калиниченко. — Пленницы будут еще некоторое время находиться в сарайчике, где их учат... ходить. Фламинго передвигаются только в воде, по мягкому грунту. К этому приспособлены их слабые ноги, которые должны окрепнуть на земле, привыкнуть к новой среде.

Калиниченко бережно подхватывает «воспитанницу» под крылья.

— А ну-ка, балериночка, раз, два. Молодец! Еще повторим: раз, два, три. Ничего, милая, научимся, попляшем еще...

Нетрудно заметить, что упражнения эти, несмотря на такт и ласку, не доставляют птице удовольствия. Пользуясь тем, что «тренер» не обладает столь длинной и гибкой шеей, фламинго норовит укусить его в лицо.

В доме, где живет Калиниченко, пребывают на отстое пеликаны. Ими занимается дочь Димитрия Михайловича — Тамара. Спокойно входит она в клетку, где прожорливые птицы клювами, длинными, как пеналы, берут, а потом заглатывают целых сазанов.

Двадцатилетний опыт работы в этом птичьем крае, любовь к пернатым, знание их «психологии» позволяют птицелову добывать осторожнейшую из птиц — краснозобую казарку. Между прочим, на нее большой спрос зарубежных зоопарков. Бывают случаи, когда за эту маленькую птицу дают в обмен обезьяну. А за шесть таких казарок получили однажды целого слона.

Н. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

Д. М. Калиниченко «прогуливает» по заливу свою пернатую пленницу.

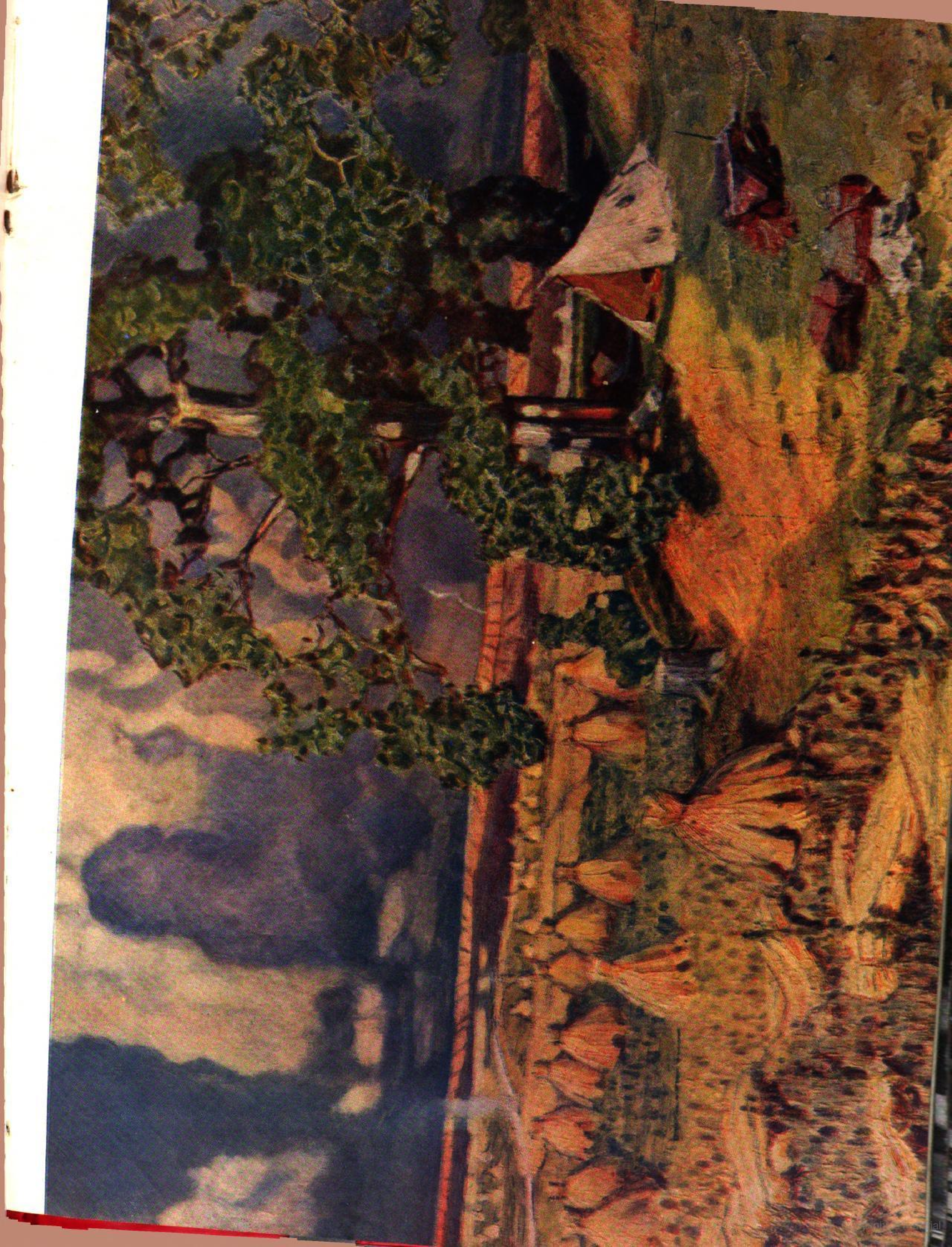
М. В. Нестеров (1862—1942). ЗА ВОЛГОЙ. 1905.

Астраханская областная картинная галерея.

→

А. М. Васнецов (1856—1933). ГРОЗА ИДЕТ.

Астраханская областная картинная галерея.

И. Е. Репин. ИСКУШЕНИЕ. 1877.

Астраханская областная картинная галерея.

Несмолкающая песня

Рассказ

Илья ЛАВРОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Когда доктор, протирая платком очки, бодрым голосом сказал, что придется немедленно же лечь в саратовскую больницу на лечение к самому профессору Ферфарову, Стогов внимательно посмотрел на него.

Катя вышла проводить доктора. Стогов сел в кровати, прислушался — голосов не было слышно.

Над ним висел портрет: круглое, беззаботное лицо с ямками на щеках и на подбородке. Пухлые, чуть вывернутые губы как будто слегка дрожали от сдерживаемого смеха. А сейчас под портретом было это же лицо, но изможденное, с впалыми щеками.

Катя задержалась дольше, чем следовало. Войдя, она заговорила таким же, как и доктор, бодрым голосом:

— Сейчас я возьму машину — и в больницу! А месяца через два укатим в Москву. Ничего, все в порядке!

Стогов посмотрел жене в глаза, усмехнулся, похлопал ее по руке.

Катя подошла к вешалке и забыла, зачем. Потирая золотистую бровь, вернулась к столу и наконец вспомнила: надо одеться, идти за такси. Стогов понимал, что она торопится, но сдерживает себя — надевает плащ не спеша...

Кате уже сорок лет, как и Стогову, но она все еще свежа и женственна. Особенно хороши ее руки музыкантши. Они совсем девичьи.

— Я мигом, — улыбнулась Катя и ушла.

Стогов долго не мог вставить сигарету в мундштук: пальцы вздрагивали.

И Стогов, и Катя окончили консерваторию. Получив дипломы, сразу женились. С тех пор пятнадцать лет работали вместе: он пел, она аккомпанировала. Десять лет он выступал в Москве по радио, а последние пять лет они разъезжали с концертами по всей стране.

Несколько десятков лучших песен в исполнении Стогова были записаны на пластинки.

Год назад Стогов заболел. Произошло непоправимое — после болезни исчез голос. Теперь Стогов говорил хрипло и тяжело. Он продолжал болеть. Катя увезла его из Москвы к родным на Волгу, в Энгельс. И вот опять болезнь обострилась...

Вбежала Катя. Ее шумящий темнокрасный плащ был забрызган дождем.

— Одевайся, Саша.— Она подала брюки и полосатую куртку от пижамы.

— Подожди,— попросил Стогов,— налей грузинского. Сухого. Нашего любимого.

Катя быстро глянула на него и не стала, как всегда, говорить, что вино запрещено врачами.

— И себе,— сказал Стогов ласково.

Он держал бокал, и Катя держала, стоя перед ним.

— Посмотри мне в глаза,— промолвил Стогов. Он очень любил эти синеватые нежные глаза. Стогов улыбнулся, чокнулся.

— За тебя!

— И за тебя!

Видно было, что горло у Кати вздрагивает, сжимается, она глотает вино с трудом.

— Ну вот, а теперь... в путь,— поднялся Стогов.

Катя изо всех сил старалась унять дрожь, вдруг охватившую ее, как будто все тело вибрировало от ударов сердца...

Ноги передвигать было трудно. Стогов обнял Катю за плечи. Неутомимый охотник, исходивший с ружьем сотни километров, сейчас он представлялся самому себе жалкой развалиной. Не хотелось, чтобы в коридоре встретились соседи. Но там никого не было. Внезапно Стогов услыхал свой голос, который звучно пел:

Ночевала тучка золотая...

Стогов помнил, как репетировал этот романс, как был сначала недоволен своим исполнением, как потом записывали на пластинку. Ясно вспомнилось, что он чувствовал, когда пел.

— Слышишь? — спросил Стогов.

Катя улыбнулась. Песня неслась из каждой комнаты. Зашумели аплодисменты.

— А! Это запись концерта в Колонном зале. Два года назад. Помнишь?

И на крыльце слышно было пение, оно доносилось с площади.

Стогов прислушался к голосу конферансье, обрадовался:

— Ярослава Тромбицкая.

Робко моросил реденький и теплый дождик, из тьмы вылетали мокрые желтые листья, шлепались в лицо. Негромко плескались и позванивали в водосточных трубах скудные струйки. О крышу, о стены дома скреблись ветви кленов. Невидимая во мраке, тихонько и беспечно смеялась парочка. Слегка пахло сырым песком, намокшими заборами, опавшими листьями и ванилью. Ветер дул из тьмы слабо и мягко; так дуют на блюдце с горячим чаем. Осторожно кропили лицо мелкие дождинки. Ветвь почесалась о деревянную колонку крыльца, густо осыпала каплями плечо Стогова. И в лад со всем этим плыл задумчивый, бархатный голос:

Выхожу один я на дорогу...

Все это вместе составляло осеннюю ночь. И думалось, что этому не будет конца. Пройдет много лет, очень много лет — и не будет уже тех людей, которые сегодня видят эту ночь, но сама ночь, ее дождевой шепот, ее осторожные струйки, смех невидимой парочки, запах сырых, прелых садов и эта песня, этот голос всегда будут повторяться.

Ночь внезапно показалась Стогову весенней. Не было в ней отходящего, отлетающего. Нет, в этой тьме определенно, как весной, что-то зарождалось, таилось, готовое вот-вот громко заявить о себе.

А голос Стогова, песня его звучали сейчас в разных концах страны. Люди слушали, подпевали. И он, Стогов, продолжал жить среди них, сильный, молодой. И, наверное, долго еще будет жить.

С трудом преодолевая спуск по четырем ступенькам и зная, куда и зачем он едет, Стогов все же испытывал счастливое волнение.

Над городом опять зашумели аплодисменты.

— Ты купи себе на зиму теплые боты,— проговорил Стогов,— зимой здесь не тепло...

Машина мчалась по слабо освещенным улицам. Мокрый асфальт на площади отражал огни. Его облепили желтые листья кленов.

Перед шофером качались маятником две палочки, сметали со стекла дождевые брызги. Над машиной торчал металлический прут радиоантенны. Стогов продолжал слушать свой концерт и в мчавшемся автомобиле.

Я вас любил, любовь еще, быть может...

Стогов медленно провел по лицу рукой.

— Все документы мои в чемодане с нотами. Там же ордер на квартиру, если понадобится.

Катя обняла его, чтобы не очень трясло, прижала к себе.

Молодой шофер в кожаной тужурке, без кепки, слушал певца, прищурив глаз и переломив одну бровь. Должно быть, песня напомнила ему что-то очень хорошее, затронула душу, и он сейчас или жалел о чем-то, или вспоминал что-то.

Машина выехала из города и стала спускаться к берегу протоки, проскочила по деревянному мосту с прыгающими досками, въехала на песчаный остров, густо заросший высокими тополями. Фары освещали частокол стволов.

Радио смолкло.

— Эх, здорово! — вздохнул шофер.— Шикарный голос! Это ведь нашинский певец, из Энгельса. Монтером, говорят, работал, а потом как рванул на смотре самодеятельности, так все рты и разинули... Сразу же забрали учиться.

Катя глянула на Стогова, а он, сняв шляпу, смотрел на дорогу. Стогов очень любил глухие дороги в лесах. Немало побродяжил по ним с ружьем.

— Ты подари мою берданку брату, когда встретитесь,— задумчиво произнес Стогов.— Он тоже заядлый охотник.

Ярослава Тромбицкая объявила новую песню, и тот, далекий Стогов опять запел. А Стогов в машине подался вперед. В свет фар попал серый заяц. Ослепнув, обезумев, мчался перед машиной, прижав уши. Шофер увеличил скорость. Заяц не мог вырваться из огненной полосы. Колеса приближались к нему.

— Не надо,— тихо и волнуясь попросил Стогов.

— Что не надо?

— Не давите. Ему еще много дел в лесу.

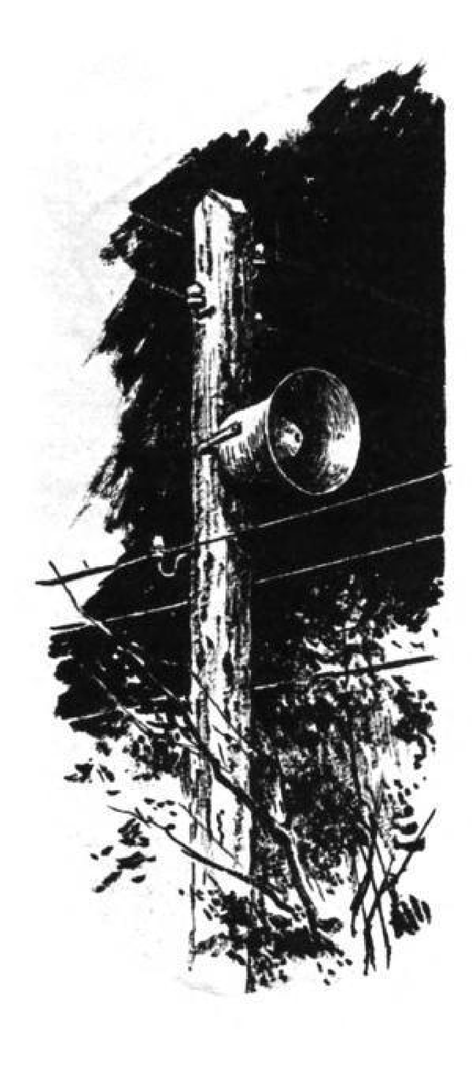
Шофер выключил свет, а когда включил, зайца уже не было...

Остановились на другой стороне острова. Здесь приставал пароходик из Саратова.

Стогову казалось невозможным забыть этот берег и темный гулкий лес, запах увядшей листвы и шепчущийся дождик в ветвях.

— Ты отдай соседу «Войну и мир». Я у него взял,— произнес Стогов.

— Ивану Федоровичу?

— Да.

Лампочка тускло освещала закрытый ларек, окруженный пивными бочками, фанерную будку с пустым окошечком для кассира, сырую песчаную тропинку, облепленную розовыми рваными билетами, и несколько грузовиков, смутно проступающих во тьме под деревьями.

Сверкая огоньками, подплыл пароходик «Смелый»; яростно шипя, выкатил на воду клубы пара и приткнулся к голубой плавучей пристани.

Волны нянчили дебаркадер, пахнущий смолой. Сходни — две доски с набитыми рейками — колыхались под ногами.

Стогов сел на решетчатую скамейку около борта.

— А ты знаешь, я на этом пароходике плавал еще мальчишкой,— промолвил он.— Волга!..— Стогов помолчал, затем тревожно спросил: — Неужели все уходит бесследно?

— Хорошее долго живет,— внезапно громко и горячо заговорила Катя. Стогов слушал ее, закрыв глаза.

Пароходик загудел, словно проснулся и с воем зевнул. Звук долго и гулко катился между лесистых островов.

Пассажиров было мало, да и те забрались от ветра в единственную каюту под палубой. Только двое сидели на палубных скамейках и, подняв воротники пальто, нахлобучив сырые, разбухшие кепки, дремали.

Над палубой была крыша, но с боков ничто не загораживало вид на Волгу. Ветер качал спасательные круги и лодку, поднятую над кормой.

Пароходик отчалил, погасив на палубе огни.

— Ты отослала маме письмо? — спросил Стогов, облокотясь на перила и жадно смотря на уходящий во тьму остров, на черный зубчатый силуэт леса. В лицо клевали дождинки.

— Отослала.

— Перетяни ее к себе. Чего она там засела, в своей Астрахани? Вместе веселее будет.

— Ладно. Постараюсь,— тихо ответила Катя.

Стогов искал в душе то радостное волнение, которое родилось, когда он стоял на крыльце. Но сейчас оно исчезло — сердце вдруг больно сжалось при виде уходящего берега.

— Вдвоем веселее. И легче,— промолвил спокойно Стогов.

Пароходик пыхтел в протоках между островами. Тяжелые, темные клубы дыма из широкой трубы сваливались на воду. Во тьме на палубе была ярко освещена только стеклянная рубка. В ней, как в золотом фонаре, четко виднелась у штурвала девушка-капитан в черной шинели, в черной фуражке, румяная, с белокурыми косами на груди. Она зорко смотрела вперед и крутила штурвал.

Хлюпала, булькала, плескалась вода. С берега доносило запах облетевших тополевых листьев.

— Здесь ветер, дождик брызгает. Идем в каюту,— предложила Катя.

— Пускай. Ветер, дождь... Пускай! — улыбнулся Стогов.

Катя сдернула перчатку, потом надела и опять сдернула.

Неожиданно снова зазвучал над пароходиком, над Волгой трепещущий голос Стогова:

На севере диком стоит одиноко...

Девушка-капитан включила радио. Концерт Стогова продолжался.

И голос его, и всплески воды, и шум пароходика, и капитан у штурвала, и красные, зеленые огоньки бакенов — все сливалось воедино, представлялось бесконечным, несмолкаемым. И, как только Стогов опять почувствовал это, в душе зашевелилось радостное волнение. Стогов, улыбаясь, трепал волосы Кати:

— Ты слышишь? Пою ведь я, пою...

Катя, положив руку на грудь, улыбалась и кивала.

Дождик и ветер стихли, небо оголилось. Тепло, тишина. Протоки стали стеклянными, литыми, без единой морщинки. Их озарял слабый звездный свет. С островов свешивались деревья, полоскали в струях ветви, шурша, мели по бортам и перилам, сыпали на палубу листву.

— Как твои дела в музыкальной школе?

— Ничего, уже освоилась,— очнулась от своих мыслей Катя.— Везде есть хорошие люди.

Пахло рекой, рыбой, а от причаленных к берегу плотов тянуло винным запахом намокшей коры и древесины. Пароходик обогнул остров, заплыл в другую протоку. Волны с шумом шлепались на берег. Около самой воды пылал костер. В трепетном зареве задумчиво сидел охотник с кружкой в руке. У ног лежал пятнистый вислоухий сеттер. В глубине воды извивалось огненное отражение. Стогов помахал охотнику и сеттеру.

— А как твой Коля Брусничкин?

— Замечательный мальчуган,— ответила Катя как можно веселее.— Шесть лет, но талантлив бесподобно. Слух у него абсолютный.

Пароходик обогнул последний остров, и вдруг перед глазами расстелился широкий простор коренной Волги. Простор был тоже зеркально-гладкий. На горизонте лежало золотое ожерелье огней Саратова. Огни бросали в водную гладь множество золотых столбов, словно город стоял в воде на золотых сваях.

Стогов улыбался и в такт песне постукивал по сырым перилам. Голос катился по водному раздолью и, конечно, не смолкал, а просто уходил в недосягаемую даль и продолжал звучать где-то там.

— Ты за квартиру заплатила? — весело, как показалось Кате, спросил Стогов.

— Вчера.

— Бедняжка, приходится с деньгами изворачиваться.

Песня стихла, концерт окончился. Слышались только всплески, могучее движение огромной воды и шум машин в трюме, сотрясающих палубу.

«Смелый» причалил к пустому дебаркадеру, матрос опустил зыбкие сходни, и сонные пассажиры сошли на берег.

— Как ты себя чувствуешь? — закрывала Катюша, по старой привычке, горло Стогова.

— Превосходно. Волга-то наша!..— слабым, но улыбчивым голосом ответил Стогов.

Они остановились на берегу.

Во тьме проступало множество причаленных к берегу моторок, баркасов, плавучих пристаней, небольших пароходиков, барж, катеров, стада лодок, которые, точно кандальники, звенели цепями. Тянулись плоты, вычерчивались лодочные станции, купальни, вышки для ныряния.

Стогов мальчишкой уверял всех, что Волга ночью озорует. Она любит неожиданно броситься на эти суденышки шумной волной. Всех порастолкает. Все начинают колыхаться, тереться и стукаться бортами, звякать, лезть на дыбы, злиться. А Волга, захлебываясь от радости, откатывается и звучно плюхает под сходнями, чмокает лодки в борта, сталкивает их, урчит возле каждого камня, коряги, что-то болтая веселое. Булькающе посмеиваясь, она поддевает плечом пароходики, баржи, играет с ними. А пароходики, привязанные, как пленники, тоскуют и шепчутся, замышляя побег. А вертлявые, как пустые бутылки, лодки ссорятся между собой, дерутся. А ленивые, сонные баржи ворчат: им мешают спать, они устали.

Множество интересных историй мог рассказать сынишка волжского рыбака. Это мальчишеское у Стогова сохранилось до сих пор.

На Волге, как и прежде, шла своя жизнь. Стогов облегченно сказал:

— Ну, вот... а теперь двинемся.

Когда они сели в такси и помчались по Саратову, Стогов почувствовал тоску.

— Будешь писать в Москву — передавай от меня большой привет.

В больнице Стогов погладил густые волосы Кати, поцеловал их. Она стояла, беспомощно опустив руки, и смотрела на него умоляюще.

Хмурая, заспанная сестра сердито буркнула:

— Идемте, идемте, больной.

Стогов оглянулся в дверях, улыбаясь, помахал платком, как из вагона, и сказал:

— Катюша, купи дрова осенью. Зимой они дороже. Береги себя.

Катюше почудилось, что муж удаляется, виднеется смутно. Вот он совсем растворился, и только перед ее глазами невыносимо ярко трепещет и бьется платок.

За Камой, за рекой...

Анатолий КУДРЕЙКО

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Запасный полк

Расквартированный на лето,
где ели сшиблись в тесноте,
полк поднимался до рассвета,
а спать ложился в темноте.

Свое он помнил назначенье —
фронт управлял его судьбой...
Поход, на местности ученье
чередовал он со стрельбой...

Но это — дѐла половина!
Нужны траншеи в полный рост, —
киркою рубишь:
грунт не глина,
а камень, что не так-то прост!

Скалистый пласт искрит под ломом,
рубашка сохнет на траве,
удар наносишь по изломам, —
все отдается в голове...

Но это — дѐла половина!
На лесопилке склад пустой, —
берешь пилу,
а лес — махина,
кондовый спелый древостой!

Такое дерево повалишь,
что обнимаешь ствол вдвоем,
но ты ругаешь, а не хвалишь
его в усердии своем...

Но это — дѐла половина!
Хлеб осыпается в полях, —
и с ночи косишь...
Хлеб — лавина
и на тебя идет впотьмах!

Росой унизанный, шиповник
спит на опушке под луной...
Не отличил бы и полковник
зерна от блестки водяной...

Косить все горше без рубахи —
свет блещет в пекле, как стекло...
А хлеб такой, что только взмахи
видны идущему в село.

На горизонте гаснут скалы,
стекает с них последний блеск,
и косы на плечах усталых
уносит полк в еловый лес.

И та дорожка полевая,
которой в сумерки брести,
стремится в сердце, как живая,
навеки место обрести.

Ты самой долгою любовью
преисполняешься к земле,
где камень ставишь в изголовье
и спишь под елями в тепле.

Не высыхает пот соленый
в той академии наук,
куда под твой шатер зеленый
не залетает с фронта звук...

Но это — дѐла половина!
Другая в тыщи раз трудней —
дойти до самого Берлина
с пехотной выкладкой своей!

Учитель

Памяти П. П. Бажова.

На длинной слегѐ
домочек-скворешник.
Смотрит учитель
на жердочку, вверх:
где он, веселый скворец-
пересмешник,
что же он эту квартиру отверг!

Может, воюет на гарях
за Камой
с черным еловым
жуком-усачом!
Может, совсем неожиданной
гаммой
радует хмурую ель над ручьем!

Перебирает бороду нежно
у самого дома
лесной сквознячок,
в легком окладе ее
белоснежном
смотрит мечтательно вдаль
старичок.

Сколько исхожено
им за полвека
по этим увалам, по этим лесам!
Елка за елкой, за вехою веха,
где проводил он каникулы сам...

Встречных деревьев
любил он характер —
в них отзывается
нрав деревень:
одно, подбоченясь,
стало на тракте,
другое, стесняясь,
движется в тень.

Знал он большое хозяйство
Урала,
его углежогов, его мастеров.
Алмазные сказы
память сбирала
на приисках старых,
у рудных дворов.

Слушал и слушал в тиши
на раздолье
птичьи коленца он
в синюю рань
там, где роса загорается солью,
только заглянет солнце в елань.

А проберешься на полночь
по Каме,
встретит у озера
мшистый валун,
пыль водяную кидая крылами,
плещет и плещет
лебедь-кликун!..

Едешь водой
и на лошади скачешь,
спишь, где придется,
и ешь, что найдешь,
а в дом возвратишься —
и всех озадачишь:
вроде и тот же,
а в чем-то не схож!

Как побываешь в гостях
у природы,
даже усталость смахнешь,
словно дым;
чувствуешь сам себя
в поздние годы
сильным, здоровым,
совсем молодым!

Весело глаз усмехается карий,
весело крутится вьющийся ус:
в школу отличный
привозишь гербарий
и минералы — великий искус...

Помнят учителя долгие годы,
помнят повсюду ученики!
Это, Урал, твои лесоводы,
твои металлурги, твои горняки.

Видится им от начала дорога,
домик бревенчатый,
серый валун,
первый учитель стоит у порога,
белый их лебедь,
лебедь-кликун...

Вокзалы

Едва сгустится чернота ночная,
московский шум за окнами глуша,
не отдыха законного, я знаю,
другого ждешь, бессонная душа.

Ты любишь слушать в тишине полночной
не стрекотанье комнатных часов,
не переплеск в гортани водосточной,
а эхо паровозных голосов.

Не только звук доходит издалёка,
а каждый раз из дали давних дней
все то, что потускнело в силу срока,
ночь возвращает памяти моей.

Вот за рекою слышатся сигналы —
и старину я вижу наяву:
я, в галифе, совсем тщедушный малый,
невесть зачем пожаловал в Москву,

наивно на удачу уповая,
не зная никакого ремесла;
глазел, как с башни птица неживая
по-над карнизом крылья занесла...

Вновь паровозов долгие призывы —
летит в Сибирь меж елей магистраль!

Иной поры воспоминанья живы,
они теснятся, — только посигналь.

Другой вокзал —
с узорчатой гребенкой,
и на фасаде северный олень —
меня связал с уральскою сторонкой,
где горный бор бросает светотень.

Учил Урал меня печной науке
и воинской сноровкой одарял...
Ему спасибо!
Если будут внуки,
я расскажу и внукам про Урал!..

Глухим гудком тревожит Павелецкий,
хоть это было столько лет назад,
я вспомню, как вокзал замоскворецкий
мой эшелон отправил в Сталинград!

Дорожные посты сторожевые
во все концы раскинутой Москвы!
От башен свет — как взмахи ножевые...
О чем еще поведаете вы!

И путь какой укажут светофоры,
и свяжет с чем стремительная нить,
игла дороги, что смогла просторы
в одно с моей Москвой соединить!!

Шипенье пара, перестук тарелок,
колес неуловимый оборот...
Огни часов, фонарики у стрелок,
свеченье
в ночь распахнутых
ворот,

я вижу вас, когда над всей Москвою
летят со всех вокзалов голоса
и вслед за эхом
вспышкой световою
из тьмы несется жизни полоса!..

НА УЛИЦАХ

ЕРЕВАНА

Георг ЭМИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Всего полвека назад все недвижимое имущество города Еревана оценивалось менее чем в три миллиона рублей. Выходит, что любой из армянских колхозов-миллионеров мог бы купить старый Ереван «на корню»...

Сегодняшний Ереван — один из красивейших городов нашей страны. Великолепные здания из туфа различных оттенков высятся вдоль широких проспектов, обрамляют просторные площади.

Город давно вышел из котловины и движется на юг, север, запад...

Эти фотографии сделаны на улицах Еревана в первых числах мая. Для них никто не позировал — ни дома, ни люди. Это будни города, как они есть.

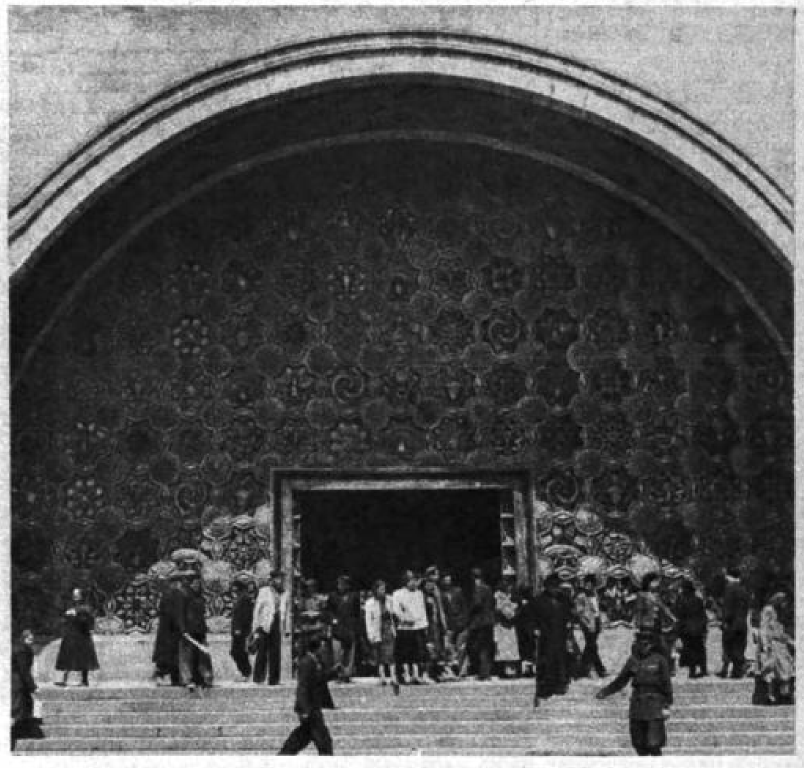
←
В предзакатных лучах майского солнца теплеют мягкие краски розового туфа, из которого сложено прекрасное здание Дома правительства на площади имени Ленина. К вечеру жители столицы Армении устремляются сюда, к большому бассейну.

Типичная картинка городского бульвара. Здесь царит дух воспоминаний, здесь собираются любители поговорить на всякие темы...

Ущелье реки Раздан, которая течет в городской черте, стало излюбленным местом отдыха ереванцев.

Городской крытый рынок похож на выставочный павильон. Летом и осенью, в дни обилия фруктов и овощей, этот рынок действительно напоминает павильон сельскохозяйственной выставки не только снаружи, но и внутри.

←

Винный комбинат. Из всех ереванских видов некоторые, возможно, предпочтут этот своеобразный вид...

→

— Ну-ка, покажите чадо! Хорошее, ничего не скажешь!

На снимках внизу:

Под теплым весенним дождем.

Сделаем вид, что мы их не заметили...

В дни народных праздников окна и балконы домов на улице Амиряна превращаются в удобные ложи.

ГОСТИ ИЗ ЮГОСЛАВИИ

Сцена из спектакля «Дундо Марое» Марина Држича.

В Советском Союзе гастролирует Югославский драматический театр. Это один из самых молодых театральных коллективов Югославии, основанный в Белграде 3 апреля 1948 года. В его труппу вошли известные артисты и выпускники театральных учебных заведений.

Гастроли начались комедией югославского драматурга Марина Држича «Дундо Марое» — одним из лучших спектаклей труппы, сыгранным 251 раз. Подолгу идут в театре и другие спектакли. Продуманный и тщательно подготовленный репертуар находит неизменно живой отклик у зрителя.

В книге, посвященной этому театру, его руководители, излагая принципы построения репертуара, особенно подчеркивают стремление показать развитие мировой драматической литературы с ее возникновения до наших дней, испытать творческие силы нового художественного ансамбля на широком круге классических произведений: «Этот путь привел Югославский драматический театр к древнегреческой литературе. Спектакль «Антигона» Софокла, сохраняющийся и поныне в репертуаре, побудил и другие югославские театры заинтересоваться античной трагедией. От эллинской трагедии мы перешли к римской комедии и поставили «Хвастливого воина» Плавта. После Рима поставили несколько значительных творений эпохи Возрождения: дубровницкое «Дундо Марое», испанское «Овечий источник» Лопе де Вега, двух гигантов английской литературы — Шекспира «Король Лир» и Бен Джонсона «Вольпоне». В славный французский XVII век, гордившийся своей трагедией и комедией, нас ввели Расин трагедией «Федра» и Мольер комедией-балетом «Мещанин во дворянстве», которые восторженно приняла наша публика. С произведениями XVIII столетия — «Школой злословия» Шеридана и «Рыбацкими ссорами» Гольдони — мы приблизились к порогу XIX столетия.

Из русской реалистической литературы XIX столетия мы выбрали сначала двух авторов: Тургенева — «Месяц в деревне» — и Островского — «Таланты и поклонники». Человеколюбивый и трогательно-лирический Чехов («Дядя Ваня») и полный терпких парадоксов и пронзающей иронии Шоу («Кандида») послужили нам переходом в XX век. Со сцены Югославского драматического театра раздается голос Максима Горького, который умел показать достоинства и гордость человека («На дне») или, как в «Егоре Булычове», представить низвержение целого класса и указать на рождение новой жизни. Со сцены звучал голос Тренева, который представил в пьесе «Любовь Яровая» величественный и неотвратимый шаг Октябрьской революции».

«Егор Булычов и другие» М. Горького. В роли Егора Булычова Миливое Живанович.

Интерес к русской драматургии в Югославии особенно возрос после гастролей в 1922 году Московского Художественного театра. Его спектакли с участием Станиславского, Качалова, Москвина, Тарханова, Книппер-Чеховой, Вишневского, Лужского, Лилиной надолго сохранились в памяти югославских зрителей и деятелей театра. Сейчас зрители Белграда знакомятся с учениками и преемниками Станиславского: Московский Художественный академический театр вновь находится на гастролях в Югославии.

А в Москве на сцене МХАТа молодой Югославский драматический театр показывает свои спектакли «Дундо Марое» и «Егор Булычов и другие».

Кроме Москвы, гастроли пройдут в Горьком, Ленинграде, Киеве.

И. СЕМЕНОВА

Просчет г-на Цвийовича

Заслуженный артист РСФСР **В. ХОХРЯКОВ**

Роскошный кабинет богатого коммерсанта г-на Животы Цвийовича. Пусто на сцене, только тихо говорит радио. Вдруг из-за письменного стола появляется нога, обутая в элегантный башмак. Нога исчезает, появляется другая, потом обе вместе. И, наконец, с коврика встает Живота Цвийович — утренней гимнастикой начинает он свой «рабочий» день. Такова первая сцена нового спектакля Московского Малого театра — комедии югославского драматурга Нушича «Доктор философии».

Имя Нушича хорошо известно в нашей стране. Десять лет тому назад с большим успехом начала свою жизнь на советской сцене его комедия «Госпожа министерша»—острая сатира на буржуазные нравы. Сейчас произведения Нушича в репертуаре многих театров. Остроумные и целенаправленные пьесы югославского комедиографа нравятся зрителям и актерам. Журналист, писатель, юрист, дипломат, Нушич хорошо знал своих героев — представителей буржуазии. Артист, режиссер, директор театра, Нушич превосходно знал театр, законы и требования сцены. Язык его героев яркий, красочный, интрига занимательная, действие развивается быстро, весело. Актер чувствует себя в комедии Нушича великолепно.

Я впервые встретился с героями Нушича сейчас, при работе над образом Животы в спектакле «Д-р» («Доктор философии») на сцене Малого театра. Образы Нушича очень многогранны и дают большой простор как режиссерскому, так и актерскому толкованию.

Главное в нашем спектакле, поставленном народным артистом СССР К. А. Зубовым,— развенчивание философии Животы: «все на свете продается и покупается». Уж как старательно готовил Живота место в обществе для своего недоросля-сына! И диплом доктора философии ему обеспечил, послав учиться в университет под именем сына бедного способного юношу. И невесту нашел — министерскую дочь. И все же «на всякого мудреца довольно простоты» — купленное благополучие оказалось непрочным. «Я думал, все можно купить за деньги. А ума-то не купишь!» — восклицает мой обескураженный герой, попав впросак.

Но Цвийовичу не надо покупать ума: у него и своего вполне хватит. Живота умен, хитер и ловок, практичен, деятелен и находчив. И если уж и он не может обеспечить выполнение некоторых своих планов, то это потому, что не все можно купить за деньги. Здесь терпит поражение не ум, а мировоззрение.

«Доктор философии» Нушича на сцене Малого театра. Живота Цвийович — В. И. Хохряков, его сын — А. М. Торопов.

Фото А. Гладштейна.

Остро, смешно и зло высмеивая действующих лиц комедии — невежество одних, цинизм других, продажность третьих, глупость четвертых,— Нушич разоблачает пороки буржуазного общества. Смешное происшествие в доме Животы выходит за рамки семейной хроники и обличает буржуазный строй с его порочными устоями, развращающей моралью, обманчивой цивилизацией. Острие беспощадной сатиры Нушича помогает борьбе с пережитками и в сознании нашего зрителя,

В стране пирамид

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Так начинается освоение пустыни в ат-Тахрире.

Свадьба

Хаг Махмуд Абдельфаттах Мин был стар и преисполнен осторожной крестьянской мудрости. Поэтому на мои вопросы о будущем он отвечал:

— Не знаю. Аллах великий покажет.

Старый Мин назывался хаг, ибо он совершил паломничество к гробу пророка. Такой человек окружен почетом и уважением всей деревни. Фасад его дома окрашивается белой известью и потому резко выделяется на унылом фоне грязно-желтых строений, как полная луна на темном небе. Жилище пилигрима украшено изображениями растений.

Мы познакомились с хагом Мином случайно, и было это так.

Мы ехали вдоль восточного края дельты по дороге, ведущей в Исмаилию, когда из-за деревьев послышались крики, музыка и даже стрельба. В надежде увидеть что-то интересное мы выскочили из автомобиля и, пробравшись сквозь неширокую полосу зарослей тамариска, кактусов и камыша, вышли на берег канала. На той стороне вдоль деревни двигалась процессия. Впереди шел разукрашенный верблюд, на горбу которого высился большой белый шатер. Следом вели еще одного верблюда, груженного каким-то скарбом. Шли мужчины в белом, за ними женщины в черном, бежали чумазые ребятишки. Женщины били в ладоши и пели, мужчины то и дело что-то выкрикивали вибрирующими голосами. Оркестр, состоявший из двух инструментов — волынки с пронзительным звуком и плоского барабана, восполнял свою малочисленность неистовым темпераментом.

Пока мы искали какие-нибудь «пловучие средства», чтобы переправиться через канал, процессия свернула в узкую улицу деревни. Попытка переплыть канал на маленьком рыбачьем плотике из камыша и бамбука кончилась тем, что мой товарищ оказался по колено в мягком иле и по пояс в воде, цветом напоминавшей крепко сваренный кофе. Мы от души порадовались, что в египетских водах перевелись крокодилы.

В это время к нам подошел высокий старик в белых праздничных одеждах. «Я уже давно живу на свете, — пошутил старик, — но впервые вижу столь отважного чужестранца, который решил плавать по каналу на этом камышовом блюде, предназначенном всего-навсего для того, чтобы складывать в него рыбу». Пришедший и был Махмуд Абдельфаттах Мин.

Он рассказал, что деревня по ту сторону канала называется Сабри. Но сам он житель другой деревни, на этом берегу. А процессия, которую мы только что видели, — свадьба. Невеста направляется в дом жениха. Старик весьма охотно поведал нам свадебные обычаи, которые хорошо знал и героем которых он был дважды: у него две жены. Коран позволяет правоверному иметь четырех жен.

Между прочим, многоженство в египетской деревне — явление сравнительно редкое. Однако сведущие люди говорили мне, что это не столько влияние цивилизации, сколько результат обнищания. Вторую жену нужно содержать, платить за нее выкуп, а где взять средства?

Когда юноше приходит пора жениться, рассказывал старик, он сам или его родители выбирают девушку. Обычно это родственница: три четверти браков заключаются между двоюродными братьями и сестрами. С отцом невесты договариваются о размерах выкупа и заключают «акд» — брачный контракт. На полученные деньги отец покупает приданое: свадебное платье, украшения, котел, кувшин, таз.

В день свадьбы старухи купают невесту и красят хной ее руки и ноги. Специальной темной краской, называемой кохль, невесте красят ресницы, брови, подводят глаза. Когда все готово, невесту помещают в белый шатер на спине верблюда и везут, скрытую от взоров, в дом жениха, как это мы видели сейчас.

Жених тем временем моется в доме своего лучшего друга и в сопровождении товарищей, с факелами направляется к отцу, где его уже ждет невеста. Приятели поздравляют жениха.

Женщины кидают в мужчин комочками соли. Девушки норовят ущипнуть невесту за бедра, ибо считается, что это принесет им счастье. Далее веселятся врозь — женщины отдельно от мужчин.

— Еще одна женщина Мысра (так египтяне называют свою страну) станет матерью, — заключил Махмуд Абдельфаттах Мин.— Люди радуются, а радость эта иногда оборачивается печалью. Слишком много в деревне стало людей и слишком мало земли, чтоб их прокормить,— пояснил хаг. У него самого была семья из 11 человек и семь федданов земли. Время идет, он стал дедом. Сейчас в семье уже 23 человека, а земли все те же семь федданов.

В чем же он видит выход?

— Не знаю,— отвечал старик. — Уповаем на милость аллаха.

Старик задумчиво поглядел на воду. Она коричневая, если смотреть близко, но в отдалении блестит сталью. Два надменных фламинго лениво шагали на том берегу. Зеленые поля резко обрывались в километре от нас. Между стволами пальм, рассеянных по нивам, зловеще светилась пустыня.

— Нужно сделать плодородной пустыню, — сказал мой спутник.

— Пустыня родит лишь змей и шакалов. Человеку она без пользы.

— Э, нет, почтенный хаг! — возразил мой товарищ. — Земля, на которой мы сидим, тоже была пустыней в давние времена.

— Не знаю, — заметил Мин и, подумав, добавил: — Если в пустыне сможет расти берсим и хлопчатник, а пальмовое дерево не засохнет от жажды, тогда на Мысре каждый станет богатым.

Розы Умм Сабер

Вокруг пустыня. Только черная нитка шоссе, уходящая в палевое марево горизонта, напоминает, что есть на свете жизнь. По обе стороны дороги через равные промежутки стоят железные бочки. В этих бочках сюда привозили асфальт во время строительства, а теперь они указывают направление, когда шоссе занесет песком. Дорога похожа на длинный черный шрам от удара сабли по желтому телу пустыни. Хочется назвать эту бесконечную желтую равнину не просто пустыней, а каким-то другим, более выразительным словом, которое включало бы безмолвие, зной, однообразие, тоску, ужас, смерть. Только глянешь на нее — и в горле пересыхает.

Около трех часов мы ехали по

В социальном центре. Школьники во время перемены.

Поселок Умм Сабер.

Ливийской пустыне — восточному краю великой Сахары, — но путешествие казалось бесконечным. Тому причина — страшное однообразие пейзажа. Бурая земля, синее небо — и все.

Беспощадное солнце, поднимаясь выше, палило все сильнее. Стали появляться миражи. На горизонте вырастали купола, минареты, потом возникали пальмы, вода. Призрачные картины были видны очень ясно и отчетливо. Затем изображение начинало струиться, как на экране неисправного телевизора, здания отрывались от земли и повисали в воздухе, наконец все исчезло.

Доктор Абу Сари Мухаммед принимает больных.

Вот снова впереди показалась высокая башня, белый минарет, аккуратные домики. Я подумал, что видение сейчас исчезнет. Но г-н Шериф, сотрудник департамента информации, указывая вперед, произнес:

— Ат-Тахрир.

Это не был мираж. Мы подъезжали к одному из поселков новой провинции Египта, которая наречена именем ат-Тахрир, что значит «Освобождение».

Две безбрежные пустыни раскинулись по сторонам нильской долины: Ливийская — на западе и Аравийская — на востоке. Они занимают более девяти десятых территории страны. Почти вся жизнь народа плотно прижата к берегам реки. Каждый сантиметр плодородной почвы здесь драгоценность. Египетские деревни задыхаются от недостатка земли.

— Продовольственные ресурсы страны исчерпаны. Я удивляюсь, почему правительство не принимает мер, чтоб ограничить рождаемость. Это трагедия! — говорил мне бизнесмен из Америки мистер Артур Хочкис, глядя сквозь дымчатые окна африканского экспресса на мелькавшие деревни, в которых никогда не бывает ни амбаров, ни чуланов: феллаху нечего хранить. Мистер Хочкис добавил, что у него есть идея — организовать из Египта экспорт рабочей силы куда-то в Южную Америку.— Это может стать выгодным делом,— заключил делец.

Подобные рассуждения не новость. Современные мальтузианцы написали множество книг и статей, пытаясь доказать, что планета наша перенаселена, что истощается плодородие почвы, что человечество ждет голодная смерть, если не ограничить рождаемость. При этом они чаще всего ссылаются на пример Египта.

Диспропорция между ростом населения и площадью пахотной земли действительно достигла здесь тревожных размеров. Однако ученые подсчитали, что во времена фараонов в Египте было... на 300 тысяч гектаров орошаемой земли больше, нежели теперь. Нужно ли говорить, что нынешняя техника дает возможность обводнить неизмеримо большие массивы, нежели во времена Татунхамонов и Рамсесов? Однако колонизаторы, выкачивавшие из страны ее национальные богатства, не только не заботились о ее будущем, но и отбросили Египет вспять.

Новое правительство республики немедля занялось освоением пустыни. Провинция ат-Тахрир — это не только первый опыт, это нечто большее — предвестник будущего страны.

— Обязательно побывайте в провинции ат-Тахрир, — говорил мне заведующий отделом печати министерства иностранных дел Хасан эль-Хаким.

И вот машина остановилась у приземистого белого домика. Нас встретил Абдель Керим — сотрудник издающейся здесь газеты. На стене висела большая карта провинции, но мы не стали ее рассматривать, а поначалу совершили небольшое путешествие, которое могло бы показаться немного эксцентричным: взобрались на самую макушку очень высокой водонапорной башни. Вид, который открывался отсюда, заменял карту и вознаграждал за небезопасный подъем.

Обширное пространство вокруг расчерчено оросительными каналами.

— Вот там — массивы пахотной земли,— говорил Керим,— а это — корма для животных, правее — огороды. Здесь — питомник фруктовых деревьев. А вот там дальше — сады, плантации манго, апельсины, молодые рощицы «Юсеф эффенди» — «господин Юсеф» — так египтяне называют крупные, сочные мандарины.

— Это единственный «эффенди», которого мы оставили в стране! — улыбается Керим, напоминая о том, что революция отменила привилегированные сословные звания пашей и беев.

В провинции ат-Тахрир намечено превратить в плодородные поля более миллиона федданов земли. Эта трудная работа будет завершена в течение пятидесяти лет. Сейчас сюда прорыт канал от Нила и уже освоено сорок тысяч федданов пустыни.

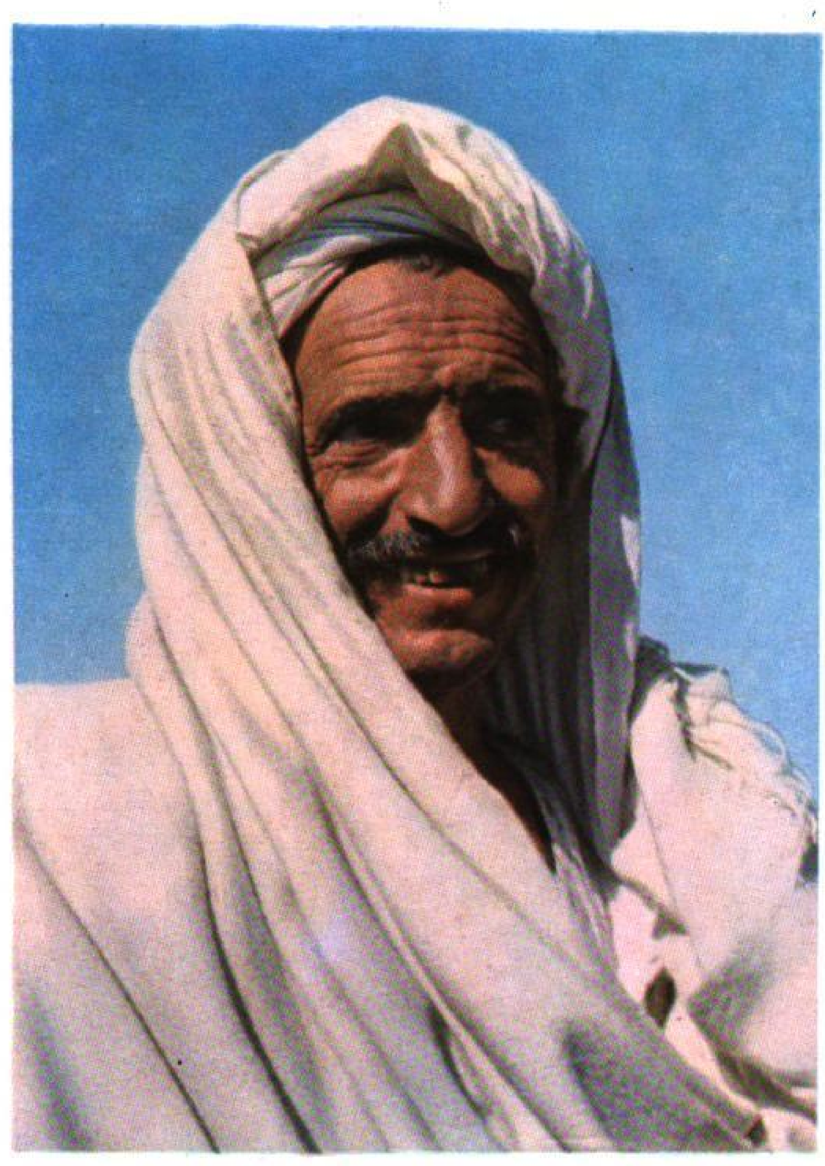
Внизу перед нами раскинулся большой новый поселок Умм Сабер. Его нарядные белые домики казались выпиленными из сахара.

— Два с половиной года назад, — говорил Керим, — здесь была пустыня. А сейчас уже построено пять таких поселков. Всего здесь будет одиннадцать новых деревень и большой промышленный центр.

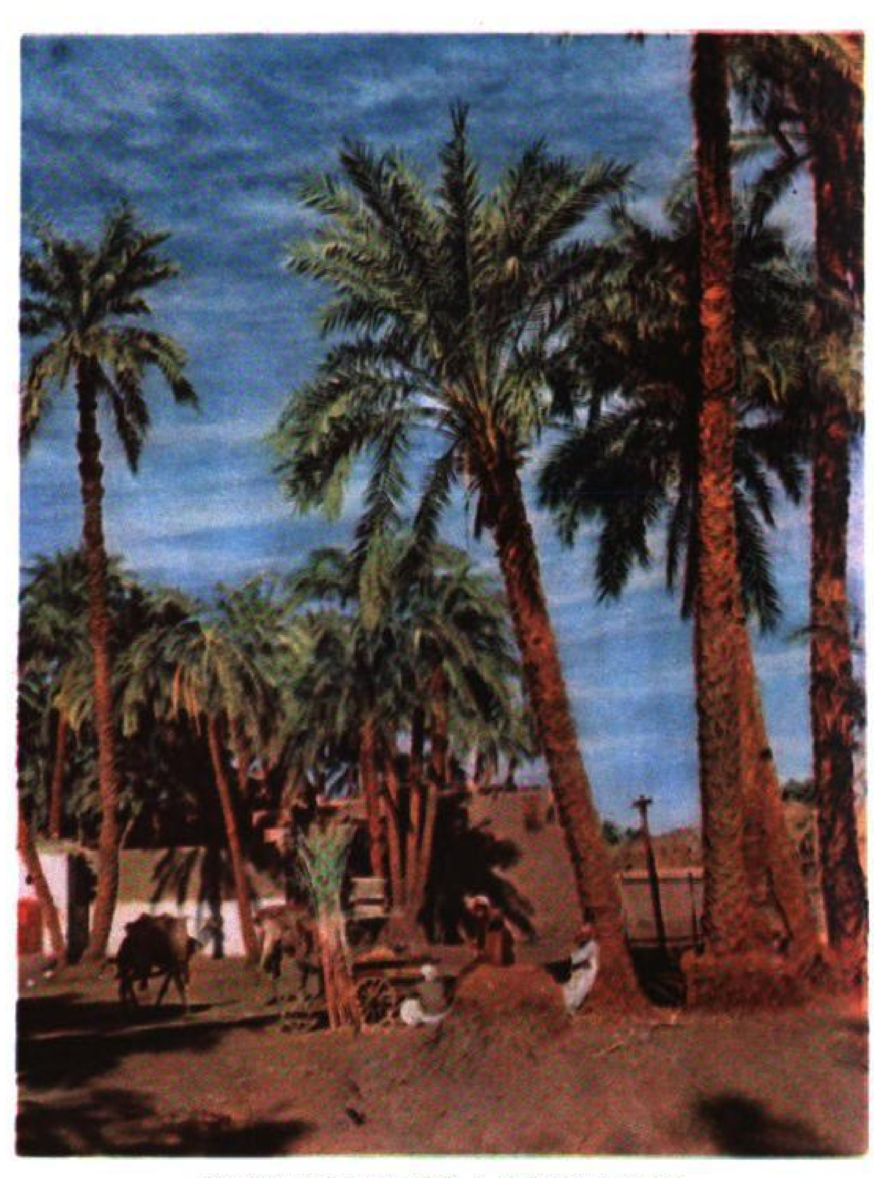
Спустившись со своего наблюдательного пункта, мы прошлись по поселку. Все здесь было ново, свежо, необычно. Даже тради-

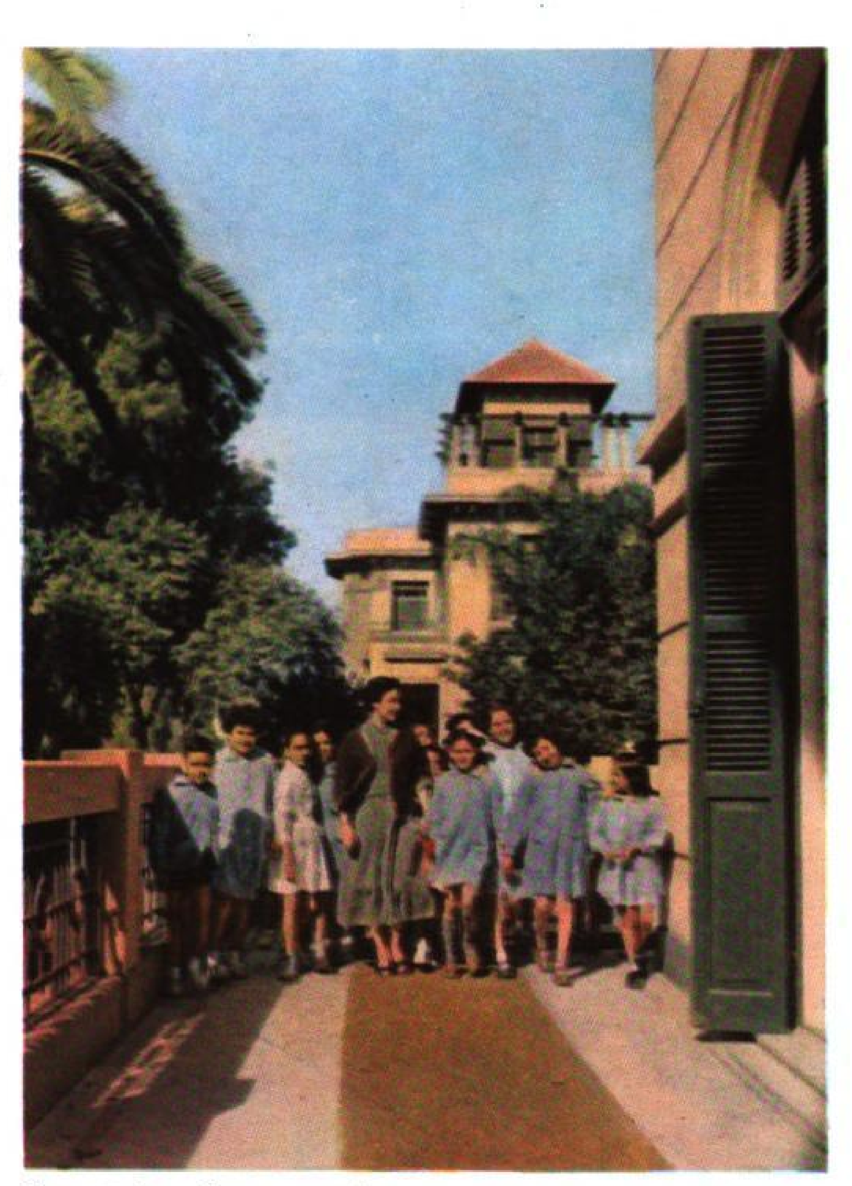
В детском саду. Наша знакомая, маленькая Фатима.

Ахмет Фавзи, крестьянин из оазиса Файюм.

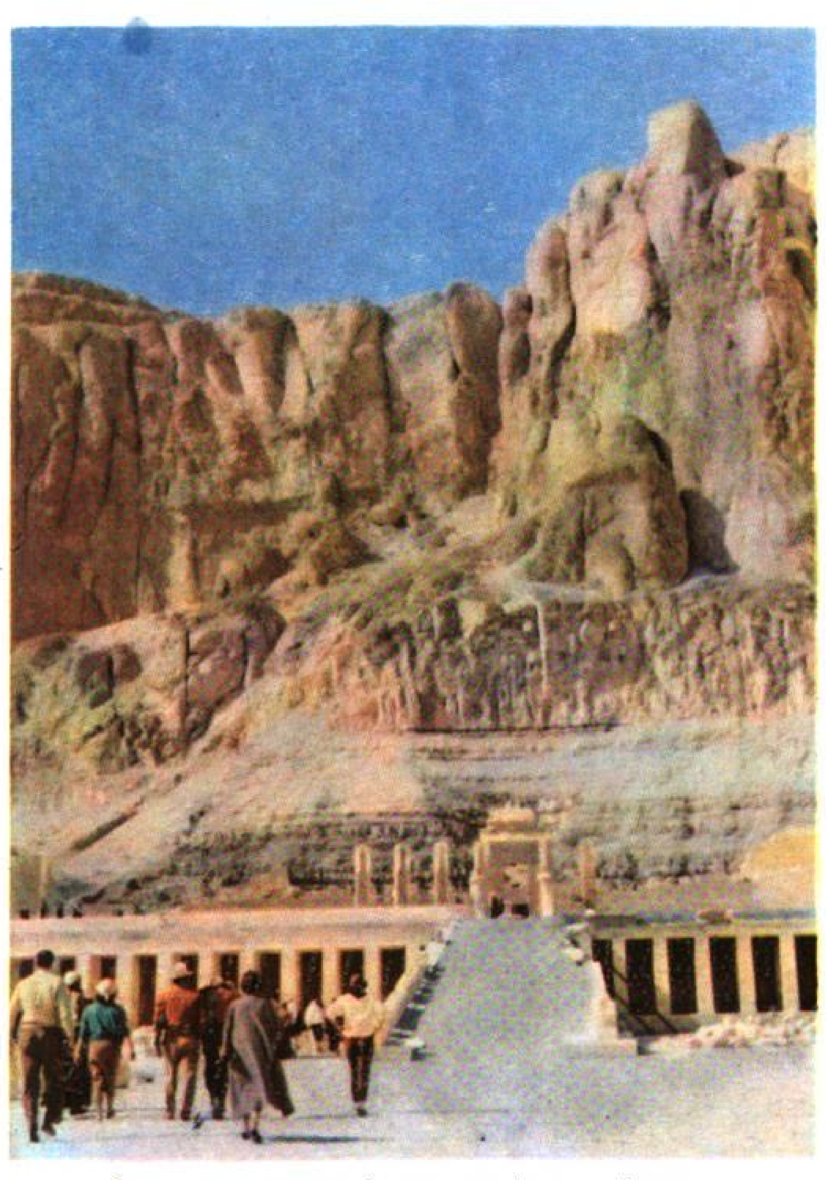
Деревня близ Луксора в Верхнем Египте.

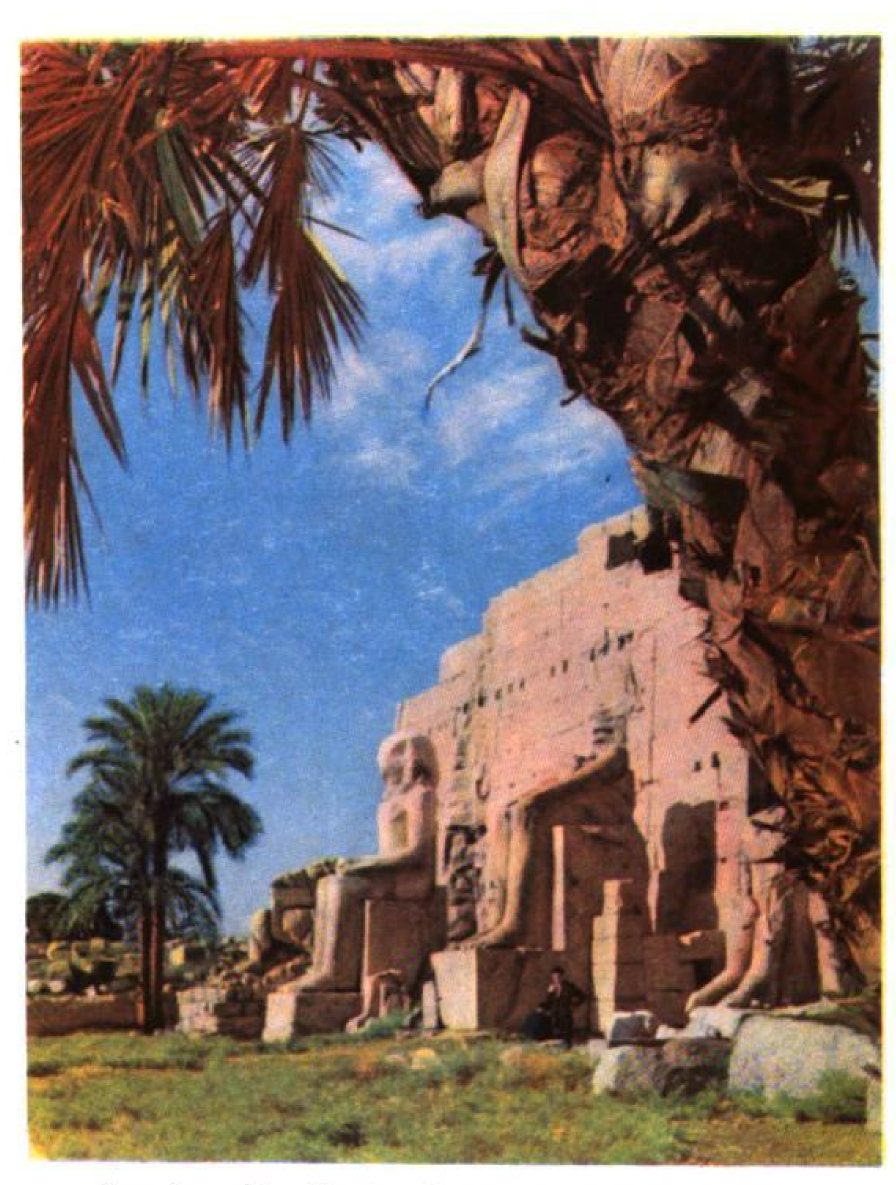
Каир. В бывшей королевской вилле помещается начальная школа.

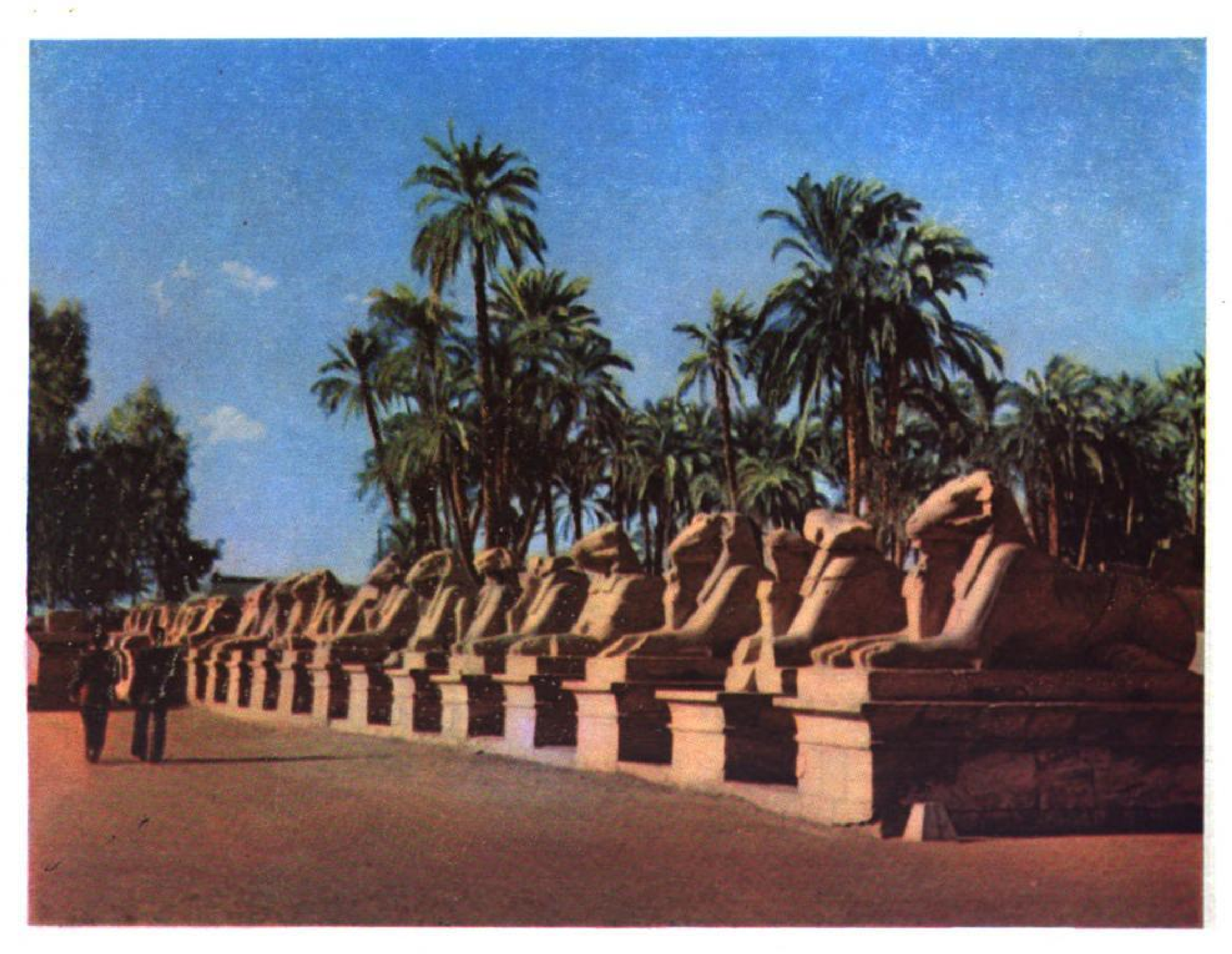
Раухия Имам, дочь рабочего из Каира, недавно окончила медицинскую школу. Сейчас она работает в новой больнице в деревне Бернешт.

Руины храма царицы Хатшепсут в Деир-эль-Бахари.

Храм Амона-Ра в Карнаке. Построен три тысячи лет назад.

Аллея сфинксов ведет к карнакскому дворцу.

Мухаммед Салех станет столяром.

ционная мечеть построена в современном стиле и освещена лампами дневного света. Как не похожи эти опрятные домики на те земляные лачуги, в которых еще ютится египетский крестьянин! Несколько магазинов, две школы, кинотеатр, гаражи для машин и тракторов, ремонтные мастерские. На спортивных площадках играет молодежь.

Мы зашли в клуб, где есть библиотека, свежие газеты. По соседству был еще один клуб, но заходить туда нам не разрешалось: он предназначен исключительно для женщин.

На краю поселка — большие фермы, где животные и птицы содержатся в образцовом порядке. Тут египетские специалисты выводят и новые породы продуктивного скота.

Затем мы поехали в соседний поселок, строительство которого подходит к концу. Он был очень похож на первый, но рядом с нарядными домиками раскинулся большой палаточный лагерь.

— Скоро эти палатки перекочуют на новое место, — сказал Керим. — И там вырастет новая деревня. Так строители все дальше и дальше углубляются в пустыню...

Земли вокруг деревни готовились под сев. Бульдозеры и скреперы выравнивали холмистую почву, снимали верхний слой сыпучих песков. Уже вырисовывались характерные квадраты орошаемых полей.

Смелое освоение пустыни в новой провинции производится на государственные средства. Государству принадлежит и молодое хозяйство, которое уже начинает давать первые урожаи. Здесь будет много фруктовых садов. В зимнее время овощи и фрукты из провинции ат-Тахрир предполагается вывозить за границу.

Пока деревца маленькие, неокрепшие, каждое из них заботливо прикрыто от смертоносных ветров пустыни легким камышовым шалашом. Сухой нильский ил, доставленный сюда с берегов реки, рабочие разносят в корзинах по молодому саду и подсыпают его под каждый шалаш. Этот ил — лучшее удобрение.

Мы остановились у большой плантации роз. Кустики были еще молодые, редкие, но на тонких ветках уже распускались крупные алые цветы, превращая весь прямоугольное поле в веселый, яркий ковер.

— Это для красоты, — пояснил Керим.

А садовник, подарив мне бархатную розу, сказал:

— На память об Умм Сабер.

И лишь сейчас я узнал, что Умм Сабер — это не только новый поселок среди Ливийской пустыни. Это — имя славной партизанки, погибшей с оружием в руках в зоне Суэцкого канала в борьбе с оккупантами.

Феллах учится жить по-новому

«Сегодня я видел новое явление в истории Египта, которое говорит о будущем и вселяет надежды. То, что я видел в этом социальном центре, вызывает желание увидеть это повсюду. Цель этого центра — уничтожить болезни, неграмотность, поднять национальный дух. Благодарю всех, кто участвовал в этой работе. Я молю бога, чтоб он покровительствовал созданию лучшей жизни народа и возрождению Египта».

Такую запись сделал премьер Египта Гамаль Абдель Насер в книге почетных гостей во время открытия 13 июля прошлого года социального центра близ деревни Бернешт. Это был первый социальный центр в республике. К концу года их стало уже около двухсот.

Прежде чем поехать в Бернешт, я отправился в Постоянный совет общественных служб. Этот правительственный орган координирует работу четырех министерств: просвещения, здравоохранения, социальных дел, муниципалитетов и провинций. Он занимается и строительством социальных центров.

Ответственный сотрудник совета г-н Даббус работает в нем со дня основания.

— Одна из главных проблем, которая стоит перед нами, — говорит он, — заключается в том, чтоб поднять культурный уровень крестьян. А их в стране 16 миллионов. С этой целью правительство создает социальные центры. Каждый такой центр рассчитан на обслуживание 15 тысяч крестьян.

Вся страна разбита на 865 специальных округов. В течение пятилетнего периода в каждом округе, который объединяет 6—8 деревень, будет построен социальный центр.

Что же такое социальный центр?

Три года назад здесь была пустыня.

Издалека видны ослепительно белые здания на фоне унылого-серой деревни. Едва миновав ворота, мы оказались в толпе шустрых, подвижных, как ртуть, ребят. Они резвились во дворе, пока большой медный колокол не призвал их в классы.

Учитель шейх Мухаммед Тага Мабрук рассказал, что 800 ребят деревни теперь получили возможность посещать школу.

Социальный центр управляется административным советом, в который входят агроном, эксперт по социальным делам и смотритель школы. Глава совета Гамаль Мурси провел нас в специальное помещение, где устраиваются доклады и лекции для крестьян. На стенах висели различные таблицы и диаграммы, стенная газета. В ней был помещен дружеский шарж на премьер-министра Насера и еще один большой рисунок, изображающий феодала (примерно так, как у нас рисовали буржуев в «Окнах РОСТА»): в толстое брюхо вонзен нож с надписью: «Революция 23 июля».

Прямо напротив лекционного зала расположился детский сад. На зеленой лужайке, где были качели, коляски, горка, кубики, мячи, играли юные бернештцы. Здесь мы познакомились с маленькой Фатимой, которую вы видите на снимке.

Девочек постарше воспитательница Суад Абду посвящала в основы грамоты. Суад — частый гость в домах феллахов, она рассказывает матерям о гигиене и воспитании детей.

В амбулатории доктор Абу Сари Мухаммед вместе с сестрой Раухией Имам вел прием больных. Он рассказал, что ему и его коллеге приходится принимать не менее шестидесяти пациентов в день.

— Одна из задач нашего центра, — говорит нам Гамаль Мурси, — научить феллахов лучше вести свое хозяйство. Тут у нас есть различные учебные мастерские. А здесь, например, крестьяне узнают, как лучше перерабатывать плоды финиковых пальм, молоко, как изготовлять сыр.

В мастерских обязательно трудятся и школьники. Крестьянский сын Мухаммед Салех, окончив школу, станет столяром. Посмотрите, с каким увлечением он орудует рубанком!

Затем мы прошли на опытные участки. Там агроном объяснял большой группе феллахов, какую пользу они получат от выращивания новых сортов огородных культур.

Таков один из социальных центров, которые ныне правительство Египта создает по всей стране. Феллах учится жить по-новому.

Феллахи на опытном участке.

В магазин идут автоматы

Приятно освежиться — все удовольствие стоит 15 копеек. Такие автоматы установлены в вестибюлях гостиниц, магазинов и ресторанов.

В закусочной на площади Дзержинского работает много автоматов по продаже закусок, пирожных, напитков. «Какое же пирожное выбрать?»

Фото Риммы Лихач.

М. АРЛАЗОРОВ

Суровыми рыцарями, закованными в латы, в шлемах с опущенными забралами, сотканные из механических мускулов и электронных мозгов, зашагали по книжным страницам в двадцатых годах нынешнего столетия роботы — слуги, помощники и друзья человека. В средневековые доспехи романисты одели одну из наиболее молодых, наиболее перспективных областей техники — автоматику. Короткое слово «робот» с легкой руки чешского писателя Карела Чапека быстро и прочно укоренилось в языках многих народов мира.

Время шло. Со страниц фантастических романов роботы перекочевали в жизнь: сначала на производство, а затем и в быт. Но, разумеется, облик, которым их наградили писатели, стал совсем иным. И когда через несколько лет вы войдете в магазины, где торговлю будут вести автоматы, не рассчитывайте встретить за прилавками рыцарей, отпускающих папиросы, спички или газированную воду.

...Поздний вечер. Уже закрылись булочные и гастрономы, и вы внезапно вспомнили, что дома нет хлеба к утреннему завтраку, что не куплены папиросы и спички. Что делать? Ждать до утра? Не могут же торговые работники проводить бессонные ночи только потому, что еще не перевелись рассеянные люди. Нет, утра ждать не придется, и не придется заставлять продавцов работать круглые сутки. Существуют автоматические продавцы, способные торговать без устали по 24 часа.

Подобным примерам нет числа. Автоматы проникнут не только в магазины. Появятся автоматические столовые, отпускающие стандартные обеды, и самодействующие буфеты в гостиницах, которые в шесть — семь часов утра смогут накормить горячим завтраком, автоматические аптекари, в любое время суток отпускающие порошки от головной боли и другие лекарства...

Совершенно ясно, торговые автоматы нам очень нужны. Вот почему в Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану сказано: «Организовать массовое производство автоматов для торговли и общественного питания».

Однако путь к созданию автоматических продавцов нелегок. Об этом пути рассказал нам главный конструктор Московского опытного конструкторского бюро Г. А. Растигер.

— Кажется, что проще всего скопировать лучшие образцы торговых автоматов, довольно широко распространенных во многих странах Европы и Америки,— говорит Г. А. Растигер.— Только в Соединенных Штатах Америки насчитывается около двух миллионов роботов-«коммерсантов». Увы, в наших условиях западные автоматы не всегда применимы...

Прежде всего они слабосильны. Зарядки табачного автомата полусотней пачек сигарет хватает в Дании на весь воскресный день. А у нас, в лучшем случае, ее хватит на час: за день табачный киоск продает около 500 пачек «Беломорканала» и такое же количество «Севера» и «Прибоя», не говоря уже о сигаретах и папиросах других сортов.

Не удовлетворила наших инженеров и недостаточная автоматизация некоторых зарубежных конструкций. Покупатель опускает монету, а затем должен нажать еще разного рода кнопки, повернуть рычаги, открыть ящички с товарами... При столь бойкой торговле, как у нас, подобные автоматы замешкаются, а небрежность одного — двух покупателей может вывести их из строя.

И, наконец, зарубежные конструкции, как правило, слишком дороги и сложны. Например, купленный недавно образец шведского автомата для продажи напитков в бутылках обладал пятью электромоторами, тридцатью реле и представлял собой «маленькую АТС». Если изготовить такой автомат, то даже в крупносерийном производстве его стоимость составила бы около 30 тысяч рублей. А наши? Стоимость любого советского автомата из числа тех, что уже спроектированы и проектируются, не превысит в среднем трех — пяти тысяч рублей. Вот почему советские специалисты отказались от простого подражания и пошли по иному пути.

— Мы широко используем принципы типового проектирования, хорошо зарекомендовавшие себя в нашей стране,— замечает конструктор.— Архитектор, маневрируя типовыми секциями, строит красивые и удобные дома, порою совсем непохожие друг на друга. Заранее изготовленные узлы позволяют машиностроителям создавать так называемые агрегатные станки. Подобные узлы уже спроектированы и для торговых автоматов. Большинство из них пока только на бумаге. Ведь дело это совсем еще новое, молодое...

Длинные ряды чертежных досок. На плотных листах ватмана типовые узлы соединяются друг с другом, обрастая множеством дополнительных, порою весьма остроумных деталей.

Основные узлы немногочисленны: монетник, получающий деньги, механизм выдачи товаров и, наконец, устройство для зарядки автомата, для подготовки его к торговле.

Монетник — своего рода сигнальщик. Получив деньги сполна, он включает механизм, выдающий покупку. Но товаров много, цены на них разные, и потому конструкторы разработали три типа монетников — от самого простого, подобного тому, что стоит в телефонном автомате и довольствуется одной монетой, до более сложных, способных складывать достоинства разных монет, выдавать сдачу, выбрасывать разного рода суррогаты, если бы кто-либо попытался обмануть их.

В более сложных автоматах, торгующих, например, мороженым, газированной водой, фруктовыми соками, пивом, к этим основным узлам добавляются холодильники или, напротив, подогревательные устройства для отпуска горячего чая, какао, кофе.

На одном из чертежей мы увидели проект автомата. Скоро он начнет продавать газированную воду. Через несколько лет таких «продавцов» будет насчитываться десятки тысяч.

Подойдя к изящному, строго оформленному шкафу, покупатель включит автомат и, нажав кнопку, выберет себе или чистую газированную воду или же воду с одним из сортов сиропа, которых в автомате будет несколько. Опустив деньги, он получит сдачу, и точно отмеренная порция воды заполнит бумажный стаканчик. Такой автомат принесет государству изрядную прибыль. Достаточно сказать, что за один лишь летний сезон в одной только Москве замена продавцов автоматами сэкономит ни много, ни мало тридцать миллионов рублей. Ведь в этих «роботах» все процессы, начиная от сатурации и охлаждения до продажи воды, полностью автоматизированы.

Автомат уже спроектирован и передается в производство. Скорей и побольше таких автоматов! Увы, это не так просто, и препятствие возникло совсем неожиданное. Помехой стал стаканчик. Да, да, обыкновенный бумажный стаканчик. Ведь если торговать без продавцов, стаканчиков потребуется на каждый автомат 300 тысяч в год. Для сорока тысяч автоматов за год это составит 12 миллиардов стаканчиков, а производственная мощность фабрики «Бумиз», которая их выпускает, измеряется... сотыми долями этого количества. Значит, нужны новые фабрики, нужны тысячи тонн бумаги.

Вот другой автомат. Он займется продажей мороженого. Вспомните, как неприятно летом получить расползающийся в руках пакетик, и тогда вы по достоинству оцените остроумие конструктора, предусмотревшего в автомате сбережение холода. На коротком пути от хранилища мороженого до покупателя установлены промежуточные камеры, своего рода шлюзы холода, не позволяющие понапрасну его разбазаривать.

Интересный сюрприз ждет советских школьников: автоматы, установленные в вестибюлях школ, будут торговать тетрадями и карандашами. Коричневатый, отделанный никелем шкаф не только продаст карандаш, но при желании и мгновенно заточит его.

Торговые автоматы удивительно разнообразны, а порой необычны. Небольшой ящичек с зеркалом, не превышающий по размеру серую коробку телефона-автомата, располагается на уровне человеческого роста. Достаточно опустить в него пятнадцатикопеечную монету, чтобы из пульверизатора брызнула освежающая струя. Три грамма одеколона — пятнадцать копеек. Первые такие автоматы уже установлены в некоторых ресторанах, магазинах и гостиницах Москвы.

Одеколонный автомат — пустяк. Но в пустяке внимательный глаз разглядит те огромные перспективы, которые несут народному хозяйству самодействующие машины и механизмы. Быстрота обслуживания, освобождение от малоквалифицированного физического труда — таковы главные качества современных автоматов, которые займутся самой разнообразной работой.

ПО ЯГОДЫ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

На просеках поспела земляника.

Утром, еще в окна горницы сочился сквозь герани бледный свет месяца, Нюшка выскользнула из-под лоскутного одеяла и побежала в сени будить Илью.

— Эй ты, трутень! — зашептала она, вздрагивая от утреннего холода. — Вставай, по ягоды пойдем. Слышь, что ли? Сейчас мать проснется, она нам задаст.

Илья, спавший на деревянной кровати, закрытой от комаров марлевым пологом, заворочался и сонным басом сказал:

— Щас...

Нюшка тихонько вернулась в горницу, оделась и, взяв припасенную с вечера корзинку, опять вышла в сени. Илья, сидя на полу возле кровати, дремал.

— У, горе ты мое! — проворчала Нюшка. — Шевелись! Артемовские бабы всю ягоду оберут... Они ведь хитрущие.

Она потянула из рук Ильи его штаны, но тот сердито дернул их к себе.

— Отстань, сам не маленький!

Сопя, он оделся, повесил через плечо берестяной бурачок и вслед за сестрой пошел через крытый двор в огород.

Рассвет только начинался. На левом склоне неба зыбились синие звезды, висел подтаявший серпик луны, а правый от зенита до горизонта был раскрашен в зеленый, желтый и розовый цвета.

Задевая босыми ногами за капустные листья, облитые жгуче-холодной росой, дети пошли между грядами к перелазу. Отсюда начиналась утоптанная до каменной твердости тропинка. Прямая, словно проложенная ударом кнута, она рубила надвое заполненный золотистым лютиком луг и бежала дальше, петляя между редкими корявыми соснами, которые, словно сторожевые башни, охраняли вход в лес.

— Я об крапиву обстрекался, — плаксиво сказал Илья по ту сторону плетня.

— Вот мы ужо ее серпом срежем, — пообещала Нюшка. — Ты помочи слюнями, и все пройдет.

Илья поплевал на палец и потер им белые волдыри на ногах.

— Зудит, — пожаловался он через несколько шагов.

— Горе ты мое! — вздохнула Нюшка. — Смотри, какая пичуга порхает.

Впереди со стебля на стебель перелетала рыженькая, с кривым клювом птичка. Смелая и любопытная, она косилась на детей выпуклым, как бусинка, глазом и тоненько попискивала: «Чуть свет, чуть свет, чуть свет»...

— Щас я ее словлю, — сказал Илья.

Он побежал, растопырив локти, как цыпленок свои куцые крылья. Нюшка бросилась за ним и, хлопая в ладоши, закричала:

— А я тебя словлю! А я тебя словлю!

С визгом, хохотом, криком ворвались они в лес и разом присмирели. Есть величавая торжественность в спокойном пробуждении леса, когда между медно-розовыми стволами сосен, покачиваясь, лежат толстые пласты тумана, прошитые косыми лучами солнца; еще непроницаемо густа тень еловых лап, которая, кажется, хранит от человеческого глаза какую-то тайну; еще липнет к лицу и рукам гнилой холодок нехоженых лесных недр, и трепет осин заставляет испуганно вздрогнуть, как внезапное хлопанье крыльев большой птицы, вылетевшей из-под ноги.

Дети быстро шли, стараясь ничего не видеть и не слышать вокруг. Приземистый, коротконогий и головастый Илья из последних сил поспевал за легонькой Нюшкой, но не решался ни отстать, ни попросить передышки.

— Уф! — сказала Нюшка, когда они выбежали на светлую просеку. — Ни за что бы не пошла этим лесом ночью. Беда, какой страшенный!..

— А я бы за настоящий моторет пошел, — сказал Илья.

— Какой моторет?

— Ну, какой у нашего бригадира.

— Мотоцикл! — догадалась Нюшка. — Да тебе с ним и не сладить.

— Уж и не сладить! — обиделся Илья. — Я бедовый. Хочешь, на березу залезу?

— Аууу!.. Аууу!.. — послышалось вдруг за кустами орешника, и в его зелени замелькали разноцветные платки.

Это перекликались бабы из соседнего колхоза имени Артема. Нюшка тотчас присела у пня и быстро-быстро обеими руками стала обирать твердую, еще чуть зеленоватую ягоду. На дно корзины дробно просыпалась первая горсть. Боясь, что сестра обгонит его, Илья подбежал к другому пню и тоже стал собирать землянику, кидая ее в свой бурачок вместе с листьями, хвоинками, сучками и всяким мусором.

Увлеченные этим соревнованием, они трудились долго, молча, сосредоточенно. Лишь иногда Илья, стараясь заглянуть в корзинку сестры, спрашивал:

— У тебя много?

На что Нюшка, отводя корзину, неизменно отвечала:

— Все мое, все мое!..

Солнце уже поднялось над просекой, и по лесу покатились волны горячего хвойного воздуха, когда они сели отдохнуть в тени орехового молодняка. Нюшка осторожно достала из корзинки присыпанный ягодами сверток. Газету она бережно свернула и убрала, а мокрый от растаявшего сахара хлеб поделила поровну между собой и братом.

Было жарко. Илья, наевшись, посоловел. Глаза у него стали мутные, нижняя губа отвисла; он повалился в прохладную траву, поджал ноги и пробормотал:

— Давай, Нюшенька, уснем...

— Нельзя, нельзя! Как раз к поезду опоздаем, — встрепенулась Нюшка, которую тоже морил сон.

Чтобы уйти от соблазна, она быстро встала, сломила ореховую ветку и, прикрыв ею ягоды, затормошила Илью.

— Вставай, трутень, вставай! Все бы он спал да дремал. Скоро в школу пойдет — со стыда за малого изведешься, какой, право, сонной!

Недалеко от того места, где они собирали ягоды, через просеку проходила изрезанная рубчатыми шинами дорога, ведущая к перевозу и дальше — к станции. Не защищенная от прямого солнца, дорожная пыль была горяча и суха. Она фонтанчиками пыхала между пальцами, и это развлекало детей до самого перевоза.

Река встретила их игривым полуденным плеском. С крутояра она казалась густосиней, с зеркальными блестками по гребешкам мелких волн.

Перевозчик Зосима Павлович сидел у своей землянки и навaривал веревочку, захлестнув ее за шило, воткнутое в край стола. Тут же, на столе, лежал дырявый валенок, который Зосима Павлович, очевидно, собирался чинить. Он и зимой и летом ходил в валенках, потому что у него стыли ноги.

— А, ягодники пришли, — сказал он, увидев детей. — Рупь-то есть ли за перевоз?

— Нету, Зосима Палыч, — бойко ответила Нюшка. — Мы тебе на обратном пути заплатим, не сомневайся.

— То-то, что нету! Ждите оказии. Не стану я попусту паром гонять.

Он опять принялся мусолить куском вара свою веревочку, а дети сели чуть поодаль на траву и следили за его занятием.

— А ежели я сам речку переплыву, с меня тоже рупь? — поинтересовался Илья.

— Сам сколько хошь плавай — не заказано! — отозвался перевозчик.

— А ежели охотник с собакой поедет, за собаку тоже рупь? — не унимался Илья.

— Экой ты, малый, репей! Отцепись! И посылают же таких сморчков торговать!

— Нас не посылают, мы сами, — сказала Нюшка.

— Сами? — недоверчиво усмехнулся перевозчик. — Стал быть, для интересу?

Нюшка, по-своему истолковав его слова, вдруг обиделась и насмешливо фыркнула:

— Для интересу! Это артемовские для интересу ягодой торгуют, они слабосильные. А мы крепачки, нам в колхозе хватает.

— Зосима Палыч, — позвал вдруг Илья. — Смотри-ка, чевой-то плывет? Вон, вон плывет...

— Чего там еще? — заворчал перевозчик, вглядываясь из-под ладони в рябившую поверхность реки, и вдруг заволновался: — Лось! Лось! Право, лось! Вот ведь беда, а, лось!

Выставив из воды горбоносую, увенчанную широкими, как чаша, рогами голову, лось пересекал быструю в этих местах реку. Вот он уже ступил передними ногами на дно, мощным рывком вырвал из пенистой воды грудь, вышел на берег, отряхнулся и медленно зашагал вглубь поймы. Много величия, силы и даже как будто сознания своей красоты было в осанке этого заповедного зверя, и Зосима Павлович весь как-то потянулся к нему, вцепившись пальцами в край стола.

В это время за изгибом реки коротко и резко рванул тишину лесов пароходный гудок. Лось метнулся, вскинул голову и, все убыстряя бег, помчался к лесу, без усилия выбрасывая тонкие, с широкими копытами ноги в белых чулочках.

— Вот бы мне лосиные-то ноги!.. — с каким-то томлением сказал Зосима Павлович.— Всю бы землю напоследок обежал. Так бы и стеганул по болотам, по гарям, по лесам...

Он сразу потускнел, обмяк и маленьким комочком свернулся на лавочке, склоняясь над своим валенком.

Из-за поворота вышел на перекат белый с черной трубой пароход.

— «Ро-бес-пьер», — прочитала зоркая Нюшка.

— Что такое «Робеспьер»? — спросил Илья.

— Пароход так называется.

— А почему он так называется?

— Не знаю...

— Зосима Палыч, — позвал перевозчика Илья. — Почему пароход так называется?

Зосима Павлович рассеянно взглянул в сторону реки и вздохнул.

— Генерал такой был... Французский. Наполеону служил, — неохотно поделился он своими сведениями из истории.

«Робеспьер» подходил все ближе; от винта его бежали к берегам широкие волны.

— Скупнемся в волнах, — предложила Нюшка.

— Скупнемся! — обрадовался Илья.

Они стремглав бросились под крутояр, и вскоре красная нюшкина кофта и синяя рубашонка Ильи замелькали внизу, на песчаной косе. Нюшка первая добежала до кромки воды, резко отчеркнутой на желтом песке; кофта затрепетала у нее в руках, зацепившись за гребенку, она с силой дернула ее, потом сбросила с себя юбку, рубашку и — гибкая, тоненькая, как змейка,— скользнула под набежавшую волну. Вслед за сестрой, растеряв на бегу свою нехитрую одежку, увесистым пудовичком бултыхнулся Илья.

Потом они лежали на горячем песке, подгребая его себе под грудь, пока не увидели, что к парому с крутояра спускается грузовик, в кузове которого полощутся на ветру разноцветные платки. Хитрющие артемовские бабы и тут споворили, перехватив попутную машину.

— Бежим! — заторопилась Нюшка.

Стерев с себя присохший песок, они оделись и побежали к перевозу.

Шофер попался знакомый, колхозный. Нюшка внимательно пригляделась к нему и вдруг запрыгала, хлопая в ладоши.

— Митечка! Митечка! Тебе в чуб девки смолы запустили!

Митечка — нескладный подросток лет семнадцати, недавний обладатель роскошного пшеничного чуба — презрительно глянул на нее сверху и процедил:

— Дура! Я на приписке был, осенью в армию пойду.

— Хорошее дело,— отозвался Зосима Павлович, тянувший канат.— Может, армия из тебя человека сделает. Отучит мои переметы проверять.

— Один раз попользовался по-мальчишеству, а уж вы, Зосима Павлович, помните всю жизнь,— укоризненно сказал Митечка и, чтобы прекратить неприятный разговор, закричал на детей: — А ну, пшено, полезай в кабину!

На станции по платформе мимо деревянного вокзальчика ходил милиционер в белой гимнастерке, перекрещенной пропотевшими ремнями. Это нисколько не обеспокоило Нюшку. Она встала как раз под табличкой, запрещавшей рыночную торговлю на платформе, и открыла свою корзинку. Милиционер скользнул по ней вялым, полным тоски по прохладе взглядом и отвернулся. Очевидно, многолетний опыт убедил его в тщетности борьбы с этими нарушителями порядка.

К приходу поезда возле Нюшки и Ильи собрались ребятишки и женщины с первыми огурцами, редисом, земляникой, пирогами, творогом и даже с дымящейся отварной картошкой.

В те три минуты, пока стоял поезд, тихая, окруженная старыми березами станция с лихвой награждала себя за долгие часы тишины и покоя. Вокзалы больших городов с их вечной, но равномерной оживленностью не знают такой стремительной, как ураган, суеты.

Поезд еще не остановился, а пассажиры, как известно, съедающие в пути неизмеримо больше, чем они едят обычно, уже высматривали с площадок через головы проводников добычу.

— А вот свежие ягоды! Свежие ягоды! — пронзительно закричала Нюшка.

Хитрющие артемовские бабы на этот раз промахнулись. Они ринулись к мягкому вагону, где, по наблюдению Нюшки, ездят убийственно неторопливые люди в костюмах из полосатой матрацной материи, а сама Нюшка побежала рядом с вагоном. Здесь, она знала, всегда едут отпускники — матросы, солдаты,— какие-то парни в клетчатых ковбойках, девчата в спортивных костюмах — все сплошь люди, отлично знающие цену трем минутам и не знающие цену деньгам.

— А вот ягоды! Свежие ягоды!..

Об Илье Нюшка вспомнила, когда поезд ушел и на станции опять водворилась знойная июньская тишина. Расходились торговки, приводя в порядок свое разоренное набегом пассажиров хозяйство. Илья сидел все под той же запретительной табличкой. Он не двинулся с места, но бурачок его был наполовину пуст, а в кулаке он сжимал мокрый комок рублей и трешниц.

— Хорошо покупали! — сказала Нюшка, еще полная пережитого возбуждения. — Через три часа опять будет поезд. Останемся?

Илья, хмурясь, подумал, заглянул в нюшкину корзину и сказал:

— Хлеб-то весь съели... Купишь мне бутерброд с селедкой?

— Вот горе-то! — вздохнула Нюшка. — Ладно уж, идем.

В станционном буфете они подошли к застекленной витрине, хранившей следы мокрой тряпки. Илья прочно остановил свой выбор на бутерброде с селедкой, а Нюшка предпочла сухую, сморщенную сосиску.

С приходом следующего поезда все на маленькой станции повторилось в точности. Бурный прилив оживления быстро сменился мертвой тишиной. По платформе, подбирая крошки, разбрелись куры, зашагал сонный милиционер, и стало слышно, как у начальника вокзала нежно журчит телефон.

Нюшка завязала деньги в платок, повесила его под кофтой на шею, и дети, миновав скучные пакгаузы, пошли по дороге к дому.

Речку они переехали уже на закате. Теперь она была спокойна, тускла, словно бутылочное стекло, и пахла тиной. Внизу, у воды, было холодно. Из сырых пойменных логов поднимался туман.

— Пойдем, Нюшенька, большой дорогой. Страшно на тропе-то! — попросил Илья.

Нюшка и сама боялась сумрачной лесной тропы, но, когда они поднялись на крутояр и в лицо им пахнуло теплым воздухом сосновых холмов, страхи исчезли, и она решительно свернула на тропу.

— Нюшенька, я боюсь! — захныкал Илья, как только лес закрыл от них бледное вечернее небо.

Нюшка тоже вздрогнула. Не сговариваясь, они побежали вперед, боясь увидеть или услышать что-нибудь страшное.

— Мамынька! — взревел вдруг Илья, которому показалось, что кто-то вот-вот схватит его сзади.

Нюшка обернулась, поймала его за руку и помчалась еще быстрее, приговаривая:

— Бежи, Илюшка, бежи! Тут близко...

Не остановились они и на лугу, а прямо через огород и двор ворвались в избу, перепугав мать, доившую во дворе корову.

Нюшка, отдышавшись, развязала платок и положила деньги на стол, чтобы мать, как только войдет, увидела их: «Все, глядишь, не так станет браниться...» Потом она взяла ложку и присоединилась к брату, который, стоя у печного шестка, хлебал из чугунка холодные щи.

— Завтра пойдем? — спросила она с полным ртом.

— Угу! — ответил Илья.

Облизав в последний раз ложку, он пошел в сени и залез там под свой полог. Перед глазами у него сейчас же задрожали красные ягоды, прикрытые зелеными листочками, по ним поплыл белый пароход с черной трубой, и Илья уже не слышал, как отец, вернувшийся из лугов, говорил ему:

— Ну-ко, парень! Широко больно спишь, всю кровать один занял. Сдвинься чуток...

ВЫДАЮЩИЙСЯ НОРВЕЖСКИЙ ДРАМАТУРГ

23 мая исполнилось 50 лет со дня смерти выдающегося норвежского драматурга Генрика Ибсена. Все прогрессивное человечество широко отметило эту дату.

Творчество Ибсена связано с демократическими силами норвежского общества. Герои его драм, бичуя подлую мещанскую мораль, окрылены возвышенными идеалами, мечтой о светлом будущем. И обращаясь к своим читателям, Ибсен сказал однажды: «Я буду доволен результатом труда своей жизни, если труд этот может послужить к тому, чтобы подготовить настроение для завтрашнего дня...».

Советские люди с глубокой любовью к великому норвежскому гуманисту отметили 50-летие со дня его смерти. В Государственном академическом Малом театре состоялся вечер, посвященный Генрику Ибсену.

1 июня — Международный день защиты детей

По инициативе Международной демократической федерации женщин 1 июня стало традиционным днем смотра достижений в защите детства от угрозы войны, голода и болезней. В нынешнем году этот день проходит в условиях ослабления международной напряженности, в условиях, когда у народов окрепли надежды на длительный мир. Плакат польского художника Т. Трепковского отобразил чувства миллионов матерей разных стран, благодарных советскому народу за его вклад в борьбу за мир.

Надпись на плакате: «СССР — защитник мира, друг детей».

Рассказ о великом плане

Это вводный лист красочного альбома «Шестой пятилетний план развития народного хозяйства СССР». Языком диаграмм, рисунков, броско поданных цифр, коротких комментариев к ним, написанных видными учеными, министрами, их заместителями, специалистами различных отраслей народного хозяйства, альбом рассказывает о великом плане.

В альбоме 23 листа, посвященных промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, строительству, науке, культуре. Последний лист говорит о развитии народного хозяйства союзных республик.

Альбом, изданный Госполитиздатом, явится ценным пособием для агитаторов, пропагандистов.

Первая ГЭС Неманского каскада

В городке строителей Каунасской ГЭС.
Фото С. Розенфельда.

Во многих легендах, стихах и песнях Литвы и Белоруссии воспет Неман. Он прославлен как кормилец рыбаков и плотогонов, как голубая дорога, издревле связывавшая два дружественных народа — белорусов и литовцев.

В одной из энциклопедий о Немане говорится: «В гидроэнергетическом отношении используется мало». Но вот мы читаем в Директивах XX съезда КПСС: «Ввести в действие Каунасскую гидроэлектростанцию на Немане». Изменится Неман — плавная, спокойная, местами мелеющая река.

Каунасская ГЭС даст ток в 1960 году. Она будет первым сооружением Неманского каскада, который зальет светом города и села Белоруссии и Литвы.

В десяти километрах от Каунаса, за пригородным селением Петрашюны, находится строительная площадка ГЭС.

Над всей площадкой в воздухе разлит приятный запах горячей смолы: это в целях антисептики строители смолят деревянные сваи первых сооружений стройки. Там, где будут судоходные шлюзы, пока работают только лесорубы, расчищают территорию. Летом здесь экскаваторы начнут вынимать грунт.

Строятся насосная станция, большой завод железобетонных конструкций. Заложены деревообрабатывающий и лесопильный комбинаты.

С соседней железнодорожной станции Палемонас сюда прокладывается ветка.

Н. ХРАБРОВА

Черногорская баллада

Микола НАГНИБЕДА

Было то в Черногории дальней,
Там, где горцы орлами глядят,
Где тропинки
с дорог магистральных
Через сто перевалов лежат.
Исходил в том краю я немало,
Полюбил его глушь и красу;
Черногорские реки и скалы
До сих пор в своем сердце несу.
И душа
братской песни славянской
Открывалась доверчиво мне;
А над выжженной нивой крестьянской
Я, печалясь, молчал в тишине.
Восхищался,
что дети гурьбою
С букварями из школы идут;
И был счастлив:
повсюду сестрою
Нашу Родину люди зовут!
Раскрывались по-братски объятья
У встречавшихся всюду друзей...

Но хотел
не про то рассказать я
Вам в балладе своей.

Было то в Черногории дальней
В дни,
когда еще битва там шла.
Партизаны стояли печально
У развалин родного села.
Всех живых в нем
враги расстреляли,
А дома, отступая, зажгли.
Лишь девчинку нашли,
подобрали
Партизаны в траншейной щели.
Пережив небывалые муки,
Вся в крови
и от дыма черна,
Опаленные детские руки
Протянула им молча она.

Повязав незасохшие раны,
Поклонившись сторонке родной,
Через горы пошли партизаны,
Возвращаяся в штаб боевой.

Задремала девчинка дорогой
На руках черногорца-бойца.
И следил за уснувшей
с тревогой
Черногорец в пути до конца.
Старой Райне в отряде шепнул он,
Отдавая находку свою:

— Погляди же,
как сладко уснула!..
И притихло все в горном краю.

Лишь в пещере взывали радисты:
— Вязьма,
— Вязьма! — на все голоса.

Горы были суровы и мглисты,
И темнели до неба леса.

— Вязьму русские воины взяли!
— Разгромили фашистов в бою...

И тогда партизаны назвали
Этим именем
дочку свою.

И осталася Вязьма в отряде;
Райна сделалась матерью ей...

Но не это
хотел рассказать я
Вам в балладе своей.

Было то в Черногории дальней,
В партизанском селенье одном,
Где, как гости,
свой вечер прощальный
Провели мы за братским столом.

Вновь усадьбы —
как будто с картинки,
А сады белым цветом цветут.
Я спросил у сельчан
о девчинке,
Что по-русски все
Вязьмой зовут.

— Наша Вязьма теперь уж большая.
Хорошеет, цветет, как весна.
— А послушали б,
как запевает
Ваши русские песни она!
— Педагогом к нам скоро вернется,
И в гористом родимом краю
Райна старая
ждет не дождется
Нареченную дочку свою...

И клялися мы в дружбе, как братья,
Новой встречи желали скорей.

Вот о чем
и хотел рассказать я
Вам в балладе своей.

Перевел с украинского
Дмитрий ОСИН.

50-летие В. Кетлинской

Указом Президиума Верховного Совета СССР советская писательница Вера Казимировна Кетлинская за заслуги в области развития советской литературы в связи с пятидесятилетием со дня рождения награждена орденом Трудового Красного Знамени.

27 мая — День независимости Афганистана

ПЕСНИ ГОРНОЙ СТРАНЫ

В Афганистане поют почти все. Люди неприступных гор, афганцы умеют ценить жизнь во всех, даже самых будничных ее проявлениях. В своих песнях они воспевают яркое солнце и прозрачный холод ручья, дружбу и любовь чернокудрой Шейсты, далекого гостя, радостный смех ребенка.

За честь Афганистана умереть,
О юноши, хотел бы я, старик,—
За честь Афганистана умереть!
За честь народа голову сложив,
В народной памяти воспрянешь, как герой,
С высоко поднятою головой,—
За честь народа голову сложив...

Эти строки принадлежат перу основоположника афганской поэзии, вождю племени хаттаков легендарному Хушхаль хану.

...Тридцать семь лет — короткий срок для истории. 27 мая 1919 года Афганистан был провозглашен независимым государством. Но как много изменений произошло в стране! Сейчас веселые песни оглашают не только горный воздух, но и пропитанный известковой пылью воздух новостроек.

Раньше вспененные скакуны с трудом карабкались по горным кручам; теперь можно проехать из одного конца страны в другой по прекрасным шоссейным дорогам. Раньше стихи афганских поэтов передавались из уст в уста и путь их измерялся годами — пока дойдет из Кандагара к седеющим снежным шапкам памирских вершин; теперь радиостанция разносит по стране слова мудрости, гнева и любви, слова, написанные певцами Афганистана...

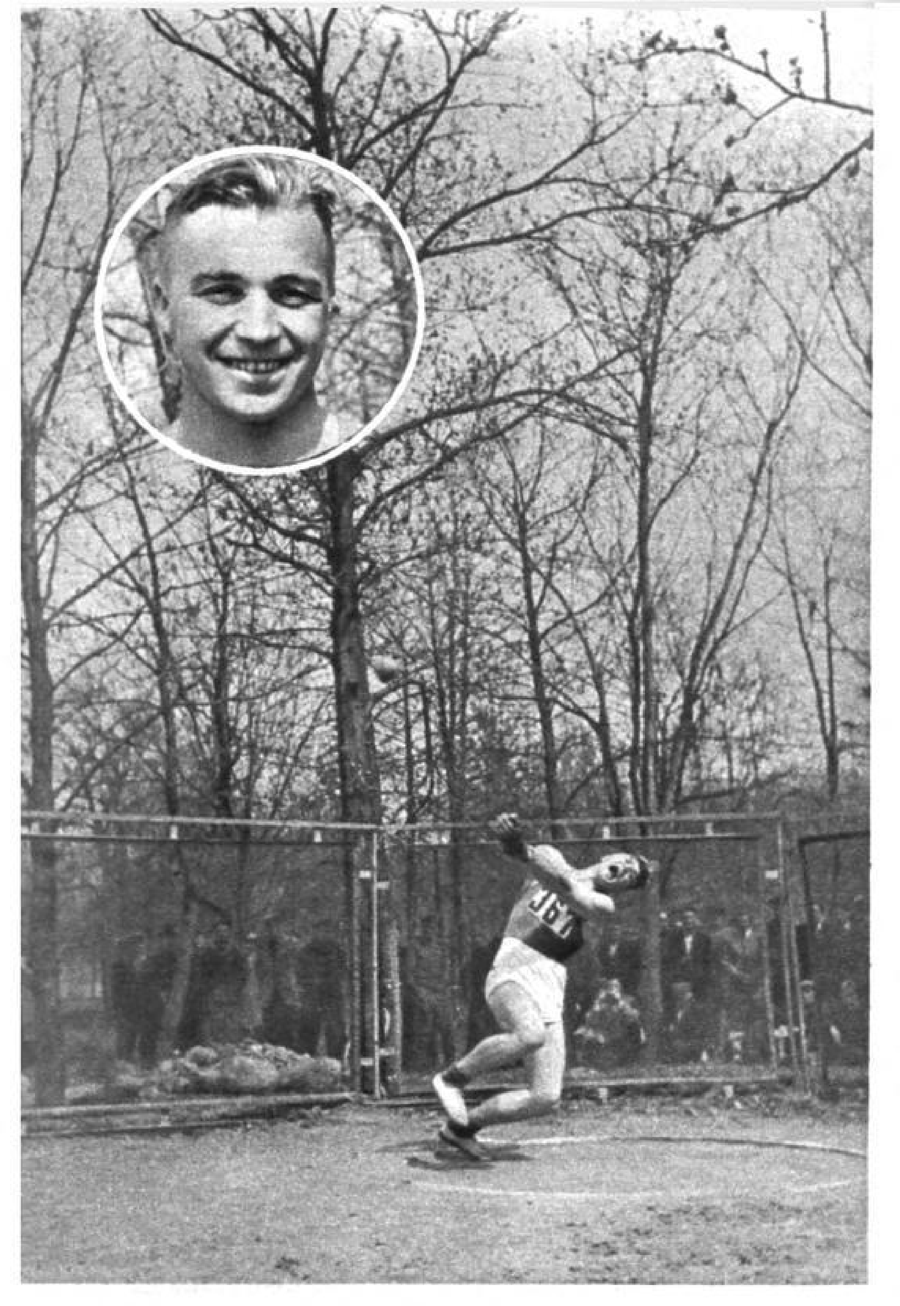
Когда путник поздно ночью едет из Пагмана в Кабул по широкому, сплошь обсаженному деревьями шоссе, кругом все окутано мраком. Ночью в горах тоскливо и одиноко, кажется, нет кругом ни живой души. И вдруг на вершинах гор начинают светиться маленькие огоньки. Что это? Костры кочевников? Или пастухи кипятят на костре зеленый пахучий чай? Если присмотреться повнимательнее, видно, что огоньки образуют круг. Это Кабул. А огоньки — это электрические лампочки, зажженные кабульской электростанцией...

Утром, когда весеннее солнце приходит из-за гор вместе с пряными ветрами весны, столица преображается. Вот прямая, словно прорубленная среди ветхих дювалей, улица Мейванд. Она вся в строительных лесах. Трех—четырехэтажные дома, светлые итальянские окна. И снова, как и везде, звонкая песня. Ее поет молодой каменщик. А если пройти... Хотя зачем пройти? Можно сесть в комфортабельный автобус — подарок советского народа кабульским гражданам — и проехать в северо-западный район города. Здесь раскинулось строительство крупнейшего в Афганистане хлебозавода и элеватора...

Если вернуться в центр и войти в красивый дом Министерства земледелия, то там можно услышать русские слова вперемежку с афганскими. Здесь говорят о саранче, о том, как с ней бороться. Советские и афганские ученые много лет плодотворно сотрудничают в этой области.

А если заглянуть на кабульский аэродром, то здесь тоже слышна и афганская и русская речь. Недавно советско-афганские переговоры закончились соглашением о прямом воздушном сообщении между СССР и Афганистаном. В Афганистане начато строительство нескольких новых гражданских аэродромов...

Ю. СЕМЕНОВ

М. Кривоносов устанавливает в Нальчике мировой рекорд.

И. Кашкаров берет высоту 2 метра 6 сантиметров.

Хорошее начало

Еще никогда легкоатлеты не начинали сезон столь удачно. Первые же соревнования, проведенные в Нальчике и Киеве, принесли выдающиеся рекорды. О тех, кто идет в авангарде спортивного лета, и рассказывается ниже.

Четыре рекорда за два года

После европейского чемпионата по легкой атлетике, проведенного летом 1954 года в Берне, в спортивных изданиях многих стран можно было видеть снимок двух атлетов, стоящих в обнимку: это был экс-рекордсмен мира по метанию молота норвежец Сверре Страндли и новый мировой рекордсмен Михаил Кривоносов. С тех пор прошло два года, и за это время замечательный советский атлет еще трижды передвигал красный флажок — отметку рекордного броска. Прошлым летом молот, пущенный его рукой в Варшаве, пролетел 64 метра 33 сантиметра (на 99 сантиметров дальше, чем в Берне), а затем в Белграде — 64 метра 52 сантиметра. Сезон 1956 года Кривоносов начал с того, что метнул молот на 65 метров 85 сантиметров.

2 метра 6 сантиметров

Семь лет стоял незыблемо всесоюзный рекорд Юрия Илясова по прыжкам в высоту — 1 метр 99 сантиметров, и никому не удавалось подняться хотя бы на сантиметр выше.

С двух метров для прыгуна начинается «стратосфера», куда удается прорваться только тем, кто обладает высокой техникой, непреклонной волей к победе, незаурядной смелостью. Штурм двухметровой высоты, который вели советские спортсмены, наконец удался им летом прошлого года. 13 июня на соревнованиях в Москве сразу два прыгуна — Владимир Ситкин и Юрий Степанов — преодолели эту высоту, а затем Степанов прыгнул еще на два сантиметра выше. В ответ на это Ситкин в Одессе совершил прыжок на 2 метра 5 сантиметров, и, наконец, этой весной в Нальчике студент Московского энергетического института Игорь Кашкаров установил новый всесоюзный рекорд — 2 метра 6 сантиметров. Теперь шесть сантиметров отделяют советских прыгунов от мирового рекорда — 2 метра 12 сантиметров, установленного в 1953 году американцем У. Дэвисом.

Десятиборцы на старте

Десятиборец — это бегун, прыгун и метатель в одном лице. Состязаясь по самым различным видам легкой атлетики, многие из которых плохо «уживаются» друг с другом, спортсмен должен показать максимально высокие результаты, набрать наибольшее число очков. Это под силу очень немногим. До сих пор сильнейшими десятиборцами мира считаются американцы. Теперь у них появился серьезный соперник в Европе — советский спортсмен Василий Кузнецов.

Еще два года назад в Берне он стал чемпионом Европы, затем установил европейский рекорд — 7 292 очка, а осенью 1955 года улучшил свой результат на 353 очка, почти вплотную приблизившись к лучшим результатам американских атлетов.

Нынешняя весна, как и обычно у десятиборцев, началась с выступлений по пятиборью, и Василий Кузнецов в Нальчике установил новый всесоюзный рекорд, набрав 3 538 очков. Однако очень скоро его неизменный соперник Юрий Кутенко во Львове добился еще большего, набрав 3 583 очка.

Это было хорошим началом — ведь чем напряженнее борьба, тем выше результаты. И действительно, вскоре мы услышали о новом успехе Василия Кузнецова. Выступая в Киеве на традиционном матче легкоатлетов РСФСР, Украины, Белоруссии, Москвы и Ленинграда, Кузнецов одинаково успешно прыгнул в длину, метнул копье, пробежал 200 метров, метнул диск и пробежал 1500 метров, побив последний рекорд Кутенко. На этот раз его результат превышает и мировое достижение немца Фрица Мюллера, установленное в 1939 году,— 3669 очков. Кузнецов набрал 3736 очков. Интересно отметить, что лучший результат в пятиборье, показанный американцами, равен 3600 очкам. Он был показан Брайтоном Нортоном в 1954 году.

В Киеве был установлен еще один всесоюзный рекорд — однофамилец известного десятиборца — Владимир Кузнецов метнул копье на 78 метров 75 сантиметров.

Я. КОНСТАНТИНОВ

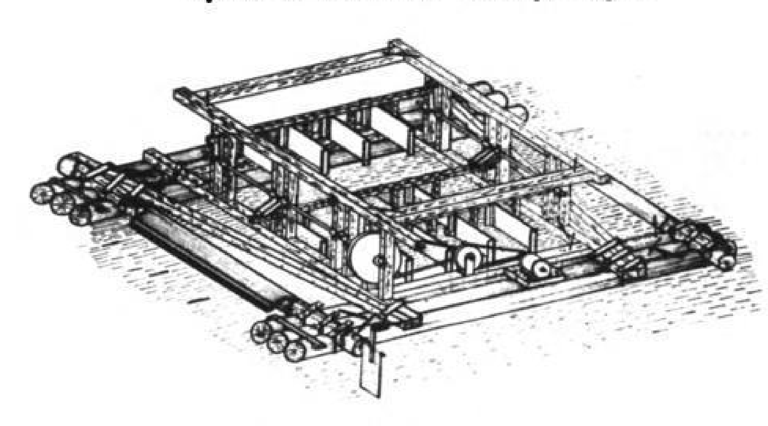
Василий Кузнецов после победы в Нальчике.

Фото М. Богдановой.

Из почты „Огонька“

ВСЕРЬЕЗ ЗАНЯТЬСЯ ПРОБЛЕМОЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭНЕРГИИ МАЛЫХ РЕК!

Привлечь внимание конструкторов

Карманная гидростанция

Перед нами гидростанция без плотины, названная «карманной». Ее сконструировал москвич Михаил Иванович Логин. Устанавливается она на сваях или на плоту. Сила течения воды преобразуется ею в электрическую энергию при помощи лопастей, укрепленных одна за другой на горизонтальных штангах, которые посредством шарниров вращают коленчатый вал, соединенный с генератором. На установку и разборку такой гидростанции требуется несколько часов. Зимой при наличии подледного течения она будет работать в тепляке.

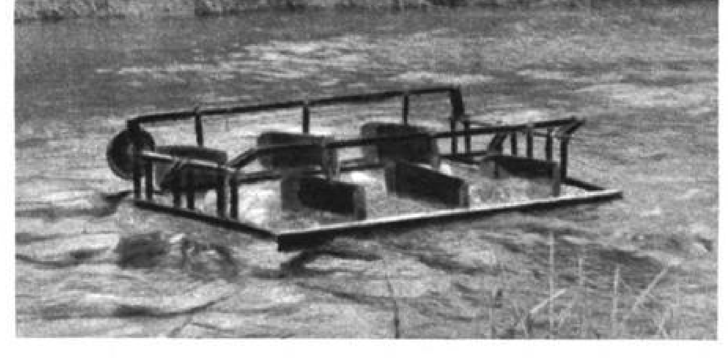
Бесплотинными гидростанциями можно перекрыть небольшую речку во многих местах, их можно расположить и по течению воды. А ведь малых рек насчитывается в нашей стране более двадцати тысяч, и их общая протяженность превышает миллион километров. Это же огромные, почти совсем неиспользуемые резервы! В то же время очень много колхозов еще не электрифицировано, хотя на территории их и имеются «свои» реки.

Не пора ли дружно «оседлать» малые реки?

П. ЧУМАК, действительный член Географического общества СССР.

Москва.

Это дело стоящее!

Модель многосекционного водяного двигателя М. И. Логина проходит испытание на реке Сходне.

Изобретатель М. И. Логин правильно подошел к делу использования энергии малых рек. Предложенная им конструкция бесплотинной гидростанции остроумно решает вопрос о замене вращающихся колесных двигателей рядами лопастей, имеющих возвратно-поступательное движение.

Однако техника знает и другие варианты бесплотинного использования рек. Например, издавна устраивались на реках водяные колесные мельницы, установленные на баржах. Кое-где в настоящее время применяются водяные двигатели пропеллерного типа, укрепленные на понтонах. Пора всерьез заняться разработкой наиболее рациональных типов водяных двигателей, пригодных для эксплуатации в разных условиях — в зависимости от глубины рек и скорости течения воды — и предназначенных для различных целей, то есть для выработки электроэнергии или приведения в действие механизмов.

Нужно проверить такие двигатели в лабораторных условиях и лучшие из них отобрать для производства и массового внедрения. Они могут принести пользу в отдаленных местностях сельскому и лесному хозяйству. Это дело стоящее, оно должно привлечь внимание многих конструкторов.

Академик С. Я. ЖУК

В ДРУЖБЕ С ПРИРОДОЙ И НАУКОЙ

Недавно исполнилось пятьдесят лет плодотворной работы старейшего фенолога — колхозника села Недра, Березанского района, Киевской области, Ивана Семеновича Юречко. Свою любовь к живой природе он унаследовал от родителей, которые были известны на Украине как ревностные наблюдатели природных явлений.

В течение полувека Иван Семенович состоит фенологом-корреспондентом Географического общества СССР. Ему принадлежат интересные, полные наблюдательности статьи о повадках волков, собак и зайцев, о жизни журавлей, грачей, ворон, уток, цапель, черных аистов и других птиц, о времени созревания плодов растений.

Многолетние фенологические труды И. С. Юречко ценят ученые.

А. ПЕТРЕНКО

Киев.

Четыреста добровольных фенологов - корреспондентов насчитывает в своих рядах Географическое общество СССР. Среди них колхозники, научные работники, агрономы, учителя, преподаватели высших учебных заведений, метеорологи, школьники, студенты, рабочие. Их многолетние сведения служат прекрасным источником для характеристики сезонного развития природы различных географических пунктов нашей страны.

Некоторые из фенологов-корреспондентов непрерывно ведут наблюдения над сезонными явлениями местной природы в течение десятков лет. В числе их находится и старейший добровольный корреспондент Иван Семенович Юречко. Он охотно предоставляет свои сведения и краеведческим музеям, кружкам и заинтересованным лицам. Многолетние фенологические наблюдения ведет и ряд других энтузиастов-краеведов, например, Б. К. Мантейфель, С. А. Комаров, В. Д. Голубев, М. И. Петренко, С. Н. Ремезов.

Придавая большое значение фенологическим наблюдениям и их использованию в практических и научных целях, Президиум Географического общества СССР отметил многолетнюю работу двадцати трех лучших корреспондентов Общества, в том числе и И. С. Юречко, наградив их почетными грамотами.

Е. Н. ПАВЛОВСКИЙ, президент Географического общества СССР, академик.

Всемирный календарь

Читатель «Огонька» В. П. Лавров (Москва) просит рассказать на страницах журнала о предполагаемой реформе календаря. Выполняем его просьбу.

В данное время в разных странах мира существует множество календарей, различающихся летосчислением, датами начала года и даже временем начала суток.

Широко распространенный и принятый у нас григорианский календарь имеет существенные недостатки — неравную длину месяцев в 28, 29, 30 и 31 день, неравную длину кварталов, не целое число недель в году и кварталах, несогласованность чисел месяцев с днями недели.

Предпринятые в свое время попытки реформы календаря были приостановлены первой мировой войной. После нее вопрос об этом рассматривался Лигой Наций, а ныне, по инициативе Индии, внесен в Организацию Объединенных Наций.

Проект новой системы календарного счета времени получил положительную оценку Секретариата, а также Экономического и Социального Совета ООН. Система эта, подобную которой еще в 1834 году предлагал М. Мастрофини в Италии, как наиболее простая и удобная, выбрана из многих других проектов и, по существу, является усовершенствованием григорианского календаря. В основных чертах она сводится к следующему.

Год состоит из четырех равной длины кварталов по три месяца в каждом, из которых первый месяц имеет 31 день, а два последующие по 30. Каждый квартал всегда начинается с воскресенья и кончается субботой. Из года в год определенная дата неизменно приходится на один и тот же день, и новый год, например, всегда начинается с воскресенья. Так как четыре равных квартала вместе составляют 52 целые недели, или 364 дня, 365-й день года выпадает из счета дней недели. Этот дополнительный день без числа предполагается объявить международным праздником — днем мира, доброй воли и сотрудничества народов всех стран. В високосном году еще один вненедельный день вводится между 30 июня и 1 июля.

Таким единым календарем с 1 января 1961 года проектируется заменить все ныне действующие календарные системы, чему во всех странах должна предшествовать соответствующая подготовительная работа. Проект Всемирного календаря должен быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Сила древесных корней

Корни деревьев, растущих в расщелинах горных пород, постепенно расширяют их, давая возможность дереву развиваться. В городских условиях сила корней проявляется в деформировании мостовой и тротуаров.

На снимке: бук, выросший в окрестностях города Казанлык. Он разломал своими корнями гранитный валун. Человек, стоящий рядом с валуном, дает представление о величине камня, а следовательно, и о силе растущего дерева.

В. ЗАХАРОВ, инженер-лесовод.

София (Болгария).

Нарядные деревья

Зима в этом году была особенно сурова. Там, где я живу, термометр в иные дни показывал сорок градусов ниже нуля. Изобиловала зима и снегом. Одну из яблонь в саду занесло снегом до самой кроны. Но удивительно то, что на этой яблоне сохранилось еще много листьев в апреле. А неподалеку от нее золотится листва и на дубе. Чем объяснить такое явление? Ни теплых источников, ни водопровода в нашем саду нет.

В. МАКСИМОВ

Ст. 43-й километр. Сев. ж. д.

Явление это встречается нередко, и объясняется оно не тем, что в почве имеются подземные теплые источники. Перед зимой растения сами сбрасывают листья. Для этого в процессе осеннего их роста в черешках образуется так называемый «отделительный слой». В этом именно месте черешки легко затем отламываются. Если же по условиям погоды осенью отделительный слой в черешках не успевает образоваться, то листья остаются висеть на дереве, хотя они и отмирают. У одних пород такое явление встречается чаще, у других реже.

И. ТУМАНОВ, член-корреспондент Академии наук СССР.

Михаил ЗАБОРСКИЙ

— Двенадцать кило! — сказал Всеволод Михалыч, подтягивая лямку плотно набитого рюкзака и делая выпад левым плечом, словно наступая на неведомого противника.— Пожалуй, даже с походом. Насчет веса я, брат, точен: аптека! Да, по совести сказать, разве это груз?.. Помоложе был — по три пуда на горбу таскал. И то ничего! И вот что характерно: все ведь рыбаки такие... То есть рыболовы-спортсмены. На природе не ощущают усталости. Как это?.. Абстрагируются от нежелательных ощущений. Это, брат, не в городе! Хотя бы взять и сейчас... А воздух замечаете какой? Тэжэ! И соловушка разливается. Слышите? Будто консерваторию, шельмец, закончил! С золотой медалью. Лауреат!.. А погода-то, погода! И все живое на свет повылазило! Замечаете? И мошки, и козявки всякие, и комарики... Красота!

Мы выбирались после удачной рыбалки на глухую проселочную дорогу. Путь предстоял не близкий — километров семь. Хотелось пить, есть, спать. Место было болотистое, топкое, кочковатое. Порой ноги увязали в жидкую грязь чуть не до колен. Хорошо еще, спасала ледяная подошва там, внизу. Поздно в этом году оттаивали переславские болота.

А вокруг во всем своем великолепии стоял весенний полдень. Солнце струило с безоблачного неба прямые лучи. Благоухали молодые березки. Разливались соловьи.

— Много все-таки чудаков у нас в столице,— продолжал Всеволод Михалыч, когда мы одолели первую, наиболее легкую половину пути. Собеседник мой так и не прерывал воркотни, недаром друзья окрестили его «рыболовным комментатором».— Не доходит до некоторых людей эта красота... А воздух-то, воздух! Не с каждым «гастрономом» сравняешь! Ей-богу! Сытный, я бы сказал, воздух. Мясным салатом пахнет. Так бы и съел. Ой!..

Тут он неожиданно сделал замысловатый пируэт, и не упрись удилищем о кочку, полоскаться бы Михалычу в глубокой луже...

— И кой сатана по этим тропкам лазит?! Ух! Так вот, я про некоторых говорю, про городских. Хилый народ! Чахлый! И очень любят с болезнями всякими носиться. Особенно с этой... как ее?.. Гипертонией. И вот спорить начнут, у кого давление выше. Смех, ей-богу! Замечали? А есть и другая порода. Те, как выходной, так в павильон. Пиво пить. Сидят с пеной у рта. Точно бешеные! Это у них называется «отдых». Культура! А я, брат, нет! С этой медициной ни-ни! Не связываюсь! Я, чуть что,— на речку. Для меня речка — все. И амбулатория. И поликлиника. И вот что характерно: все рыбаки такие. Спортсмены. А замечали? Вытащи городского мужика на природу, он комаров пугается. Другой от комара чешет, точно заяц от гончей. Ух, черт, укусил кто-то! В самый затылок, негодяй! А с весом я, пожалуй что, просчитался. Поскромничал. Рыбы-то в мешке верный пуд. Даже с походом... И чего соловей распелся, не пойму! Ночи ему мало, что ли? И сейчас фонтана никак не заткнет. Ух!..

— Одышка чего-то! — говорил «рыболовный комментатор» минут через сорок, когда мы, обливаясь пóтом, начали осиливать особенно тяжелый участок пути.— Давайте-ка отдохнем!

Не снимая рюкзака, он уперся им в ствол кривой березки, широко расставил ноги и опустил голову. Из покрытой болотной ржавчиной лужи на него кротко смотрела большая лягушка.

— Вот попали! Я отродясь такого места не видывал! Ну и грязища!.. Уйди, что вылупилась?! — ткнул он вдруг удочкой молчаливую зрительницу.— А по совести сказать, ни лешего здесь природа не стоит. И комары жрут! Ой, до чего мешок плечи оттянул! А в рыбе наверняка двадцать кило. С походом. Все потому, что жадность! Пережиток. Все давай да давай. А ну, еще одну поймаю! Алчность! И вот что характерно: все ведь рыбаки такие. Рыболовы-спортсмены. А соловей-то орет и орет. Это он с голоду, наверно. Ух, до чего же проклятая дорога!..

Дуреешь к старости! — с откровением отчаяния бубнил Всеволод Михалыч, когда, по нашим расчетам, до конца пути оставалось не больше двух километров.

Двигался теперь мой спутник, перепрыгивая с кочки на кочку, подобно отяжелевшему от утренней росы кузнечику.

— Да разве бы я, лысая чума, стал столько рыбы ловить, ежели бы знал, чем дело кончится? Ведь я верных два пуда насадил этой щуки! А на черта она мне, спрашивается? Сам рыбы не ем. Жена больше баранину любит... Ну, Пашке отдам, племяннику. Коту. Соседям штуки три. А остальных куда девать? Ух!.. Они по такой жаре к вечеру обязательно протухнут!.. И вот что характерно: бросать жалко! А ведь все рыбаки такие. Рыболовы-спортсмены!.. Хорошо бы сейчас пивка! Холодненького! В павильоне бы посидеть! Господи! А комары точно тигры. Всего изъели! Жарко! Духота! Ух!.. Да замолчи ты наконец, окаянный! — взревел он на соловья.— Подумаешь, развел самодеятельность! А какое у вас давление? — неожиданно обратился он ко мне.— Помогите мешок снять! Два пуда в рыбе! Так я и знал. Еще с походом. Запросто два пуда. Ей-богу! Ух!..

...На другой день к вечеру мы случайно повстречались в метро. Я опускался на эскалаторе в сияющий вестибюль станции «Киевская». Навстречу мне плыл Всеволод Михалыч.

— Алло! — крикнул я.— Откуда? Сколько рыба потянула?

— Из поликлиники! Десять с походом! И вот что характерно...— раздался воркующий голос.

Конца фразы я не расслышал. Впрочем, это и не имело значения. Я был убежден, что под следующий выходной обязательно встречусь с Всеволодом Михалычем на вокзале. И мы опять поедем за щукой под Переславль... Все ведь рыбаки такие!

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

У крестьянина лапоть груб, да сам он не глуп.
Любовь старика, что зима для цветка.
Гордость выезжает верхом, а возвращается пешком.
Любая шутка на карнавале стоит того, чтобы ее сказали.
Погода, ветер и синьора Счастье меняются и исчезают, как луна в ненастье.
Когда вода доходит до подбородка, все начинают плавать.
В закрытый рот муха не залетит.
Разбитому кораблю — любой ветер в корму.
Великие страдания немы.

Перевел с итальянского Г. СМИРНОВ.

Китайские загадки

1.

Когда он нужен, его выбрасывают,
А когда не нужен,— поднимают.

2.

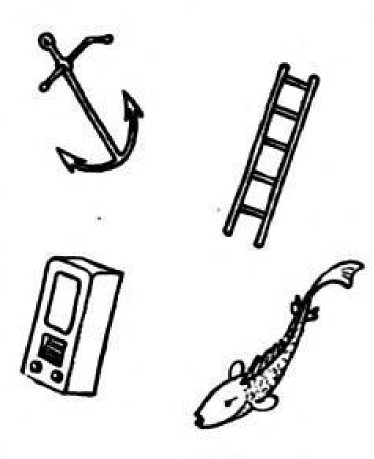
Длинных палки две,
А коротких — много.
За длинные — только руками,
А за короткие — и руками и ногами.

3.

Маленький домик без дверей,
В нем не бывает людей.
Но если включить свет,
То будут разговаривать, смеяться и петь.

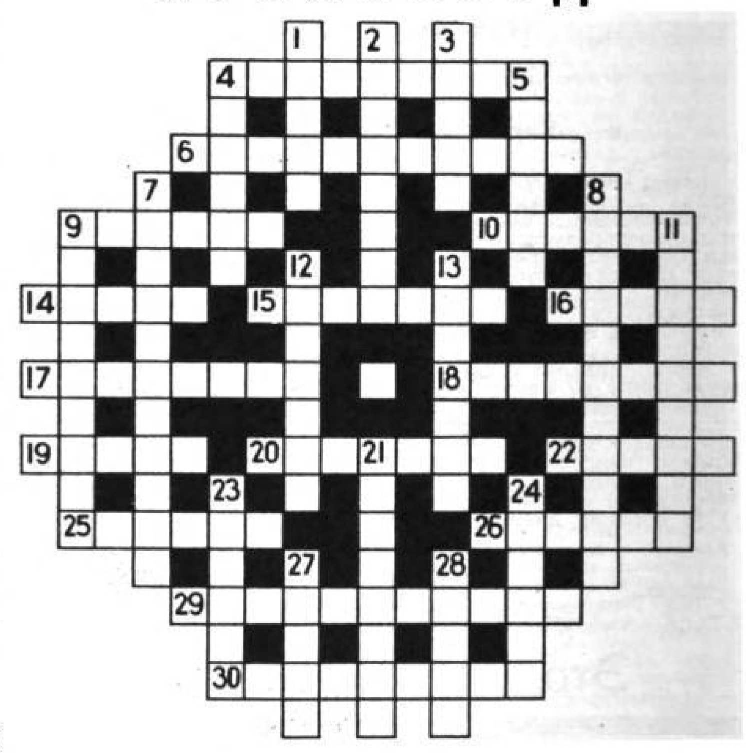
4.

Голова есть, а шеи нет.
Глаза есть, а бровей нет.
Рот есть, но говорить не может.
Ног нет, но далеко путешествует.

Перевел с китайского ЛУ ГУН.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский композитор. 6. Дружеское единение. 9. Химический элемент. 10. Тайна. 14. Герой оперы Глюка. 15. Музыкальный инструмент. 16. Приток Днепра. 17. Государство в Азии. 18. Математическая величина. 19. Бухта в море Лаптевых. 20. Армянский поэт. 22. Кусок ткани. 25. Вулканический массив в Армянской ССР. 26. Художник. 29. Основное вещество клетки. 30. Цифровое обозначение предметов.

По вертикали:

1. Литературное произведение. 2. Вид мебели. 3. Профессия. 4. Текстильное волокно. 5. Русский живописец. 7. Советская балерина. 8. Привилегия. 9. Статуя. 11. Четырехстопный стих. 12. Город и пристань на Оби. 13. Советская писательница. 21. Узловой пункт воздушных линий. 23. Искусственное волокно. 24. Материальное поощрение. 27. Инструмент для изготовления деталей. 28. Опера Леонкавалло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

5. Македония. 8. Риека. 10. Копир. 12. Серна. 13. Замша. 14. Леток. 15. Пьеса. 17. Марш. 18. «Клоп». 21. Андижан. 23. Хлор. 24. Гора. 26. Радиоактивность. 31. Рассада. 32. Темза. 33. «Вадим». 34. Ковка.

По вертикали:

1. Сава. 2. Мергель. 3. Ломонос. 4. Цинк. 6. Динар. 7. Лимон. 9. Каштан. 11. Оберон. 15. Пшеница. 16. Аксаков. 19. Пикет. 20. Хорда. 22. Шоссе. 23. Хорват. 25. Альбом, 27. Охра. 28. Кастор. 29. Игарка. 30. Нрав.

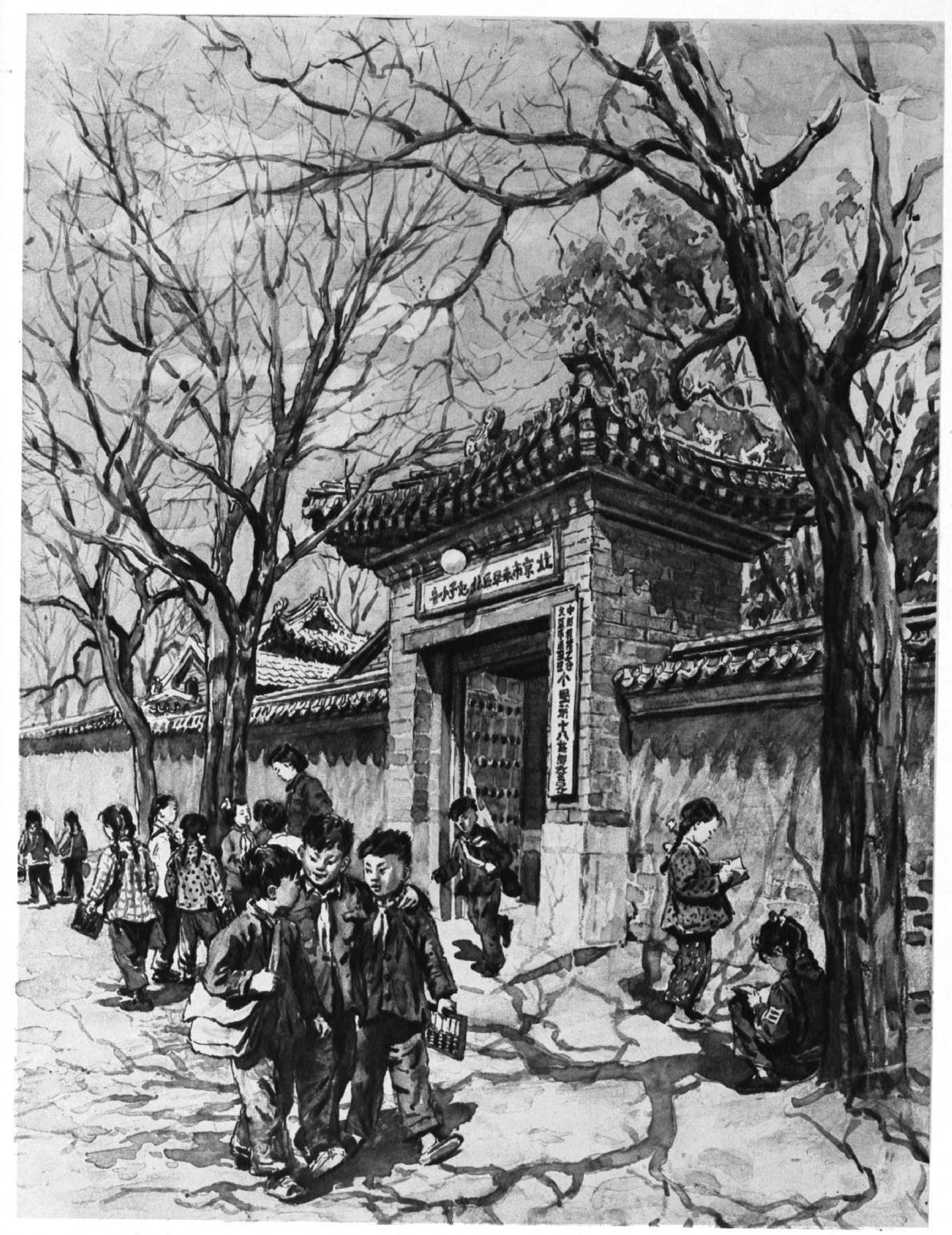
На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин Астраханской областной картинной галереи и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

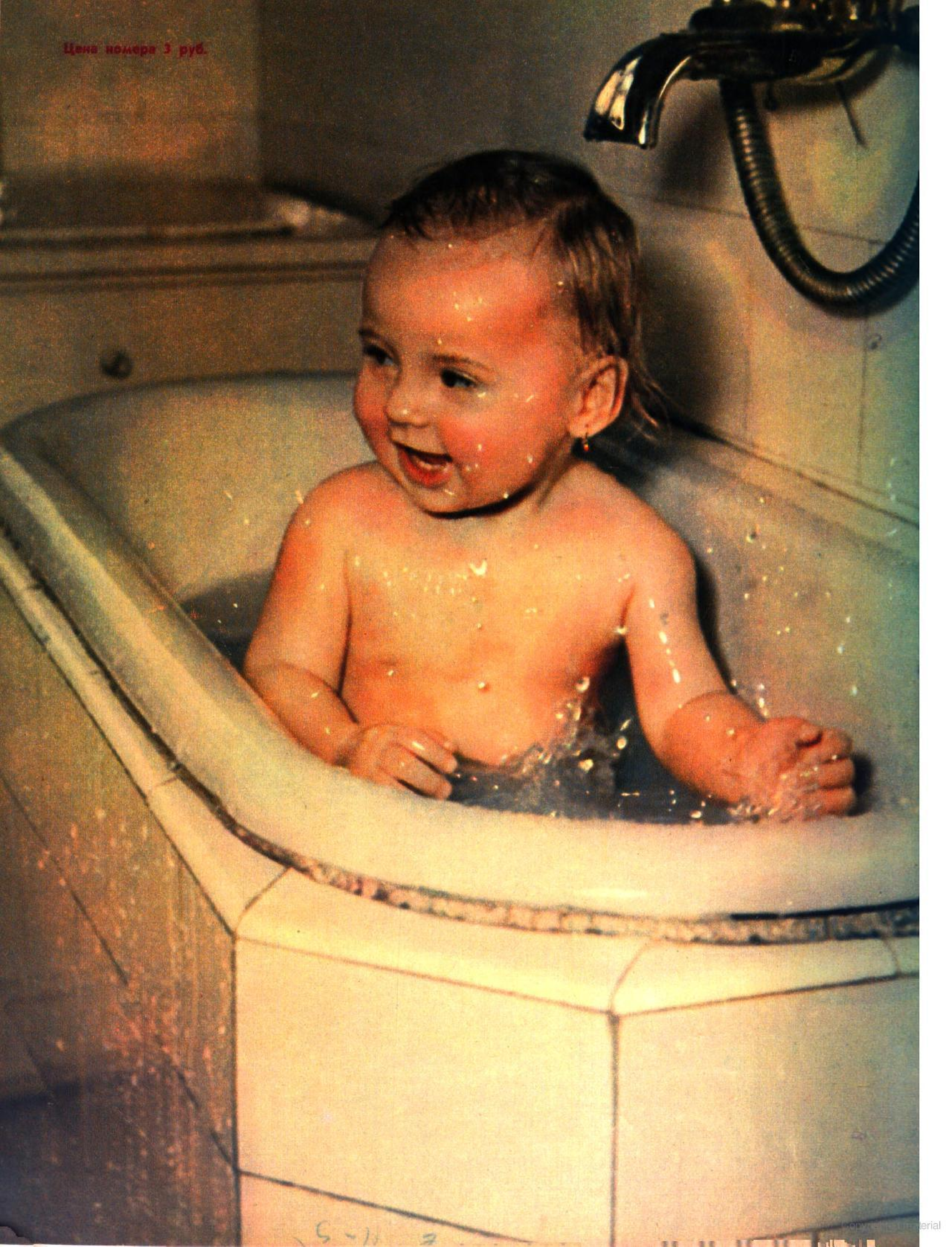
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05836. Подп. к печ. 23/V 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 450. Заказ № 1342. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Л. С. Кассис. КИТАЙ. СРЕДНЯЯ ШКОЛА В РАЙОНЕ ДУНДАНЬ. ПОСЛЕ УРОКОВ.

Цена номера 3 руб.